Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»

На правах рукописи

ВОРОБЬЁВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА

МУЗЕЙНЫЕ ПРАКТИКИ В МАЛОМ ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ: УГЛИЧ В КОНТЕКСТЕ ЯРОСЛАВСКОГО РЕГИОНА

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Специальность: 24.00.01 – теория и история культуры

Научный руководитель:
доктор культурологии,
профессор
Татьяна Иосифовна Ерохина

Ярославль
2021

Содержание

Введение 3

Глава 1. Малый провинциальный город как культурно-исторический и социокультурный феномен. 20

1.1. Феномен малого провинциального города в современной России .. 20

1.2. Культурно-исторические особенности формирования Углича как малого провинциального города. 46

Глава 2. Музей в культурном контексте малого провинциального города. 69

2.1. Характерные признаки провинциального музея в отечественной культуре. 69

2.2. «Музей в городе – город в музее»: аспекты взаимодействия. 92

Глава 3. Особенности музейных практик малого провинциального города Углича 115

3.1. Музейные практики Угличского историко-архитектурного и художественного музея в культурной среде Ярославского региона 116

3.2. Деятельность негосударственных музеев Углича в условиях современной культуры. 152

Заключение 173

Библиографический список 178

Приложение 220

Введение

Актуальность исследования.

В последние три десятилетия в России наблюдается рост интереса к феномену русской провинции и провинциальной культуре. При этом город является наиболее ярким и многогранным воплощением феномена русской провинции в различных его аспектах. Актуальность исследования обусловлена, прежде всего, недостаточной изученностью феномена малого города в соотношении с категорией провинциального города.

Актуальность исследования приобретает особое значение в условиях глобализации, когда происходит процесс поиска и осмысления локальной идентичности. При этом культурная среда города предстает как пространство формирования базовых идентичностей человека [Малыгина, Региональное измерение…, 2018, с.112-113], а исторические события и культурные явления его биографии – объединяющим, консолидирующим основанием для местного сообщества. Музей, сохраняя подлинные, в первую очередь визуальные, свидетельства прошлого, является ключевым институтом культурной памяти, деятельность которого направлена на актуализацию и репрезентацию значимых событий прошлого.

Актуальность осмысления деятельности музеев на современном этапе обусловлена также сменой музейной парадигмы в соответствии с приоритетами государственной культурной и образовательной политики, внедрением цифровых технологий в музейные практики, реализации образовательной миссии музея. Проникновение идеи музеефикации в повседневную жизнь, внимание к музею не только как культурно-просветительскому, но рекреационному и коммуникативно детерминированному феномену, приводит к тому, что музейный предмет утрачивает решающее значение в музейном пространстве. Главным актором музейной политики становится посетитель, а доминирующим направлением деятельности – коммуникационные практики.

Актуальность исследования связана с недостаточной изученностью современных культурных явлений и процессов, происходящих в малом провинциальном городе и имеющих, вследствие этого, специфические черты. Деятельность музея как наиболее укорененной в провинциальной среде культурной институции, как учреждения, определяющего культурную жизнь малого города в современной России, нуждается в комплексном исследовании. Музей становится определяющим фактором развития культурного туризма, способствует раскрытию туристического потенциала регионов и отдельных городов, что также подчеркивает актуальность исследования.

Проблема исследования инспирирована необходимостью выявления специфики музейных практик малого города, расположенного в российской провинции, как ресурса культурного, социального, экономического развития и формы презентации территориальной идентичности в региональном контексте.

Объектом исследования является феномен малого провинциального города в современной России.

Предметом исследования являются особенности изучаемых в историко-культурном и социокультурном аспектах музейных практик малого провинциального города Углича в контексте Ярославского региона.

Целью исследования стало выявление и систематизация особенностей музейных практик в малом провинциальном городе, представленных в контексте современной культуры.

Поставленная цель предполагала решение следующих **задач:**

1. Сформулировать теоретико-методологические основания исследования, обобщив культурно-исторические и социокультурные традиции осмысления феномена «малый провинциальный город» в современном отечественном культурологическом знании.

2. Определить характерные признаки провинциального музея в контексте малого провинциального города, обозначив аспекты взаимодействия музея и города.

3. Выявить и систематизировать особенности музейных практик г. Углича как репрезентативного опыта малого провинциального города, обратившись к деятельности государственных и негосударственных музеев.

Территориальные границы исследования охватывают Ярославский регион и определяются понятием малый российский город – который, согласно «Градостроительному кодексу» Российской Федерации (редакция 1998 года) [Градостроительный кодекс, 1998], является провинциальным городом с населением менее 50 тысяч человек.

Ярославская область – это регион, в составе которого находятся девять малых городов: Тутаев (население 39,8 тысяч человек), Переславль-Залесский (37,9 тысяч), Углич (31,8 тысяч), Ростов (30,5 тысяч), Гаврилов-Ям (16,5 тысяч), Данилов (14,5 тысяч), Пошехонье (5,7 тысяч), Мышкин (5,5 тысяч) и Любим (5 тысяч) [Регионы России, 2020, с. 102]. Динамика развития музейной сети в указанных городах на современном этапе неоднородна. В этой связи важным представляется выявление причин, определяющих такую разницу.

Ключевым критерием, оказывающим влияние на процесс музейного развития, на наш взгляд, является наличие историко-культурного наследия территории. Более древний город в силу возраста имеет возможность «накопить» свой культурный капитал в большей степени в сравнении с молодым городом и использовать его как основу для создания новых музеев. Город с богатым историко-культурным наследием в массовом сознании часто определяется как исторический город. Вопрос о дефиниции «исторический город» подробно рассмотрен нами в параграфе 1.1. В Ярославской области официальный статус «историческое поселение» имеют лишь два малых города - Ростов и Тутаев [Приказ Министерства культуры, 2010], при этом наличие статуса не является безусловным критерием музейного развития города. В Тутаеве меньше музеев, чем в Угличе, Переславле, не имеющих такого положения. Согласно такому подходу древние русские города – Переславль, Ростов, Углич – обладают более значительной базой для музейного

строительства, чем города, получившие свой статус вследствие реформы Екатерины II: Гаврилов-Ям, Данилов, Любим, Пошехонье. Переславль, Ростов и Углич являются признанными музейно-туристическими центрами, а в Данилове, Любиме, Пошехонье действуют по одному музею. Не укладываются в такую классификацию Тутаев и Мышкин. Тутаев, на наш взгляд, не стал пока «музейным» городом ввиду территориальной близости к областному центру. Мышкин стал феноменом в сфере туризма, центром развития экономики впечатлений, базирующемся на социальном конструировании туристических достопримечательностей [Чернега, Социальное конструирование, 2016].

Принимая во внимание тот факт, что музеи в своей работе ориентированы на посетителя, критерием способствующим развитию музейной сети является территориальная близость к крупным и столичным городам. Жители Москвы и Ярославля составляют доминирующее большинство посетителей угличских музеев. Важным показателем туристической привлекательности города является транспортная доступность. В условиях малого города, где часто наблюдается невысокий уровень развития транспортной инфраструктуры (неудовлетворительное состояние дорожного покрытия, отсутствие иных путей сообщения), данный фактор особенно значим. Малые города, расположенные на транспортных магистралях, имеют более благоприятные перспективы развития. Для Углича и Мышкина фактором, стимулирующим развитие музейной сети, стал круизный туризм. Ростов, Переславль, Гаврилов-Ям расположены вблизи автотрассы Москва – Холмогоры.

На основе обозначенных критериев, мы предлагаем разделить малые города Ярославского региона на три группы:

1. Города – музейные центры. К этой группе относятся Углич, Переславль, Ростов, а также Мышкин, но его историческое прошлое и «объем» культурного наследия существенно уступают тем же показателям обозначенных городов.

2. Города, где действуют центры сохранения и развития культуры, структурным подразделением которых является музей. Программа создания таких центров была принята в 2014 году. Центр сохранения и развития культуры – это учреждение, совмещающее функции культурных институций, образовательных центров и общественного пространства. В эту группу входят Данилов, Любим, Пошехонье.

3. Гаврилов-Ям и Тутаев занимают в «музейной иерархии» городов срединное положение. Они являются примерами городов, которые стремятся развивать музейную сферу, но не стали пока признанными туристическими центрами.

Обозначенные нами характеристики малых городов и их музейных сетей являются определяющими критериями при отборе эмпирического материала исследования. Основной эмпирический материал – музейные практики – исследован в границах Углича как репрезентативного малого города с динамично развивающейся музейной сетью, не ставшей до сих пор объектом комплексного научного анализа. В качестве контекста исследования рассмотрены также музейные практики таких малых городов как Ростов и Переславль, имеющих сходство с Угличем. Классификация малых городов Ярославского региона основывается на ряде признаков: схожесть исторического развития, наличие культурного наследия, развитая музейная сеть, представленная государственными и негосударственными музеями.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2000 по 2020 годы. Исследование направлено на установление представлений о том, что музейные практики этого времени были специфическими и развивались вследствие трансформации музейных институций, произошедшей на рубеже тысячелетий. Определяющими специфику деятельности музеев данного периода, Е.Н. Мастеница называет такие тенденции как виртуализация, аффектация, интерактивность, а также рост корпоративных и частных музеев [Мастеница, Музей в начале..., 2020, с. 46]. В качестве контекста исследования мы также обращались к периоду второй половины XIX века, поскольку

именно тогда начала формироваться модель провинциального музея, и в малых провинциальных городах были открыты первые музейные учреждения (1883 год – Музей церковных древностей в Ростове, 1892 год – Музей древностей в Угличе).

Материалом и источниками исследования стала экспозиционно-выставочная и просветительская деятельность музеев города Углича, которая представлена специально изученными музейными практиками и направлена на формирование коммуникации, понимаемой как процесс «общения» с реальной и потенциальной аудиторией.

Материалом исследования, в первую очередь, являются практики Государственного автономного учреждения культуры Ярославской области «Угличский историко-архитектурный и художественный музей» (далее Угличский музей) – действующие постоянные экспозиции, а также выставки, образовательные программы, культурные проекты, осуществляемые с 2000 года, а также практики негосударственных музеев Углича: Музея истории Углича, Музея необычных велосипедов «Самокат», Музея часов «Чайка», учебно-производственного информационного центра — Музей гидроэнергетики, Музея авангардного и наивного искусства «Авангард. Углич», Музея истории русской водки, Музея городского быта XIX века, Музея кожевенного ремесла, Дома-музея «Легенды Углича», Музея мифов и суеверий русского народа, Музея-галереи кукол, Музея тюремного искусства «Запретная зона», Музея игральных карт, Дома-музея В.И. Калашникова, Музея народной игрушки и традиционного искусства.

К числу источников исследования относятся:

1) внутримузейная документация Угличского историко-архитектурного и художественного музея: акты выдачи музейных предметов из фондов на временные выставки, научно-методические разработки по выставкам и экспозициям, сценарии музейно-образовательных и интерактивных программ;

2) архивные документы: топографические описи отделов Угличского историко-архитектурного и художественного музея, годовые планы работы и отчеты музея за период с 2000 – 2010, тематико-экспозиционные планы;

3) исследование практик негосударственных музеев Углича и музеев других малых городов (Переславль и Ростов) проводилось на основе изучения интернет-ресурсов: это сайты Музея кожевенного ремесла, Музея необычных велосипедов «Самокат», учебно-производственного информационного центра - Музей гидроэнергетики, Музея городского быта XIX века, Музея народной игрушки и традиционного искусства, Музея мифов и суеверий русского народа, Государственного учреждение культуры Ярославской области «Переславль-Залеский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» (далее Переславский музей), Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник» (далее Ростовский Кремль) и аккаунты в социальной сети «ВКонтакте».

Теоретико-методологическая база исследования

Диссертационное исследование носит междисциплинарный характер, опирается на интегративную парадигму изучения провинциального исторического города как культурного универсума, разработанную коллективом кафедры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», а также ярославской культурологической школой. Исследование включает в себя методы, позволяющие обозначить культурно-историческую, социокультурную, феноменологическую, аксиологическую проблематики, необходимые для изучения конкретных музейных практик. Теоретико-методологическую базу исследования составили:

- феноменологический метод, позволяющий определить сущность феномена малого провинциального города;

- системный метод, дающий возможность проанализировать малый провинциальный город как социокультурную систему;
- аксиологический метод, определяющий ценность города как хранителя наследия и памяти;
- историко-культурный метод, позволяющий проследить процесс развития провинциального музея в истории культуры и выделить его характерные черты;
- социокультурный метод, необходимый для исследования аспектов взаимодействия музея и города;
- сравнительный метод, эмпирические методы визуального наблюдения, опроса, контент-анализа, применяющиеся при изучении конкретных музейных практик.

Степень научной разработанности проблемы.

Анализ научной литературы по теме исследования позволил определить следующие группы работ, в которых изучается проблематика города как феномена культуры и Углича как малого провинциального города, культурной памяти, региональной идентичности, деятельности музеев как в отечественной культуре в целом, так и в провинциальных городах, в частности.

Первую группу исследований составили работы, посвященные проблематике города как культурно-исторического и социокультурного феномена. Теоретико-методологические основы исследования города как особого культурного феномена представлены в трудах Н.П. Анциферова, В.Л. Глазычева, И.В. Гревса, М.С. Кагана, И.В. Кондакова. Философско-культурологическое осмысление феномена русской провинции раскрывается в работах Н.А. Бердяева, А.Ф. Белоусова и Т.В. Цивьян, Е.Я. Бурлиной, Т.И. Ерохиной, Т.С. Злотниковой, Н.М. Инюшкина, Л.Н. Когана, Н.Н. Летиной, Ю.М. Лотмана, Н.П. Пиксанова. Восприятие провинциального города как культурного универсума концептуализировано в исследованиях ярославских культурологов (Н.А. Дидковской, А.В. Еремина, Е.А. Ермолина, Т.И. Ерохиной, Т.С. Злотниковой, Н.Н. Летиной). Ряд работ посвящен

исследованию различных аспектов культурной жизни крупных провинциальных городов: формирование образа города и его бренда, культурный текст города, архитектурный облик, отдельные сферы культурной и обыденной жизни. К данной категории относятся работы М.В. Александровой, Т.А. Сиротиной, А.П. Старшовой в отношении Ярославля, Д. С. Бокурадзе, Е.Я. Бурлиной, Ю.А. Кузовенковой применительно к Самаре, Н.И. Ворониной касательно Саранска, З.Ю. Желниной и Е.Ю. Терещенко о Мурманске. Малый провинциальный город наиболее исследован в социально-экономическом аспекте. Предметом исследования становятся демографические процессы, экология, управление и развитие, экономика малого города. К этой группе относятся работы Е. Г. Анимицы, Н.В. Зубаревич, И. А. Медведевой, В. А. Сухих, Т.В. Верещагиной, О.В. Мельниковой Ю.М. Плюснина и другие. Культурологический аспект исследования малого города представлен в работах Ж.Б. Балдандоржиева (города Восточного Забайкалья), Н.В. Барабошиной (Бузулук), Н.Ю. Ланцевской (Шадринск), Н.Ю. Лысовой (города Мордовии), С.С. Касаткиной (города Вологодской области), Р.В. Разумова (города Ярославской области). К первой же группе мы полагаем возможным отнести работы, касающиеся сохранения культурного наследия провинциальных городов. Важно отметить, что теоретические исследования данной проблематики сосредоточены, главным образом, на дефиниции «историческое поселение» и направлены на выявление типологических черт таких населенных пунктов. В этот список входят работы М.Н. Веселовой, В.Р. Крогиуса, Л.С. Могутовой, Э.А. Шевченко. В исследованиях О.В. Мартыновой, А.Б. Пермиловской, А.Ю. Тихоновой, П.М. Шульгина и других представлены актуальные практики выявления и сохранения культурного наследия городов и сельских ландшафтов различных регионов – Сибири, Русского Севера, Ульяновской области.

Во *вторую группу* вошли работы, отражающие историко-культурный контекст развития Углича как малого провинциального города. К этой группе

мы отнесли работы краеведов XIX века - К.Н. Евреинова, Ф.Х. Кисселя, Л.Ф. Соловьева, а также современные исследования (со второй половины XX века) – А.Н. Горстки, В.И. Ерохина, С.В. Ерохиной, Е.А. Лиуконена, С.В. Кистеневой, В.А. Колгановой, А.В. Кулагина, Ю.Б. Куницыной. Особенно стоит выделить работы Е.А. Ермолина и Е.С. Карповой, посвященные проблематике формирования мифообраза Углича.

Третью группу исследований составили работы, посвященные проблематике культурной памяти и формирования региональной (локальной) идентичности как ключевой функции провинциального музея. Основы теории культурной памяти изложены в работах Я. Ассмана, П. Нора, П. Рикёра, М. Хальбвакса. Теоретические вопросы изучения памяти представлены в исследованиях О.Н. Астафьевой, Н.И. Ворониной, Т.И. Ерохиной, Н.А. Личак и Л.А. Тюкиной, И.В. Малыгиной, Е.А. Ростовцева и Д.А. Сосницкого, Ю.А. Сафроновой, Г.Л. Тульчинского, М.Л. Шуб. Роль музея в процессе формирования и трансляции культурной памяти рассматривается в работах О.В. Беззубовой, О.А. Божченко, М.Е. Каулен, Е.Н. Мастеницы, А.А. Никоновой, А.В. Смирнова, А.А. Сундиевой.

Четвертая группа исследований посвящена проблематике социокультурной значимости и содержания деятельности музеев в отечественной культуре. В работах А.Б. Закс, Е.Н. Мастеницы, Д.А. Равикович, А.М. Разгона, А.А. Сундиевой, Л.М. Шляхтиной, Э.А. Шулеповой представлена история развития музейного дела в России с конца XIX – начала XXI веков. Специфика музейных институций XXI века выявлена в исследованиях З.А. Бонами, А.А. Будко, М.Е. Каулен, Е.Н. Мастеницы, А.А. Сундиевой. Предметом исследования в ряде работ являются различные направления музейной деятельности: экспозиционно-выставочная работа (А.Н. Балаш, И.А. Куклинова, Е.Н. Мастеница, Т.П. Поляков, А.А. Сундиева), музейная педагогика (Е.Г. Ванслова, Б.А. Столяров, Л.М. Шляхтина, М.Ю. Юхневич), информационные технологии и медиа (Н.Б. Кириллова, А.В. Михайлова, Н.А. Никишин, Л.Я. Ноль), музейная коммуникация

(О.Ю.Астахов, В.Ю. Дукельский, Э.Ю. Комлев, О.С. Сапанжа, И.В. Черняева,), музеефикация историко-культурного наследия (Г.А. Зайцева, М.Е. Каулен, Э.А. Шулепова), фондово-исследовательская работа (П.В. Абрамова, Т. И. Кимеева, С. А. Пронина). Непосредственно провинциальному музею посвящены исследования Н.М. Могилянского, Д.А. Равикович, Н.И. Романова, в которых рассматривается история появления и принципы организации данного типа музеев; работы О.В. Ионовой, А.М. Моисеева, А.М. Разгона характеризуют деятельность краеведческих музеев в советский период. К.А. Алякина, Т.О. Размустова, А.Л. Филатова рассматривают музей как особый феномен провинциальной культуры. Широко исследованы историко-культурные аспекты становления и существования провинциальных музеев в регионах и крупных областных городах. Это диссертационные исследования Э.А. Белековой (Республика Алтай), А.А. Змеул (Нижний Новгород), С.Ф. Махрачева (Тамбовская область), И.И. Романовой (Чукотка), М.А. Чаплановой (Симбирс-Ульяновск), Т.Н. Феоктистовой (Хакасия), монография О.С. Петрушиной (Самара) и другие. Культурологический анализ конкретных провинциальных музеев представлен в статьях С.А. Добрецовой, Н.П. Рязанцева, Ю.Г. Саловой (Ярославская область), А.С. Зайковой (Суздаль), Л.Н. Зориной (Киров). Музеи малых провинциальных городов становятся объектом исследования в контексте проблематики рекреационно-туристического развития территории. Данный подход представлен в работах В.Б. Антоновой (Муром), Э.Б. Грушенко (Белозерск), В. В Данилевича, В. А Рубцова, Э. И. Байбакова (Елабуга), И.Н. Ружинской (Медвежьегорск), Чернега А.М. (Тотьма, Мышкин).

Несмотря на значительный объем публикаций, посвященных проблематике провинциального города, малый город как феномен культуры исследован недостаточно. Работы, характеризующие деятельность музеев малого города, носят, как правило, описательно-хронологический характер, отсутствует комплексное проблемное исследование, связанное с определением специфики музейной деятельности малого города.

Научная гипотеза исследования основана на предположении о том, что музейные практики малого провинциального города, отражая общегосударственные тенденции развития музейной сферы, обладают специфическими чертами, обусловленными особым значением самого музея в малом городе. Провинциальный музей не только (по традиции) выступает хранителем и транслятором памяти, способствуя формированию коллективной идентичности местного сообщества, но, в отличие от практик более крупных городов, формирует образ города и является ключевым институтом культурно-образовательной и просветительской деятельности территории.

Научная новизна исследования связана как с привлечением корпуса новых эмпирических материалов, так и с новыми аспектами исследования.

Впервые введён в научный оборот эмпирический материал, касающийся музейных практик в малых городах Ярославского области: Углич, Ростов, Переславль.

Новизной отличается анализ музейных практик малых городов Ярославского региона. Впервые предметом исследования стали актуальные музейные практики г. Углича как репрезентативного примера малого провинциального города и культурно-исторический контекст формирования музейной сети г. Углича.

Впервые сделан акцент на соотношении понятий провинциального города и малого исторического города, обозначена феноменология комплексного понятия «малый провинциальный город».

Теоретическая значимость исследования:

1. Сформированы представления о недостаточно изученном феномене малого провинциального города, примененные феноменологический, системный, аксиологический и историко-культурный методы позволили обозначить дискуссионный характер современных подходов к данному понятию и обозначить его характерные признаки.

2. Расширены и конкретизированы содержательные характеристики деятельности провинциального музея в контексте взаимодействия города и

музея, на основе чего выявлены тенденции развития музейной сферы в России на современном этапе (конец XX века – начало XXI века);

3. Систематизированы функции и обозначена онтологически значимая роль музейных практик в малом провинциальном городе, что имеет теоретическое значение для моделирования в современном пространстве города музейной сети.

Практическая значимость исследования. Основные положения и результаты исследования могут быть востребованы в учебном процессе различных гуманитарных факультетов, направлений и специальностей, уделяющих внимание региональным проблемам и краеведению, музейным практикам и культурной памяти. Материалы исследования могут быть использованы при разработке учебных дисциплин по направлениям подготовки «Педагогическое образование» (профили «Управление культурно-образовательной и культурно-просветительской деятельностью», «Мировая культура и межкультурная коммуникация»), «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», «Туризм», а также могут быть востребованы сотрудниками провинциальных музеев.

Личный вклад автора рукописи заключается в следующем.

1. Систематизирован объемный пласт научных исследований, касающихся изучения феномена малого провинциального города и провинциального музея в историческом, культурологическом, юридическом дискурсах.

2. В научный оборот введен новый эмпирический материал, отражающий экспозиционно-выставочную, образовательную и коммуникационную деятельности музеев в малых провинциальных городах на примере г. Углича.

3. Выявлены особенности музейных практик малого провинциального города в аспектах территориальной и культурной идентичности, а также культурной памяти.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обусловлены актуальностью и новизной постановки проблемы, всесторонним анализом проблемы с позиций современных теоретико-методологических подходов; комплексностью междисциплинарной методологии, обеспечившей решение поставленных в работе цели и задач, касающихся музейных практик малого провинциального города; обширным кругом эмпирического материала, репрезентативной апробацией основного содержания диссертации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Малый провинциальный город является недостаточно изученным в культурологическом аспекте феноменом, специфика которого обусловлена социальными характеристиками негативного и позитивного характера. Применяемые в современном гуманитарном знании методы осмысления категории «город» (социологический, семиотический, архитектурно-эстетический, культурологический) в полной мере не раскрывают специфику феномена малого провинциального города. Наиболее целесообразным ввиду сложности объекта исследования является системный подход. Существенным представляется также ценностный (аксиологический) подход, связанный с проблемой сохранения историко-культурного наследия и, соответственно, восприятием города как хранителя памяти.

2. Специфика провинциального музея детерминирована особенностями социокультурной среды и взаимодействия музея и города. Музей выступает фактором социально-экономического развития города/территории, что обусловлено его сущностно-функциональными характеристиками, а именно: формированием образа города музейными средствами (презентативная функция); хранением, актуализацией и трансляцией культурной памяти, на основе которой происходит идентификация локального социума (идентификационная функция); реализацией культурно-просветительской деятельности в процессе взаимодействия с местным сообществом (коммуникационная функция). Вектор взаимодействия музея и города, обозначенный как «город в музее»

согласуется со всеми выше обозначенными функциями провинциального музея.

3. Наиболее широко круг музейных практик в малом провинциальном городе представлен в государственном музее. Государственный музей имеет более тесную (в сравнении с негосударственными музеями) связь с городом, что обусловлено продолжительностью его функционирования, местом расположения, связью с архитектурно-пространственной средой. Практики в области экспозиционно-выставочной и образовательной работы являются для данного типа музеев приоритетными. Практики музейной коммуникации носят традиционный характер (экскурсии, интерактивные программы). Функция музея как института культурной памяти для формирования локальной идентичности местного населения имманентно присутствует во всех направления деятельности.

4. Практики большинства негосударственных музеев отличает слабая связь с локальной спецификой, в результате чего недостаточно отчетливо реализуются идентификационная и презентативная функции музейного учреждения. Негосударственные музеи в основном ориентированы на формирование туристической среды города, в следствие чего для них характерны активное развитие коммуникационных практик, ориентированных на туристическую аудиторию, и «скромный» музейно-образовательный потенциал.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования.

Апробация результатов исследования была проведена на заседаниях кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского». Материалы исследования были изложены в докладах и сообщениях на следующих конференциях: VII международная научно-практическая конференция с международным участием «Творческая личность – 2018: жизнь в горизонте

массовой культуры» (Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, декабрь 2018); 73-я Международная научная конференция «Чтения Ушинского» (Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, март 2019); Международный симпозиум, посвященный году театра в России «Русский театр как культурфилософский феномен: целостность дихотомии» (Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, декабрь 2019); 74-я Международная научная конференция «Чтения Ушинского» (Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, март 2020); Всероссийская научная конференция «Творческая личность – 2020. Культурфилософский анализ медийной эпохи» (Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, декабрь 2020); ежегодная российская научно-практическая конференции «Музей в культурном пространстве исторического города» (Углич, Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей, ноябрь 2020). Кроме того, материалы исследования были представлены на научно-методологическом семинаре для аспирантов, магистрантов и студентов на тему «Театральность и театрализация как дискурс современной культуры», посвященном году театра в России (Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, ФРФиК, кафедра культурологии, Научно-образовательный центр «Культуроцентричность научно-образовательной деятельности», октябрь 2019) и региональном научно-методологическом семинаре для преподавателей, аспирантов и магистрантов на тему: «Классическое наследие в медийной культуре» (Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, ФРФиК, кафедра культурологии, октябрь 2020). Результаты исследования опубликованы в 6 статьях и материалах научных конференций, в том числе в трех статьях, опубликованных в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Соответствие паспорту специальности. Работа соответствует специальности 24.00.01 «Теория и история культуры» и выполнена в соответствии с пунктами паспорта специальностей ВАК РФ: п. 1.11.

Взаимоотношение универсального и локального в культурном развитии; п. 1.15. Роль культурного наследия в жизнедеятельности общества; 1.32. Система распространения культурных ценностей и приобщения населения к культуре. 1.33. Институты культуры и их функции в обществе.

Структура и объем диссертации.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, содержащего 305 наименований, и приложения. Общий объем выполненной работы – 221 страница.

Глава 1. Малый провинциальный город как культурно-исторический и социокультурный феномен

Первая глава диссертационного исследования посвящена анализу подходов к осмыслению дефиниции «город», сформировавшихся в отечественной и зарубежной научной мысли с целью выявления оптимальной современной методологии изучения феномена малого провинциального города в его культурно-исторических и социокультурных аспектах. Феномен малого провинциального города будет рассматриваться нами на примере культурно-исторического контекста формирования малого города Углич.

1.1. Феномен малого провинциального города в современной России

На сегодняшний день в России насчитывается более тысячи городов, различных по численности населения, занимаемой площади, уровню культурного развития. Феномен города является предметом исследовательского интереса многих наук, но как научная дефиниция не имеет однозначного и единообразного определения в современном гуманитарном знании. Наличие многочисленных определений города вызывает некоторые затруднения в процессе работы с данной категорией.

В энциклопедических статьях определение города встречается в различных интерпретациях. Есть базовые определения города, связанные с обыденным восприятием этой дефиниции. Так, словарь русского языка С. Ожегова трактует город как «...крупный населенный пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр» [Толковый словарь Ожегова]. Конкретизирует содержание термина город определение, представленное в Большой советской энциклопедии «...крупный населенный пункт, жители которого заняты главным образом в промышленности и торговле, а также в сферах обслуживания, управления, науки, культуры... город – это обычно административный и культурный центр

окружающего района» [Большая советская энциклопедия]. В указанных выше определениях прослеживается эволюция понятия «город» от формально-административной трактовки к функционально-деятельностной характеристике.

В зависимости от того, что изучается в рамках концепта «город», выделяют несколько подходов к его трактовке. Е.Н. Мастеница [Мастеница, Город как…, 2014, с. 6–7] определяет в качестве наиболее распространенных следующие подходы к пониманию города: *культурологический* (Л. Мамфорд, К. Линч, М. Вебер, А.С. Кармин и другие) – город как сообщество свободных равноправных людей, владеющих землей, с подвластной им областью, и городской центр, объединяющий горожан; *социологический* (М. Вебер, В. Глазычев, В. Вагин, Л. Ионин, Б. Ерасов) – город как сообщество индивидов, раз возникший, он начинает действовать на людей в качестве внешней силы; *семиотический* (Н.П. Анциферов, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, Д.Л. Спивак, Р. Барт и другие) – город как носитель и транслятор культурной информации; *архитектурно-эстетический подход* (В.Л. Глазычев, А.В. Иконников, Д.С. Лихачев, К. Линч и другие) объясняет город как особый мир отношений и ценностей – материальных и духовных; с*истемный* подход (И.М. Гревс, Н.П. Анциферов, М.С. Каган и другие) заявляет о городе как особом историческом, социальном и культурном феномене. Для определения наиболее подходящего метода исследования малого провинциального города представляется значимым рассмотреть вышеуказанные подходы более подробно.

С нашей точки зрения, основы культурологического исследования города были заложены в работе М. Вебера «Город» [Вебер, 2017]. Автор вводит политико-административное понятие города, в основе характеристики которого находятся такие критерии как территория, обособленное городское сословие, городское право, экономическая деятельность населения, классифицируя города на города потребителей, города производителей и торговые города.

В свою очередь Л. Мамфорд в книге «Культура городов» [Мамфорд, 2011] ключевым фактором возникновения и развития городов называет социальные потребности человека, а главным признаком города считает не размер, плотность населения или экономическое значение, а целевую социальную сложность. Особое значение автор отводит также культуре города, полагая, что главная функция города – механизм передачи культурного наследия. Исследуя вопросы планировки городов, Л. Мамфорд выделяет такие типы городов как средневековый город, город эпохи Барокко, индустриальный город, мегаполис. При этом культуролог отмечает, что именно в средневековом городе планировка, социальная и культурная составляющие города находятся в наибольшей связи, не противореча, а дополняя друг друга.

Аналогичную связь облика горда и его социальной структуры выделяет К. Линч [Линч, 1982]. Идея автора заключается в том, что город необходимо понять не как «вещь в себе», но как город, воспринимаемый его обитателями [Линч, 1982, с. 16]. Процесс восприятия города и формирования его облика – это процесс не последовательный и не имеющий окончательного результата.

Формирование социологического метода исследования города связано с деятельностью Чикагской школы социологии (Р. Парк, Э. Берджесс, Л. Вирт). Отечественные исследования в данной области опираются на работы этих ученых. Р. Парк [Парк, Город как…, 2002] называет город лабораторией, в которой лучше всего изучать природу человека и социальные процессы во всем их многообразии. Город рассматривается ученым как институт, обладающий понятием и структурой. При этом «элементы» города приобретают институциональные черты лишь в процессе взаимодействия с человеком. Р. Парк и его коллеги разработали теорию «естественных зон» города. «Естественная зона» – это городской район, имеющий естественную историю (появляется незапланированно), свою специфическую среду и особую функцию. Город, в представлении чикагских социологов, является констелляцией естественных зон. Продолжением данного исследовательского

направления стала разработка концепции «экологии человека» [Вирт, Человеческая экология, 2005]. Ключевое значение в концепции имеет понятие сообщество: «Человеческая экология интересуется не столько отношениями между человеком и его средой обитания, сколько отношениями между человеком и человеком в той мере, в какой на них влияет, наряду с прочими факторами, их среда обитания» [Вирт, Человеческая экология, 2005, с. 41].

Л. Вирт в работе «Урбанизм как образ жизни» [Вирт, Урбанизм как…, 2005] называет город особой формой человеческой ассоциации, стимулирующим и регулирующим центром экономической, политической, культурной жизни. Автор вводит в научный оборот термин урбанизм, понимая его не столько как физические характеристики города (строго ограниченная в пространстве сущность), сколько как особый образ жизни, зависящий от трех характеристик – размера популяционного агрегата (численность населения), плотности населения и гетерогенности.

В семиотическом подходе к понимаю города ключевыми понятиями является текст, в качестве которого выступает какой-либо объект, и код (язык), с помощью которого данный текст расшифровывается: «Город – сложный семиотический механизм, генератор культуры, котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [Лотман, Символика…, 2002, с. 212]. Задача текста при этом не только передать значение (знание), но и аккумулировать новые смыслы. Генераторами этих новых смыслов, а соответственно и текстами, являются архитектурная среда города, обряды, церемонии, наименование улиц, план города и многое другое.

Архитектурно-эстетический подход в исследовании феномена города связан, в первую очередь, с его материальным воплощением – внешним обликом. К. Линч отмечал, что материальное окружение города формирует четко отфокусированный образ города, который играет социальную роль – служит основой для коммуникации внутри группы, для формирования коллективной памяти. Образ города, создающийся в процессе взаимодействия

наблюдателя и его окружения, отличается непостоянством, зыбкостью. Несмотря на это, «будучи сформированным, образ начинает ограничивать круг воспринимаемого и подчеркивать что-то в нем; сам же он постоянно испытывается в столкновении с отфильтрованными через него впечатлениями в процессе неустанного взаимодействия» [Линч, 1982, с. 19]. Образ города основывается на трех составляющих – опознаваемости, структуре и значении. Основополагающее значение в данном подходе имеет планировочная структура и застройка города.

Системный подход, в основе которого находится принцип комплексного, междисциплинарного исследования, дает возможность всестороннего осмысления феномена города.

Теоретико-методологические основы системного метода исследования феномена города были заложены в работах И.М. Гревса и Н.П. Анциферова. И. М. Гревс отмечал: «Города – это и лаборатории, и приемники, и хранители культуры, и высшие показатели цивилизованности. В них происходит сгущение культурных процессов, насыщение их результатов. Город – самое яркое и наглядное мерило уровня культуры, а история города прекраснейший путеводитель ее хода и судеб» [Иван Михайлович Гревс…, 2010, с. 20]. По словам Анциферова «город это - наиболее конкретный, устойчивый сложный социальный организм. Все накопленное веками слито здесь в едином, целостном облике, который доступен каждому из нас. Городской ландшафт – красноречивые страницы, на которых всякий, постигший его грамоту, сможет прочесть и о хозяйственной жизни страны, и о социальных контрастах, и о технических достижениях, а вместе с тем и о соединенных со всем этим потребностях духа человеческого» [Анциферов, 1926, с. 9]. Поскольку город – это организм, то он, по мнению автора, обладает своеобразной анатомией, физиологией и психологией, что составляет его индивидуальность. Для того чтобы всецело понять город, необходимо изучить эти его отличительные черты. К разделу «анатомия города» Н.П. Анциферов относит место, на котором город построен (рельеф, почвы и т.д.); план и ядро города, вокруг

которого город и начал расти; улицы и площади; реку. Под «физиологией города» понимались его функции, а именно: социальная (место общежития), экономическая (торговля и промышленность), функция связи (транспорт), лечебная, административная, военная или стратегическая, духовная и развлекательная. Психологией города или его душой ученый называет городской пейзаж, исторические судьбы, художественные вкусы, характер населения. Главный принцип исследования города, формулируемый в этих работах – принцип комплексности, системности.

Дальнейшее развитие данный подход нашел в трудах М.С. Кагана. Ученый видит специфику подхода к исследованию феномена города в его синтетичности, то есть в восприятии его как целостного социокультурного образования, сложной саморазвивающейся системы. Автор говорит о том, что город – это высшее состояние истории культуры, это форма, в которой культура становится цивилизацией [Каган, Град Петров…, 2018, с. 13]. Воспринимая цивилизацию как высшую ступень развития человечества, которой предшествовали периоды варварства и дикости, Каган считает город главным ее признаком. Следовательно, город не может возникнуть спонтанно, для этого необходимы особые условия: материальная культура (все многообразие форм практически-производственной деятельности людей), духовная культура (познание действительности, ее ценностное осмысление, духовное общение людей) и художественная культура (произведения искусства и их духовное содержание). Это те самые векторы, по которым и необходимо изучать любой город. Особое внимание в процессе исследования города необходимо уделять среде, в которой он возник, существует и развивается. М.С. Каган называет эту среду системой координат, куда входит географический (природный) фактор, социальный статус и характер основной деятельности его обитателей, архитектурный облик, художественная жизнь, психология горожан. Но изучить город – не значит просто исследовать эти аспекты, суммируя полученные результаты. Для целостного понимания города необходимо выявить и осмыслить взаимосвязи, существующие между

данными категориями, а рассматривать этот процесс необходимо в исторической изменчивости, обусловленной, с одной стороны, внешними факторами – природными и социальными условиями его бытия, а с другой – внутренними – логикой саморазвития его культуры. Таким образом, М.С. Каган определил методологию исследования города.

Для нашего исследования чрезвычайно важно то, что интерес исследователей к феномену города в последние три десятилетия связан с осмыслением дихотомии «столица – провинция» как научной концепции. Следует отметить, что к данной проблематике в философском аспекте обращался еще в начале XX века Н.А. Бердяев, раскрывая ее суть в следующем высказывании: «Незрелость глухой провинции и гнилость государственного центра – вот полюсы русской жизни» [Бердяев, 1990, с. 64]. Спасение русской культуры Бердяев видит в преодолении и централизма, и провинциализма.

Разработкой принципа культурного областничества в контексте проблематики соотношения столицы и провинции в начале XX века занимался Н.К. Пиксанов. В работе «Областные культурные гнезда» собственно культурным гнездом автор называет город, в котором сформировалась особая культурно-зрелая и социально-однородная среда. При этом исследователь отмечает, что «большие города в России очень молоды, русская культура одна из самых провинциальных в Европе» [Пиксанов, 1928, с. 58]. Наиболее важным является вопрос о формировании культурных гнезд. Н.П. Пиксанов выделяет два пути их формирования: накопление местных культурных средств и привнесение со стороны.

М.С. Каган трактует понятия «провинциальное» – «столичное» как подсистемы единого целого – государства, нации, – для которых необходимы два противоположно направленных «механизма» – мобилизующий и стабилизирующий. При этом, как отмечает М.С. Каган, «соотношение сил этих двух механизмов меняется на разных этапах истории культуры, оно различно и в разных ее типах. Но само наличие и взаимодействие таких

механизмов необходимо для обеспечения целостного бытия и жизнеспособности системы: если отмирает или ликвидируется один, система окостеневает, лишается возможности развития и в конце концов погибает, а если атрофируется другой — система само разрушается, лишаясь связей с прошлым, с накопленным опытом, с тем, что определяет ее качественное своеобразие» [Каган, Москва – Петербург – провинция…, 1993].

Сегодня провинция воспринимается исследователями не столько географически, как территория страны в отличие от столицы, центра, сколько как особый феномен. В культурологической науке выделяют даже особый тип и форму знаний – провинциологию, где различают провинциологию повседневности, художественную провинциологию, «метафизику» и «историческую поэтику» провинции [Модель культуры русской провинции…, 2013, с. 19]. Чтобы понимание провинции было более полным, необходимо учитывать взгляды «наблюдателей», изучающих сложный и неоднозначный феномен культурной жизни в провинции и «свидетелей», ею живущих [Русская провинция в философском дискурсе…, 2014, с. 127], то есть изучение провинции происходит и «изнутри», и «снаружи».

Исследователи (Т.С. Злотникова, Т.И. Ерохина, Н.Н. Летина, Л.П. Киященко) отмечают, что русская провинция приобрела качество метафоры, в хронотопе, которой они выделяет такие категории как пространство, время и ойкумена. Особенность восприятия пространства провинции заключается в его двойственности: «Пространственные характеристики провинции простираются не только в горизонтальном, но и в вертикальном измерении» [Русская провинция в философском дискурсе…, 2014, с. 129]. При этом под горизонтальным измерением понимается удаленность от столиц, Москвы и Петербурга. Вертикальное измерение – это философская категория, характеризующая восприятие провинции: «Традиционно считалось, что “опуститься” в провинцию означало умереть, но одновременно прикоснуться к нарождающемуся новому; провинция аналогична смерти, чреватой рождением» [Русская провинция в философском дискурсе…, 2014, с. 129].

Категория времени для провинции также трактуется двояко: это не столько время, которое нужно затратить человеку на путь по городам и весям, сколько время, необходимое для преодоления духовных различий с динамичными (а подчас и циничными) согражданами [Русская провинция в философском дискурсе…, 2014, с. 129]. Еще одна характеристика хронотопа провинции – ойкумена. Сущность ойкумены провинциальной русской культуры – синтетизм, пытающийся примирить элитарное (столичное) с народным (местным) [Русская провинция в философском дискурсе…, 2014, с. 129]. Все вышеназванные аспекты позволяют говорить о провинции как явлении очень сложном, в котором материальное его воплощение соединяется с глубоким философским осмыслением. Для понимания феномена провинциального города необходим особый подход, учитывающий эту специфику.

Межнаучный интегративный подход к осмыслению провинциального исторического города, определенный как «провинциальный исторический город – культурный универсум» [Исторический город русской провинции – культурный универсум, 2009] был разработан представителями ярославской культурологической школы (М.В. Александрова, Н.А. Дидковская, Е.А. Ермолин, Т.И. Ерохина, Т.С. Злотникова, Н.Н. Летина, М.В. Новиков). В философии термин «универсум» обозначает всю объективную реальность во времени и пространстве, «мир как целое» [Философская энциклопедия, 2001]. Следовательно, и провинциальный город следует рассматривать как целое. В рамках данного межнаучного подхода были обозначены три модели исследования провинциального города.

Первая модель «Провинциальный исторический город – российский универсум» определяет «содержание» исторического города. Это модель, в которой представлена «система координат»: по вертикали (по нисходящей и восходящей линиям) располагается исторический контекст бытования города, линия помечена как «хронос»; по горизонтали (по встречным и взаимно удаляющимся направлениям) располагается геополитический контекст

бытования города, линия помечена как «топос»; точка их пересечения – главный субъект и объект культуротворческой деятельности, - человек («хуманус»)» [Исторический город русской провинции как культурный универсум, 2010, с. 10]. Не случайно, в этой связи, ключевыми проблемами исторического города ярославские ученые называют проблему контекста формирования и актуального существования исторического города («…биография и мифология») и проблему личности, ее бытия, самосознания, повседневности, даже психофизиологических особенностей жизни («…культурная антропология») [Исторический город русской провинции как культурный универсум, 2010, с. 7]. В рамках такого подхода исторический город не самоценен, а значим именно для человека. Мы полагаем, что ключевой аспект ценности исторического города находит воплощение во второй его модели – «исторический город как хранитель памяти и антропологическая детерминанта национальной ментальности» [Исторический город в аспекте национальной ментальности, 2010, с. 5].

Исторический город в данном аспекте выступает в трех «ипостасях», взаимоопределяющих друг друга: как мифологическая система, как макросреда обитания человека и микросреда бытия современника, как пространство, задающее образовательный модус самореализации личности [Исторический город в аспекте национальной ментальности, 2010, с. 5]. В этой связи ключевое значение приобретает связка «память – пространство – идентичность». Именно память сохраняет для будущих поколений события истории, объясняет («комментирует») наследие эпох, а посредством этого оказывает влияние на современное развитие города.

Третья модель характеризует методологию изучения исторического города как культурного универсума и базируется на интеграции как межнаучных методов (культурологических, философских, исторических, искусствоведческих, филологических), так и методологических систем и концепций (семиотика, синергетика, герменевтика, культурная антропология) [Исторический город русской провинции как культурный универсум, 2010,

с. 11]. На основе данного межнаучного интегративного подхода представителями ярославской культурологической школы были всесторонне исследованы такие категории провинциального города как: массовая культура (Т.С. Злотникова, Т.И. Ерохина, Н.Н. Летина, Л.П. Киященко, М.В. Новиков), творческая личность (Т.С. Злотникова, Т.И. Ерохина, Н.А. Дидковская, С.А. Добрецова), текст провинциального города (Т.И. Ерохина, А.П. Старшова), архитектурная (музейная) среда (Т.А. Сиротина), городская повседневность (М.В. Александрова). Проработанность предложенных ярославскими учеными методологических принципов исследования провинциального исторического города дает возможность их активного применения в изучении провинциальных городов других регионов.

Следует также отметить, что исследованием проблематики города как хранителя памяти, помимо представителей ярославской культурологической школы, занимают сегодня и исследователи в других регионах. Н.Ю. Лысова говорит об уникальности исторического города, детерминированной его способностью репрезентировать утраченное прошлое в культурном пространстве современности [Лысова, Город как пространство…, с. 284]. Восприятие города как пространства исторической памяти, но в политизированном виде, представлено в статье О.Ф. Русаковой и В.М. Русакова [Русакова, 2017]. Музеологический аспект данной проблематики представлен в работе Е.Н. Мастеницы [Мастеница, Город как пространство памяти, 2014]. В контексте нашего исследования он особенно значим.

Проблематика восприятия города как хранителя памяти инспирирует еще один аспект исследования города, связанный с сохранением историко-культурного наследия. В рамках данного подхода, главная дискуссия разворачивается вокруг понятия «исторический город». Для определения характеристик исторического города обратимся к историко-теоретическим аспектам генезиса и эволюции дефиниции «исторический город».

Первое официальное название города (как исторического) было зафиксировано указом Александра II «Об упразднении Нарвской крепости и

сохранении Ивангорода и Вышгорода как исторических памятников», изданным 8 мая 1863 года [Веселова, 2009, с. 119]. Но это был лишь единичный случай. После этого почти сто лет об исторических городах в России ничего не было слышно. Лишь после окончания Второй мировой войны, когда встал вопрос о восстановлении разрушенных населенных пунктов, термин «исторический город» стал употребляться чаще, но еще долгое время не имел ни юридической силы, ни сущностного определения.

В 1949 году был утвержден перечень городов, имеющих общесоюзное значение, за которыми устанавливался особый надзор, и в которых предписывалось проводить первоочередные реставрационные работы. В списке значились 20 городов, в том числе 10 российских: Москва, Ленинград, Псков, Новгород, Ростов Великий, Ярославль, Владимир, Суздаль, Смоленск и Дербент [В России больше нет и может уже не быть исторических поселений, 2014]. Факт появления такого перечня говорил об осмыслении значимости этих городов на государственном уровне. Активное изучение исторического города в России началось в конце 60-х – 70-х годах XX века. В 1970 году было принято Постановление Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам строительства и Коллегии Министерства культуры РСФСР № 36 «Об утверждении списка городов и других населённых мест РСФСР, имеющих архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, являющиеся памятниками национальной культуры, а также сохранившиеся природные ландшафты и древний культурный слой земли, представляющие археологическую и историческую ценность» [Заграевский, 2011]. Именно в этом документе появился термин «историческое населенное место», ключевые характеристики которого представлены в формулировке Постановления. Этот список состоял из 115 населенных мест, основанных в период с V – XVIII века.

В 1990 году был утвержден новый список исторических населенных мест РСФСР. В преамбуле к постановлению обозначены причины, вследствие которых был составлен новый список: «За истекшие двадцать лет в результате

проведенных работ по изучению историко-культурного наследия во всех регионах России, углубленных исследований в области археологии, истории, краеведения, архитектуры и градостроительства, совершенствования критериев оценки исторически сложившейся среды и научных методов сохранения памятников истории и культуры выявлены сотни исторических населенных мест, требующих к себе особого внимания и бережного отношения при застройке и реконструкции, заслуживающих быть включенными в Список исторических населенных мест РСФСР» [Постановление коллегии Министерства культуры…, 1990]. Проанализировав этот список, можно констатировать, что изменились критерии оценки «историчности» населенных пунктов. В списке исторических городов появились населенные пункты, основанные в XIX веке (город Бабушкин) и даже XX век (Магнитогорск), то есть понятие «исторический» стало определяться в большей степени не с точки зрения временного подхода (возраста города), а с «событийной» точки зрения (какое-то важное для страны событие). Это привело к разрастанию списка исторических населенных мест до 539 объектов [Веселова, 2009, с. 120]. Эта же тенденция характерна и для законодательных актов последующих лет [Постановление Правительства РФ…, 2001], «молодых» городов, основанных в XX веке, в списке становилось все больше, например, Мурманск, Новокузнецк, Магадан и другие.

Особенностью всех выше указанных документы является тот факт, что ни в одном из них не было представлено конкретного определения «исторический город (поселение)». Лишь в 2002 году в ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» была представлена формулировка дефиниции «историческое поселение»: «Историческим поселением… является городское… поселение, в границах территории которого расположены объекты культурного наследия: памятники, ансамбли, достопримечательные места, а также иные культурные ценности, созданные в прошлом, представляющие собой археологическую, историческую, архитектурную, градостроительную, эстетическую, научную

или социально-культурную ценность, имеющие важное значение для сохранения самобытности народов Российской Федерации, их вклада в мировую цивилизацию» [Цит. по: Шевченко, 2018, с. 306.]. Главным критерием, характеризующим «историческое поселение», в соответствии с определением, становилась ценность архитектурно-градостроительного наследия. Параллельно с принятием закона была разработана Федеральная целевая программа «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002-2010 годы)», в которой, помимо перечня исторических городских поселений, состоявшего из 478 позиций, была представлена система их деления по выше указанному признаку на четыре категории: I категория – исторические города мирового значения; II - исторические города общенационального значения; III – исторические города регионального значения и IV – прочие исторические города. Э.А. Шевченко, занимавшая должность начальника Управления архитектуры Госстроя России в период с 2000 – 2004 годы, отмечает: «Программой была поставлена цель: сохранение, восстановление и совершенствование архитектурной среды, всего архитектурного облика исторических городов как важнейшего компонента национального культурного достояния России» [Шевченко, 2018, с. 306]. Именно историческая (культурная) среда становилась теперь главным критерием ценности исторического поселения, а не отдельные архитектурные ансамбли и памятники. К сожалению, программа «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002-2010 годы)» была признана неэффективной, и в 2006 году работа программы была прекращена.

Представив формулировку понятия «историческое поселение», закон никак не соотносился с практикой, то есть в нем ничего не говорилось о механизмах отнесения города к историческим поселениям. Эта проблема была решена лишь в ФЗ 2012 года [ФЗ № 179 «О внесении изменений в…», 2012].

В 2010 году последовал приказ Министерства культуры РФ [Приказ Министерства культуры…, 2010], в котором был представлен новый, существенно сокращенный, реестр исторических поселений. В этом списке

остался всего 41 город, остальные исторические поселения, несмотря на возраст, наличие памятников культуры в этот список включены не были. В документе не были представлены критерии отбора городов для включения в этот список (здесь есть Арзамас, основанный в XVI веке, но нет более древних Переславля, Тутаева, Углича). При этом оговаривалось, что Департаменту культурного наследия и изобразительного искусства Минкультуры России необходимо представить в 6-месячный срок предложения по дополнению этого перечня. За прошедшие десять лет ни один город не получил статус «историческое поселение» федерального значения, то есть список дополнен так и не был.

В 2012 году был принят ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и Градостроительный кодекс Российской Федерации», в котором дефиниция «историческое поселение» была скорректирована: «Историческим поселением… являются включенные в перечень исторических поселений федерального значения или перечень регионального значения населенный пункт или его часть, в границах которых расположены объекты культурного наследия, включенные в реестр, выявленные объекты культурного наследия и объекты, составляющие предметы охраны исторического поселения» [ФЗ № 179-ФЗ «О внесении изменений в…», 2012]. Главное отличие от формулировки 2002 года состоит в том, что объекты культурного наследия не просто расположены в границах исторического поселения, а выявлены, включены в реестр, составляют предмет охраны. Важен и тот факт, что предмет охраны включает не только здания, сооружения, но и планировочную, объемно-пространственную структуру, композицию и силуэт застройки, то есть, фактически, речь идет о сохранении именно культурной среды города.

Этот законодательный акт не только определял алгоритм, последовательность действий в процессе отнесения города к историческому поселению (выявление, оценка, включение в реестр объектов наследия,

определение зон охраны объекта и утверждение границ зон охраны), но и закреплял за этим понятием юридическую силу. Дефиниция «историческое поселение» приобрела форму легитимного юридического статуса. При этом здесь не были представлены признаки, на основе которых происходила бы оценка объектов наследия и включение их в реестр.

В 2014 году были изданы «Методические рекомендации оценки историко-культурной ценности поселения. Применение критериев историко-культурной ценности поселения в оценке недвижимости, расположенной в границах исторического поселения» [Методические рекомендации…, 2014]. Авторы пособия предлагают использовать для характеристики исторической среды города систему неязыковых знаков, каждый из которых оценивается в бальной системе и в нескольких направлениях. Первый показатель – знак-признак времени, он обусловлен градостроительной, исторической и функциональной ценностью объектов (опорной застройки, ландшафта, памятников, достопримечательных мест и других). Это наиболее важная характеристика, определяющая город как «исторический». Второй критерий – знак-признак стиля формируется на основе показателей в таких направлениях как архитектурно-эстетическая и эмоционально-художественная ценности. Знак-признак образа характеризуется воспроизведением в сознании полученных впечатлений от восприятия среды. Знак-символ раскрывает образную структуру среды, «он является опознавательной, наиболее характерной приметой места, в его основе лежит глубинный смысл, аналогия и знание» [Методические рекомендации, 2014, с. 32]. И последний критерий – знак-копия, основу которого составляет научно-познавательная ценность объектов. Выявленные, оцененные и зафиксированные градоформирующие объекты (планировка, застройка, археологический слой, ландшафт, градостроительное наследие) составят предмет охраны.

Определение критериев «историчности» города должно было завершить длительный процесс правового осмысления дефиниции «историческое поселение» и дать толчок активному применению этих идей на практике. На

сегодняшний день утвержденные границы охраны территорий и предметы охраны имеют лишь пятнадцать исторических поселений федерального значения [Некоммерческое партнерство, 2021]. При этом Э.А. Шевченко отмечает: «В технических заданиях, выдаваемых как Минкультуры России, так и другими заказчиками при проведении конкурсов на разработку границ и предмета охраны ИП (*исторического поселения – прим. О.В.*), отсутствовало отсылочное указание на необходимость применения «Методических рекомендаций оценки историко-культурной ценности поселения. Применение критериев историко-культурной ценности поселения в оценке недвижимости, расположенной в границах исторического поселения», что самым отрицательным образом сказалось на качестве и проработанности обосновывающих материалов» [Шевченко, 2018, с. 333]. Можно констатировать, что «Методические рекомендации оценки историко-культурной ценности поселения» не стали общепринятым «руководством к действию», а потому вопрос о критериях включения населенного пункта в список исторических поселений не решен, фактически, до сих пор.

В 2019 году по итогам встречи Президента РФ с участниками Форума малых городов и исторических поселений Минкультуры России предложило руководствоваться при формировании предложений о включении населенного пункта или его части в перечень исторических поселений следующими критериями:

– уникальное поселение или его часть, являющееся исключительным свидетельством градостроительной деятельности и культурных традиций;

– поселение или его часть, сыгравшее значительную роль в отечественной истории;

– поселение или его часть, со времени возникновения которого прошло не менее ста лет;

– поселение или его часть, обладающее выраженной исторической идентичностью и историко-культурным потенциалом для развития;

– наличие исторически сложившейся части поселения, поддающейся четкой локализации, не утратившей цельности исторического градостроительного образования;

– наличие высокой сохранности ценной исторической планировочной структуры и общественных пространств, поддержанных исторической застройкой в увязке с природным ландшафтом и естественным рельефом;

– наличие значительного числа ценных исторических зданий и сооружений, формирующих историческую планировочную структуру, пространственную композицию и архитектурный облик поселения;

– наличие ценного нематериального наследия, связанного с историей развития поселения, в том числе исторических ярмарок, традиционных ремесел и народных художественных промыслов [О методических рекомендациях…, 2019].

На наш взгляд, эти критерии лишены самого важного – конкретики в характеристиках, что нивелирует их значение до формального уровня. Вопрос разработки критериальной шкалы для определения ценности объектов наследия «исторического города» в юридическом поле остается открытым.

Таким образом, в правовом поле процесс осмысления категории «исторический город» происходит через поиск и обоснование унифицированных критериев-признаков «историчности» города, детерминированных ценностью архитектурно-градостроительного наследия, и присвоении городу статуса «историческое поселение». Легитимность официального статуса «историческое поселение» помимо предмета охраны (ценные градоформирующие объекты, планировка, объемно-пространственная структура, композиционно-видовые связи), определяется такими категориями как зона охраны и границы зон охраны.

Параллельно с правовым осмыслением категории «исторический город», предпринимались попытки его научного изучения в контексте сохранения градостроительного наследия. Главным вопросом, интересующим

исследователей, был вопрос о признаках исторического города. Так в диссертационной работе Л.С. Могутовой [Могутова, 1998] для обозначения исторического города предложены следующие признаки:

– древность поселения (до отмены крепостного права) и наличие археологически ценного культурного слоя;

– сохранность древней архитектурно-планировочной структуры городского поселения;

– наличие памятников истории и культуры;

– наличие памятников науки и техники, сохранность традиционных производств и ремесел;

– непосредственная связь с выдающимися событиями в истории страны или жизнью выдающихся личностей.

Также автор утверждает, что историческим можно считать город, обладающий комплексом признаков или хотя бы одним из них. В рамках такого подхода историческим можно считать практически все города страны.

Аналогичной точки зрения придерживается и архитектор А.Б. Тренин, выделяя в качестве признаков исторического города дату возникновения до начала XIX века, непосредственную связь с событиями отечественной истории, место рождения (жизни, деятельности) знаменитых людей, наличие археологически ценного культурного слоя и археологических остатков древнейших сооружений, ландшафтов, построек и сооружений [Крогиус, 2009, с. 43].

Важное значение, в контексте проблематики определения феномена исторического города, имеет учебное пособие Л.В. Андреева «Основы исследования и реконструкции исторического города». Автор говорит об историческом городе как комплексном памятнике истории и культуры и отмечает двойственность его значения: юридического и фактического [Крогиус, 2009, с. 37]. Юридическое значение имеют города, включенные в официальные списки, а фактическое – обладающие историко-художественными качествами, но еще не вошедшие в списки.

Сегодня наиболее значимой и востребованной работой об исторических городах в контексте сохранения историко-культурного наследия является монография В.Р. Крогиуса «Исторические города России как феномен ее культурного наследия». Автор говорит об историческом городе как об особом объекте культурного наследия, воспринимаемом как нечто единое, неделимое на отдельные компоненты. Главный признак исторического города – его «историчность», но это не просто большой возраст (старость, древность), а оценка значимости в прошлом и влияние на настоящее. В этой связи, формулировка понятия «исторический город» выглядит следующим образом: «Возникшее (или основанное) в достаточно отдаленный период времени и продолжающее функционировать городское поселение, игравшее значительную роль и являющееся характерным продуктом истории данной страны, местом высокой концентрации материальных и духовных свидетельств прошлого – самых различных по виду и характеру, но взаимосвязанных друг с другом недвижимых элементов культурного наследия, характерных черт исторически сложившейся городской среды, традиционного образа жизни населения, которые в совокупности (и связи с природно-ландшафтными характеристиками города и его ближайшего окружения) представляют единый территориальный комплекс культурного и природного наследия, признанный на основе объективных исследований имеющим значительную научную, эстетическую и мемориальную ценность, что определяет необходимость предъявления повышенных требований к градорегулированию и режиму жизнедеятельности этого города, вплоть до установления его особого правового статуса» [Крогиус, 2009, с. 76].

На основе такого определения автор предлагает ряд признаков для определения «историчности» города»:

1. Возраст живущего города.
2. Наличие статуса городского поселения (хотя бы де-факто).
3. Роль в истории.
4. Количественная и качественная концентрация элементов наследия.

5. Пространственная и композиционная взаимосвязь элементов наследия.

6. Традиционные составляющие в образе жизни.

7. Природно-ландшафтные характеристики города и окружения.

8. Общая комплексность культурного и природного наследия.

9. Научная обоснованность ценности наследия.

10. Необходимость особого подхода к градорегулированию.

11. Потребность в установлении особого правового статуса.

Мы видим, что список признаков «исторического города» существенно расширился, но при этом не была представлена характеристика указанных категорий. Вопрос о том, как будет определяться «качество элементов наследия» или «ценность наследия», по-прежнему остается открытым.

Итак, в рамках подхода, определяющего исторический город как хранителя наследия, феномен исторического города раскрывается на основе выработки шкалы признаков, ключевыми из которых абсолютно все исследователи называют возраст города, значимые события в его истории и наличие объектов наследия. Такой подход – это зеркальное отражение юридического дискурса исторического города.

Исторический подход к исследованию древних русских городов представлен в трудах Н.Н. Воронина, И.В. Дубова, А.В. Кузы, Б.А. Рыбакова, М.Н. Тихомирова и других. В работах рассматриваются вопросы появления первых городов, определяются их черты, характеризуется занятия населения, культура, застройка. Данный подход особенно активно разрабатывался во второй половине XX века.

В отечественном гуманитарном знании на современном этапе самарскими исследователями (Е. Бурлина, Н. Барабошина, Д. Бокурадзе, Я. Голубинов, Л. Иливицкая, Ю. Кузовенкова, Е. Шиллинг) активно развивается концепция хронотопа города. Хронотоп города, согласно мнению авторов, – это пространственно-временная матрица города, «зафиксированный в сознании горожан пространственно-временной комплекс, который находит

свое отражение в различных символический формах, закрепленных в сознании горожан, опознается последними и оказывает существенное влияние на их повседневные практики» [Барабошина, 2013, с. 9]. Исследователи выделяют историко-бытийный хронотоп, связанный со временем и местом становления города; профанный хронотоп, определяющий повседневность жизни города и глобальный хронотоп, свидетельствующий о включенности города в обще цивилизационные процессы [Бурлина, 2017]. Ключевая идея данной концепции заключается в том, что каждый город имеет свой хронотоп, который на протяжении жизни города может меняться, но, при этом, не утрачивается, а образует «новый слой».

В рамках выше перечисленных методов объектом исследования выступал, преимущественно, крупный провинциальный город. Значимым и важным представляется выявление подходов к пониманию феномена малого провинциального города. Главным критерием классификации населенных пунктов на крупные, средние, малые является показатель численности населения. Согласно Статье 5. «Градостроительного кодекса РФ» (редакция 1998 года) принята следующая градация городов по этому признаку: города – миллионеры (население более миллиона человек), крупнейшие горда (от 500 тысяч), крупные (250 – 500 тысяч), большие (от 100 – 250 тысяч), средние (50 – 100 тысяч), малые (до 50 тысяч человек) [Градостроительный кодекс, 1998]. Показатель численности населения, сам по себе, не отражает специфику малого города, он формирует некие границы данного явления и оказывает непосредственное влияние на социальную, экономическую, культурную жизнь города.

Анализируя подходы к пониманию феномена малого города, мы считаем необходимым обратиться к работе Г. Зиммеля «Большие города и духовная жизнь» [Зиммель, 2002]. На основе противопоставления большого города малому, автор выделяет особенности духовной жизни последнего: в малом городе больше требуется проявлений души и отношений, основанных на чувствах; обязательное знание индивидуальностей в общении между людьми;

проявление участия в отличие от безразличия и замкнутости жителей большого города; замкнутость на себе и в себе жизни в малом городе. Аналогичные характеристики малого города представлены в работах современных исследователей. Н.Ю. Лысова отмечает: «Специфика малого города в том, что он «малый»» [Лысова, Малый исторический город…, 2008, с. 357]. Ценность малого города, по мнению автора, заключается в том, что он крепкими узами связан с сельской периферией, окружающей территорией, окрестными селами и деревнями, являясь своего рода «столицей» сельского района; взаимодействует с живой природой, первозданным ландшафтом в отличие от практически полностью искусственной среды большого города; социальная организация жизни в малом городе характеризуется такими параметрами культурного хронотопа, как неспешность и размеренность повседневности, близкое знакомство жителей друг с другом, более проникнутые чувством, нежели рассудочностью, взаимоотношения горожан. В связи с этим социальная информация, оседающая на протяжении многих лет в среде малого города (традиции, обычаи, мифы, фольклор), сохраняется дольше и всегда востребована [Лысова, Малый исторический город…, 2008, с. 359]. Эти особенности необходимо учитывать в рамках любого исследования, посвященного малому городу.

Согласно статистическим данным на 2021 год в России насчитывается семьсот девяносто три малых города [Города России, 2021], это самая многочисленная группа российских городов. Малые города неравномерно распределены по территории страны. В некоторых субъектах РФ их нет вообще (Усть-Ордынский, Агинский, Корякинский автономные округа, Республика Алтай), а в некоторых, например Московской, Ленинградской, Нижегородской, Пермской, Свердловской, Челябинской, их много – более пятнадцати в каждой области [Социально-экономическое развитие..., 2002, с. 9].

На современном этапе наиболее активно малый город изучается в рамках социально-экономического подхода (монографии «Социально-

экономическое развитие малых городов России», 2002; «Малые и средние города: научно-теоретические аспекты исследований», 2003; «Социально-экономические проблемы локальных территорий», 2013; «Экономическая урбанизация», 2018; «Малые города в социальном пространстве России», 2019; «Социально-экономическое развитие малых городов на основе сетевого взаимодействия», 2020). Аспекты исследования малого города в данных работах касаются демографической ситуации, уровня жизни населения, управления, жилищного хозяйства. Исследования такого рода направлены на выявление социально-экономических проблем малого города и поиск путей их решения. Особо следует выделить исследования Н.В. Зубаревич [Зубаревич, 2012] о социальной неоднородности российского пространства. Автор отмечает высокую степень социальной дифференциации регионов и городов страны, которая выражается в различии человеческого потенциала, качества населения, уровня и образа жизни. При этом исследовать данную проблему, согласно Н.В. Зубаревич, необходимо в двух ракурсах – региональном и центро-периферийном (иерархическая система населенных мест - от крупных городов к периферии). На основе критерия численности населения и с опорой на центро-периферийный ракурс ученый выделяет внутри страны три «России», три группы городов: «Россия-1» - города с населением свыше 0,5 млн. человек, «Россия-2» — города от 50 до 250 тыс. человек (города от 250 до 500 тыс. жителей занимают промежуточное положение между первой и второй группами); «Россия-3» — малые города, поселки и сельские территории [Зубаревич, 2012, с. 140]. В контексте нашего исследования интерес представляет «Россия-3». Характерными чертами таких городов являются: низкий уровень образования у населения, маломобильность, депопуляция, дистанцированность от государства, тесная связь с аграрным сектором. Уровень и скорость социальной модернизации в городах «Россия-3» имеет крайне низкий показатель. Вопросы социального развития городов во много связаны с их хозяйственной специализацией и уровнем экономического развития.

В этой связи заслуживает внимания вопрос о типологизации малых городов на основе выполняемых ими экономических функций. Данная проблематика стала разрабатываться западными исследователями в 1930-е годы. Теория секторной структуры экономики или теория структурных изменений была предложена А. Фишером и К. Кларком [Шкаратан, 2007, с. 11]. Согласно этой теории в экономике существовало три сектора, различающихся по виду производимой продукции: первичный, вторичный и третичный. Первичный сектор экономики объединял отрасли добывающей промышленности и сельского хозяйства. К вторичному сектору относились обрабатывающие производства и строительство. Третичный сектор охватывал виды экономической деятельности, относящиеся к производственным услугам и отраслям обслуживания человека, включающим обмен, обслуживание и потребление (розничная, оптовая торговля) товаров и услуг. Первоначальная классификация городов осуществлялась на основе данной теории. Ее существенным недостатком являлся тот факт, что представленные сектора экономики были очень обширны, им не хватало «специализации». Сегодня классификация городов на основе функционального принципа более конкретизирована. Е.Г. Анимица выделяет несколько типов малых и средних городов: многофункциональные города с разносторонней хозяйственной специализацией, города с преимущественным значением промышленных функций, транспортные центры, сельскохозяйственные центры, научные, торгово-распределительные, рекреационные, неспециализированные [Цит. по: Секушина, 2019, с. 88]. В контексте нашего исследования данный подход к исследованию малых городов представляется значимым, так как развитие музеев и специфика музейных практик во многом обусловлены особенностями экономической деятельности. В городах рекреационного типа музейная сфера будет развиваться более активно, нежели в городах промышленных или научных.

Идея социально-экономического развития территории на основе выявления туристического потенциала инспирировала исследования малого

города в данном направлении. Предметом научного анализа становятся теоретические вопросы и практические навыки использования историко-культурного наследия малых городов (статья И.Ю. Пономаревой, Т.А. Танкиевой, М.В. Пономаревой, А.В. Королева), формирования стратегии туристического маркетинга (диссертация О.Б. Токаревой), социального конструирования туристических достопримечательностей (диссертация А.А. Чернеги), повышения конкурентного потенциала (статья С.С. Буторина и Г.А. Банных). Исследовательская группа проекта «Настоящая Россия», направленного на развитие туризма в малых исторических городах, постулирует следующие положения: у малых исторических городов нет других стратегий выхода из кризиса, кроме как развитие туризма; нет городов, в которых нельзя развивать внутренний туризм [Щегольков, Пронина, 2017, с. 128]. История, культурные традиции и наследие, музеи, природные ресурсы города становятся средствами привлечения туристов. При этом уникальность является главной характеристикой территории с точки зрения привлекательности. В случае отсутствия культурно-исторических, природных условий для развития туризма, они создаются искусственно, отвечая запросам публики, делая акцент на необычность (эксцентричность), развлекательность, шокирование. Например, улиточная ферма в Калязине, музей Мыши в Мышкине, музей тюремного искусства в Угличе и другие.

В контексте проблематики туристического развития малого города исследуется вопрос о музейном строительстве и деятельности музеем. При этом музей рассматривается как ресурс формирования или развития туристической дестинации. Подобный подход, на наш взгляд, несколько нивелирует значение музейной институции для малого города и не отражает внутренние взаимосвязи музея и города. Музей во многом определяет уровень культурного развития территории. Неоднородность музейной сети малых городов как с точки зрения количества музеев, так и с позиции их правовой принадлежности (государственные, муниципальные, частные музеи) определяет необходимость классификации малых городов, а также выявления

факторов, детерминирующих процессы музейного строительства. Данные вопросы будут рассмотрены в следующих параграфах нашего исследования.

Подводя итог анализу подходов к пониманию феномена город, можно констатировать, что исследование города, как в зарубежной, так и отечественной науке имеет давние традиции. Методы, применяемые для исследования категории «город», могут быть экстраполированы и на категорию «малый провинциальный город», который изучен в меньшей степени в сравнении с крупными городами. Наиболее перспективным методом изучения феномена малого провинциального города следует признать системный метод, отражающий тесную взаимосвязь и взаимовлияние всех его элементов.

Наиболее важным аспектом изучения малого провинциального города является восприятие его как хранителя памяти. Ключевой институцией в «работе» памяти является музей. Поэтому необходимо выяснить не только специфику провинциального музея (музея в малом провинциальном городе), но и векторы взаимодействия города и музея. Этим вопросам посвящены следующие параграфы нашей работы.

1.2. Культурно-исторические особенности формирования Углича как малого провинциального города

По культурно-исторической научной традиции принято рассматривать Углич как малый провинциальный город, прежде всего обращая внимание на численность населения, составляющую около 32 000 человек. Традиционно же в справочных и иных аналогичных изданиях отмечается, что город является районным центром Ярославской области. Невозможно обойти внимание расположение города на реке Волга.

Исторический и социокультурный контекст согласно С.В. Мельниковой и О.С. Поршневой [Мельникова, Поршнева, 2016] порождает культурные символы, формирующие образ города. При этом смысловое содержание

символа, воплощенного в образе города, как правило, богаче и шире его конкретной реализации, которая лишь «намекает» на содержание. В качестве системы символов, характеризующих город, в нашем исследовании предстает музей. При этом «биография» города (контекст формирования и развития) детерминирует специфику музейного строительства и реализуемых музейных практик. В.Ю. Дукельский в статье «Город как преддверие музея» отмечает, что именно городские традиции и историческая культурная практика населения служат источником образов, формирующих неповторимое лицо того или иного города [Дукельский, Город как…, 2011, с. 269]. Рассматривая в качестве источника формирования образной структуры города Мценска Орловской области его историю и историко-культурную среду, ученый применяет понятия «пласт мценской истории» и «историко-культурная стратиграфия города». «Количество» пластов в историко-культурной стратиграфии города напрямую зависит от его возраста, а их «качество» (насыщенность) – от наполненности событиями. Мы полагаем возможным и полезным применить данный подход в нашем исследовании.

В настоящем параграфе мы стремимся выделить наиболее ценностно-значимые и репрезентативные пласты в стратиграфии Углича, которые достойны быть представленными в музее.

Углич впервые появляется на страницах летописей в 1149 году в связи с военными действиями Юрия Долгорукого с Изяславом и Ростиславом Мстиславичами [Ипатьевская летопись, 1908, с. 40]. Угличский летописец [Царе-Угличский летописец, 2013] относит время возникновения города к 937 году и связывает его с прибытием в эти земли посланника киевского князя Игоря Яна Плесковича. Он был отправлен на берега Волги для сбора дани с живущих здесь племен. Один из самых известных угличских краеведов конца XIX – начала XX веков К.Н. Евреинов так описывает возникновение древнерусских городов: «Посланцы княжеские, приходя в подвластную Руси страну, устраивали жилища и укрепляли их земляными насыпями, создавая нечто вроде крепостцы, из которой они выходили за сбором: все собранное

сохраняли в этих укрепленных городках, потом препровождали под охраной княжеской дружины в Киев» [Евреинов, 1997, с. 13]. Тот же автор отмечает, что Янов двор располагался на месте, именуемом Яново поле, а новый город он стал строить лишь десятилетие спустя, в 947 году, в полуверсте от своего двора.

Поскольку на территории, где был основан Углич, уже проживали племена, важно отразить в музейной экспозиции и долетописную историю данной местности. Ключевыми источниками информации в данном случае являются археологические находки. Благодаря активным археологическим исследованиям, проводимым на территории Угличского кремля археологической экспедицией Государственного Эрмитажа во главе с С.В. Томсинским, начиная с 1989, удалось существенно расширить знания о данном периоде местной истории, а также получить материалы для организации соответствующих выставок и экспозиций. Результаты многолетних археологических изысканий изложены в монографиях и статьях С.В. Томсинского [Томсинский].

Не менее важным является вопрос о том, откуда произошло название Углече поле. Борис фон Эдинг в начале XX века описывал возможные версии происхождения названия города следующим образом: «Много филологического и исторического остроумия было проявлено при объяснении самого имени Углича. Для этого переселяли целое славянское племя с Днепра, заставляли древних насельников жечь уголья и т.п. Быть может больше оснований за собой имеет мнение, что «Углече поле» есть обозначение поля, принадлежавшему древнему поселению «Углецу»; название могло включать в себя, подобно до-ярославскому «Медвежьему углу», понятие уголка – углеца» [Русские города…, 1913, с. 144]. Эти три версии, связанные с углем, углом Волги и неким переселенным племенем, и сегодня сохраняют возможности обсуждения и принятия.

Все вышеперечисленные аспекты культурно-исторического развития Углича составляют основу, первый пласт стратиграфии города. Если

одновременно с выделением стратиграфии определять ценность Углича как исторического города, можно констатировать, что первый пласт является обоснованием двух критериев – возраст города и наличия ценного археологического слоя. Следующий этап его жизни связан с формированием удельного княжества и установлением влияния Москвы над этими землями.

До начала XIII века Углич относился к Ростовским землям, князь ростовский был и князем угличским. Л.Ф. Соловьев в «Краткой истории города Углича» указывает на этот факт и отмечает, что изначально Углече поле досталось Ярославу, а затем перешло в управление князя Бориса [Соловьев, 2012, с. 20]. Следует подчеркнуть, что Борис вместе с братом Глебом – это первые канонизированные русские святые. Именно при Борисе в Угличе строится Соборная церковь во имя Святых царя Константина и матери его Елены [Киссель, 1994, с. 23]. Центром удельного княжества Углич становится в начале XIII века (1214 или 1218 год), после разделения Ростовской области между тремя сыновьями Константина Всеволодовича. Углич достался Владимиру, который стал первым удельным угличским князем. Наиболее значимым событием его правления стала битва на реке Сить. Вследствие поражения русских дружин в этом сражении на территории Северо-Восточной Руси было установлено монголо-татарское иго. Князь Владимир – один из немногих князей, оставшихся в живых после битвы.

Правящая угличская княжеская династия оказалась выморочной и прервалась на младшем сыне Владимира Романе. О нем следует сказать еще и потому, что при нем, согласно «Угличскому летописцу», Угличское княжество именовалось семиградным, то есть в его состав входили семь городов, а сам Роман стал первым святым Угличской земли. Последующие правители Углича из ростовского княжеского дома ничем особенным себя не проявили, поэтому даже перечислять их имена не целесообразно.

Долгое время неразрешенным оставался вопросос том, как Углич попал под влияние Москвы. Л.Ф. Соловьев указывает на то, что Углич был продан ростовскими князьями Ивану Калите за 5000 рублей [Соловьев, 2012, с. 28].

Доктор исторических наук К.А. Аверьянов в монографии «Купли Ивана Калиты» [Аверьянов, 2001] представляет другую очень интересную и почти детективную версию, суть которой заключается в том, что «куплями деда» Дмитрий Донской называл земли, не приобретенные за какую-то сумму, а полученные в приданное московскими князьями. В качестве приданого за дочь ростовского князя, имя которой не сохранилось в летописях, Угличские земли, по мнению ученого, сначала были переданы Юрию Даниловичу, старшему брату Ивана Калиты, а затем в качестве приданого за дочь самого Юрия Даниловича – Софью достались тверскому князю Константину Михайловичу. Брак этот оказался неудачным и бездетным и вскоре распался. «Приданные земли» остались за Софьей, а после ее пострижения в монахини земли должны были отойти ее отцу, но он к тому времени уже умер, не оставив наследников, а потому земли достались ближайшему родственнику – Ивану Калите. Такая история, безусловно, должна быть представлена в музейной экспозиции.

Во второй четверти XV века Углич оказался в центре междоусобной войны за великокняжеский московский престол между Василием II, Юрием Дмитриевичем и его сыновьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой. Угличским князем в этот период был Дмитрий Шемяка. Углич несколько раз был захвачен войсками Василия II и подвергнут опустошению. В феврале 1446 году сам Василий II после ослепления Дмитрием Шемякой был отправлен в Углич [Киссель, 1994, с. 162], где в августе того же года у него родился третий сын Андрей. Согласно Ф.Х. Кисселю по случаю рождения у Василия II сына он был одарен Дмитрием Шемякой богатыми дарами: князю Андрею был подарен Углич, а Василию – Вологда со всею ее областью. Именно с именем Андрея Васильевича связан следующий, наиболее яркий пласт в истории и культуре Углича.

Угличский краевед XIX века И.П. Серебренников отмечал: «Время его (*Андрея – прим.О.В.*) княжения, продолжавшееся около тридцати лет,

составляет самый блестящий период в местной истории» [Цит. по: Осокин, 2006].

Андрей Васильевич становится угличским удельным князем в марте 1462 года, получив по завещанию Василия II Углече поле с волостями, Устюжну, Рожалов, Велетов, Кистьму, Бежецкий верх и Звенигород с волостями, село Сущевское близь Москвы, а также село Вышелес, доставшееся ему от бабки Софьи Витовтовны [Горстка, Горяй, 2005, с. 17]. В 1472 году Андрей получил в дар от матери Марии Боровской город Романов, а в 1480 году за «стоянку на Угре» Ивана III пожаловал ему во владение Можайск [Горстка, Наследие Андрея…, 2016, с. 44]. На этих территориях Андрей разворачивает масштабные строительные работы, и именно здесь следует искать «следы» его деятельности. Ф.Х. Киссель отмечает, что «Угличское княжество под правлением сего князя процветало и благоденствовало» [Киссель, 1994, с. 185–186].

Наиболее полно тема жизни, деятельности и наследия Андрея Большого представлена в работах сотрудника Угличского музея, искусствоведа А.Н. Горстки. Он отмечает, что Углич в этот период становится не только ареной политической борьбы, но и художественным центром, где особенно активно ведется каменное строительство. Андрей Большой в Кремле строит каменную резиденцию – дворец, состоящий из палат, жилых покоев и хозяйственных помещений, возводит каменный Спасо-Преображенский собор и деревянную домовую церковь Константина и Елены. Кроме того, при нем начинаю строиться, по мнению угличских краеведов, каменные кремлевские стены, и в два раза увеличивается территория Кремля. На центральной площади начинают возводить соборную Успенскую церковь, в сооружении которой мог принимать участие итальянский архитектор, так как на «фряжские» черты в облике собора указывают детали наружного декора, обнаруженные в ходе раскопок в 1990-е годы [Горстка, Наследие Андрея…, 2016, с. 41].

По указу Андрея в Покровском монастыре возводят каменный Покровский собор, по тому времени один из самых крупных монастырских

храмов на Верхней Волге, имевший размеры 25*17 метров. Не случайно в местный летописец отметит, что этот храм был «каменный превелик и зело предивен» [Горстка, Из истории культурной жизни…, 1998, с. 56]. Игуменом этого монастыря при Андрее станет племянник Макария Калязинского Паисий (Гавренев). Для обустройства Успенской Учемской пустыни князем Андреем был приглашен старец Кассиан - Константин Мангупский, происходивший из знатного греческого рода императорской династии Комнинов, правившей в Византии в XI – XII веках. На протяжении нескольких лет настоятелем Прилуцкого монастыря был старец Ефросин, автор наиболее ранних списков «Александрии», «Повести о Дракуле», «Задонщины» [Горстка, Из истории культурной жизни…, 1998, с. 57].

Андреем Большим возводятся каменный Никольский собор отдаленного Антониево-Краснохолмского монастыря, церковь Иоанна Предтечи близлежащего Николо-Улейминского монастыря, Никольский собор в Можайске, обновляется Рождественский собор Сторожевского монастыря в Звенигороде.

От архитектурного наследия князя Андрея, к сожалению, мало что сохранилось. В Угличе единственным памятником периода его правления является Палата дворца угличских князей. Но ее первоначальный облик был существенно изменен в результате реставрации Н.В. Султановым. Б.М. Кириков характеризует эту реставрацию как «далекую от научных методов» и заключает, что «памятник утратил обаяние подлинной древности» [Кириков, 1982, с. 31]

В монастырях при Андрее Большом развивалось книжное дело, угличские краеведы считают, что в Угличе существовал скрипторий. Наиболее выдающимися памятниками книжной культуры этого периода являются Угличское (Паисьево) Евангелие и Псалтирь 1485 года. А.Н. Горстка [Горстка, Паисьево Евангелье…, 1986], отмечая высокое художественное оформление и великолепную цветовую гамму Евангелья, предполагает, что написано оно было самим игуменом Покровского монастыря Паисием, а

украшено – иконописцами, работавшими над росписью Покровского собора монастыря. Ю.Б. Куницына, занимаясь изучением вопроса о книгописании в Угличе во второй половине XV века, полагает, что Псалтырь была вкладом князя Андрея в Покровский монастырь или же предназначалась для новой соборной церкви Преображения, так как « книги такого формата и исполнения могли быть заказаны только знатью и в качестве дарения» [Куницына, 2013, с. 30]. Первая из указанных рукописей сегодня храниться в архиве Ярославской области, а вторая предана в Российскую государственную библиотеку.

Помимо скриптория в Угличе в период правления Андрея Горяя существовала иконописная мастерская. В этой связи наибольший интерес вызывает вопрос о работе в Угличе самого известного иконописца той поры Дионисия. Известный исследователь творчества Дионисия Н.К. Голейзовский отмечает, что «к концу 1470-х годов между Дионисием и угличским князем существовали отношения, ставившие Андрея Васильевича в привилегированное положение среди прочих заказчиков иконописца» [Голейзовский, 2005, с. 109]. Но при этом письменных свидетельств об участии Дионисия в живописных работах на территории Угличского княжества обнаружить пока не удалось. Несмотря на это А.Н. Горста предполагает, что Дионисием или его ближайшими учениками могли быть написаны иконы «Святой Николай Чудотворец» и иконы деисусного чина из Покровского собора Паисьева монастыря: «Богоматерь», «Предтеча», «Архангел Михаил», «Архангел Гавриил», «Апостол Петр», «Апостол Павел» и «Николай Чудотворец», - которые сегодня находятся в собрании Угличского музея. Особенно, по мнению исследователя, заслуживает внимания икона «Спас» их Воскресенского собора города Тутаева. Он считает, что этот образ был написан Дионисием по заказу Андрея в Романове во второй половине 1470-х годов для соборной церкви Борисоглебского монастыря и располагался в иконостасе над Царскими вратами, где обычно стояла деисусная икона «Спас в силах» [Горстка, Из истории культурной жизни…, 1998, с. 62].

«Золотой век» Углича был прерван в сентябре 1491 года, когда по обвинению в измене и сговоре с ханом Ахматом, князь Андрей был взят под стражу и брошен в тюрьму в Переславле, где умер через два года. Два его сына были также арестованы и всю жизнь провели в монастырских застенках. Углич был объявлен московским наместничеством. Приведенные исторические факты обосновывают ценность Углича по следующим критериям: связь с исторической личностью и наличие исторически сложившейся части поселения (Кремль).

Самым известным событием угличской истории, формирующим культурную память местного сообщества и образ города в истории, является гибель царевича Димитрия. Это событие как одна из главных загадок русской истории интересовало и интересует ученых различных областей научного знания – историков, медиков, юристов. Их главная цель, ответить на вопрос, как же погиб царевич Димитрий. В контексте нашего исследования этот вопрос не первостепенен, важнее понять, значение этого события для города. Ценность Углича в этом случае определяется в рамках критерия «поселение, сыгравшее значительную роль в отечественной истории».

И.С. Аксаков еще в середине XIX века писал: « Древняя старина Углича вся забыта им, вся поглощена памятью о царевиче Димитрии, о котором хранится и передается из рода в род самое живое предание… Каждый угличанин знает подробно всю историю царевича как священную историю, и Углич любит его самою живою любовью» [Цит. по: Кистенева Углич – город завороженный прошлым, 2017, с. 23].

А.Н. Горстка в работе «Святой царевич Димитрий» отмечает: «В исторической традиции и народной памяти древний город на Волге связан, прежде всего, с гибелью царевича, который в 1606 году был причислен к лику святых и особо почитался местными жителями» [Горстка, Святой царевич…, 2003, с. 3]

Особую роль не только для Углича, а для всей страны и русской духовной культуры отводит образу царевича Димитрия И.В. Сагнак. Он

пишет, что раскрытие и хранение канонической полноты этого образа, исповедническое несение ее как особая миссия – это и есть “городская идея” Углича, его место и назначение в истории России [Сагнак, 2006, с. 11].

Е.А. Ермолин, занимаясь проблематикой формирования образа Углича в литературе, характеризует это событие как одно из ключевых, архетипических событий в ментальной истории России. «Город, связанный катастрофой, город «убиенного царевича, город внутриисторического апокалипсиса» [Ермолин «А в Угличе играют дети…», 2013, с. 23].

Е.С. Карпова определяет гибель царевича Димитрия как центральную мифологему мифообраза города. «Угличская драма, заслонив собой практически все прошлые и последующие события истории города, составила сердцевину (ядро) мифообраза города и обусловила дальнейшее существование Углича во времени и пространстве» [Карпова, 2013, с. 245].

История о гибели царевича – это основа формирования и городской идентичности, и имиджа города. Материальным воплощением этой истории, ее символом является церковь Димитрия «на крови», которую без преувеличения можно назвать визитной карточкой, брендом Углича и набатный колокол.

К этому же пласту историко-культурной стратиграфии Углича относятся и события Смутного времени. Связь гибели царевича и Смуты для Углича объясняется не только логикой исторического развития (как причина и следствие), но и рассматривается как продолжение истории о царевиче, связанной с переносом его тела в Москву и канонизацией.

К событиям Смутного времени обращались в своих работах угличские краеведы XIX - начала XX веков (К.Н. Евреинов, Ф.Х. Киссель, Л.Ф. Соловьев), занимаются этой проблемой историки (Н.И. Костомаров, Р.Г. Скрынников, И.О. Тюменцев) и краеведы (В.А. Гречухин, В.И. Ерохин, А.В. Кулагин) второй половины XX – XXI веков. Несмотря на это многие вопросы, касающиеся периода Смуты в Угличе, до сих пор остаются невыясненными. Не будем пересказывать известные и не совсем известные факты этой

истории, отметим лишь, что началу XVII века Углич предстает в образе города, принявшего на себя всю злобу интервентов, города абсолютно разрушенного, но не сломленного духовно.

Дальнейшие события в «биографии» Углича многими исследователями воспринимались как малозначимые. К.Н. Евреинов говорит о том, что в XVII веке Углич исчезает со страниц истории и, потеряв прежнее значение, довольствуется ролью скромного провинциального города, на жизнь которого не только внешние, но и внутренние события государства почти не имели влияния [Евреинов, 1997, с. 40]. Ф.Х. Киссель, описывая жизнь Углича первой половины XVII века, говорит, что в нем особенных происшествий, достойных украшать историю Углича не было [Киссель, 1994, с. 358]. Б. фон Эдинг и вовсе заявляет о том, что «в 18-19 веках Углич не имел истории» [Русские города…, 1913, с. 162]. Конечно, настолько значимого события как гибель царевича для всей русской истории в жизни Углича больше не случалось. Но именно в XVII веке фактически заново начала формироваться городская среда Углича, главными элементами которой были церкви и монастыри.

XVII век для Углича – это период восстановления города и его хозяйства. П.А. Критский в начале XX века описывал это время так: «Почти все царствование Михаила Федоровича, в течение 32 лет, было занято тем, чтобы залечить раны, нанесенные смутным временем; отец царя, патриарх Филарет, занялся возобновлением разрушенных монастырей и церквей; по повелению царя, в Углич было поселено из разных мест несколько сот посадских людей» [Критский, 1907, с. 175].

Вероятно, одним из самых значимых событий жизни Углича этого времени было возведение новых кремлевских стен. К.Н. Евреинов сообщает об этом событии следующее: «Алексей Михайлович обветшавшие стены и башни кремлевские заново исправил и укрепил пушками и прочими воинскими снарядами» [Евреинов, 1997, с. 40]. Говорить о внешнем облике стен и их устройстве сегодня весьма проблематично, так как они не

сохранились, кремлевские стены были разобраны по указу Екатерины II. Ввиду отсутствия стен в массовом сознании гостей города Угличский Кремль не воспринимается Кремлем, о чем свидетельствуют отзывы туристов в TripAdvisor. Например: «Кремль без стен – очень необычно!», «Здесь нет привычных кремлевских стен», «Фактически кремля там уже нет, от его стен ничего не осталось» [Цит. по: Воробьёва, Музей в современном массовом сознании…, 2019, с. 201]. В этой связи особое значение приобретает тема реконструкции кремлевских стен, создания визуального образа Кремля-крепости.

Возводятся в Угличе в XVII веке и каменные храмы, которые сохранились до сих пор. Известный архитектор и реставратор советского времени Е.В. Михайловский [Михайловский, 1948, с. 31-33], автор книги «Углич» научно-популярной серии «Сокровища русского зодчества», называет таковыми Успенскую Дивную церковь Алексеевского монастыря, датированную 1628 годом и являющуюся образцом каменного шатрового зодчества, и церковь Иоанна Предтечи того же монастыря, построенную в 1681 году.

Апофеозом угличского строительства XVII века тот же автор называет Воскресенский монастырь, созданный в 70-х годах XVII века на средства ростовского митрополита Ионы Сысоевича.

Продолжает оставаться значимой в указанный период для местных жителей история о гибели царевича Димитрия, свидетельством чего является возведение в 1692 году церкви Димитрия «на крови». Некое сакральное «продолжение» находит эта история в событии, связанном с Ваней Чеполосовым. Мальчик был убит приказчиком своего отца, орудием расправы, как и в истории с царевичем, был нож. В память о сыне Никифор Чеполосов построил церковь Рождества Иоанна Предтечи на Волге. Эта церковь и сегодня отличается роскошью наружного убранства – узорные наличники на окнах с колонками и парными килевидными кокошниками, городчатые пояски и парные угловые колонки со вставкой из выступающих

углом кирпичей, но главным элементом декора являются многоцветные узорные изразцы. Эта церковь стала первым приходским каменным храмом Углича.

Следующий пласт в стратиграфии Углича, согласно подходу В.Ю. Дукельского, – это период XVIII-XIX веков. В краеведческой литературе содержится немного сведений касательно жизни Углича этого времени. К.Н. Евреинов отмечает: «Введение Петровских реформ встретило здесь сильную оппозицию. Верные заветам старины, угличане уклонились от выполнения монаршей воли – брить бороды и носить немецкое платье, но, будучи завлечены в кремль, они были заперты и над ними насильно совершен обряд «урезывания брады» [Евреинов, 1997, с. 40]. Более развернутую характеристику жизни Углича видим у Ф.Х. Кисселя [Киссель, 1994, с. 402–406]. Он пишет, что главным занятием угличан является торговля. Торгуют холстами, хлебом, кожами и салом, красными товарами, процветают свечные заводы, работаю три писчебумажные фабрики. Кроме этого автор приводит фамилии наиболее известных купеческих родов Углича: Зимины, Переславцевы, Кожевниковы, Братцовы, Выжиловы, Бычковы, Истомины, Хорхорины, Поповы.

Наиболее подробно описание Углича второй половины XVIII века представлено в книге из серии «Материалы для истории города 17 – 18 столетий». Согласно описанию Углича 1775-1776 годов в городе было 30 церквей (25 каменных и 5 деревянных), 1114 дворов, 54 улицы и переулка. Душ, положенных в оклад в городе и уезде 42628. Записных купцов в Угличе 1724, ямщиков – 23, мастеровых и работных – 106. Среди мещан «кузнецов 66, портных 3, сапожников, башмашников и рукавишников 41, того же сапожного мастерства цеховых 5, колашников 53, квасников 5, каменщиков 18, кирпишников 46, коновалов 4, медников 7, маслеников 46, прянишников 46, переплетчиков 1, плотников 6, оконнишников 2, овчинников 45, серебрянников 12, столяров 5, сыромятников 24, сырейщиков 35, паяльщиков 2, скорняшников 28, мастеров, которые восковые свечи сучат, 16, мастеров,

которые свечи сальные льют, 16, хлебников 18, шапошников 13, золотых и серебряных проб пробирной мастер и учеников 3» [Углич: Материалы для истории…, 1887, с. 163].

В этом же источнике содержится информация о том, что дважды в год на 8 июня и 26 декабря в Угличе проводились большие ярмарки, торговля на неделе осуществлялась в понедельник, среду и пятницу. Таким образом, можно заключить, что в указанный период Углич развивался как торгово-ремесленный центр.

В XVIII веке в жизни Углича происходят два знаковых события. Первое из них – появление герба Углича с изображением царевича Димитрия. (Следует сказать, что на протяжении XVIII века несколько раз менялась административная принадлежность Углича: он был центром средневекового Угличского уезда Ингерманландской (затем Санкт-Петербургской) губернии; центром Угличской провинции той же губернии; центром Угличской провинции Московской губернии; центром Угличской провинции Ярославской губернии; центром Угличского уезда Ярославского наместничества и центром Угличского Уезда Ярославской губернии [Где прописан…, 2006, с.12]). Точная дата появления на гербе Углича царевича Димитрия не известна. Но в книге «Историческая хроника 63-го пехотного Угличского полка за 200 лет его существования 1708-1908» сказано, что в 1726 году полку дан на знамя герб города Углича: «В золотом щите, на красном поле, на зеленой земле образ Св. Царевича Димитрия, в золотой царской одежде и золотой княжеской шапке с крестом, держащий в правой руке нож, а под левой белого агнца» [Еленев, 1908, с. 34]. В 1778 году герб Углича несколько изменился, царевича стали изображать в короне, с нимбом над головой, а также пропало изображение агнца [Гербы городов…, 1990, с. 157]. Факт того, что изображение царевича появилось на гербе города, еще раз доказывает особое значение этого события для Углича, а также является свидетельством формирования целенаправленной деятельности по увековечиванию памяти об этом событии, то есть процесса коммеморации.

Вторым важным событием указанного периода стала разработка генерального плана Углича, утвержденного Екатериной II в 1784 году, и перестройка города в соответствии с ним. Этот план был разработан Комиссией о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы, которую возглавлял известный архитектор Александр Михайлович Лем. План предполагал ликвидацию прежних улиц и кварталов, образовавшихся «стихийно» и подчиненных «природным началам», и замену их новой регулярной застройкой, основанной на жесткой геометрии. Территория города была разделена на 72 землемерных квартала, которые образовывали две группы кварталов, сходившихся под углом у центральной оси – улицы Ростовской и повторяли изгиб Волги. Согласно данным, приводимым Е.А. Лиуконеном, все улицы были прямыми и имели стандартные размеры: протяженность улиц составляла около версты, а ширина – 12 саженей (25,5 метров) [Лиуконен, План Ярославского наместничества…, 2016, с. 20]. Четыре главные улицы Углича – Ярославская, Московская, Ростовская и Санкт-Петербургская – имели большую ширину 14 саженей (30 метров).

Реализация плана началась в 1794 году, а закончилась в конце 1830 –х годов. Сначала осуществлялась разбивка кварталов и межевание земли, а затем перестройка жилых домов. Примечательно, что для постройки новых жилых домов были установлены четкие сроки: для каменного дома пять лет, для деревянного – три года. Если хозяин не успевал к сроку, участок следовала передать другому горожанину. Кроме того были разработаны образцовые проекты домов, разработанные В. Гесте, Л. Руска, В.П. Стасовым и опубликованные в виде пяти альбомов под названием «Собрание фасадов, Его Императорским Величеством высочайше апробованных для частных строений в городах Российской империи». Б.М. Кириков так характеризует регулярную застройку Углича: «Жилые дома Углича тактично задавали общий фон, служивший как бы скромной оправой для уникальных памятников древнего зодчества. В первую очередь строились «наугольные» дома – они закрепляли очертания кварталов, определяли четкий строй фасадов по

«красным линиям» улиц. Особняки ставились не «сплошною фасадою», как в Петербурге, а с разрывами… Типовые дома никогда в точности не повторяют ни оригинал, ни друг друга» [Кириков, 1982, с. 124]. Е.А. Лиуконен также отмечает, что регулярный план изменил не только внешний облик Углича, но и его топонимику. Новые улицы получили названия по двум главным признакам: по посвящениям церквей и монастырей и по направлениям дорог.

На основе регулярного плана была сформирована пространственная среда Углича, существовавшая в неизменном виде более ста лет. В 30-х годах XX века в результате разрушения большей части церквей, были утрачены «доминанты» этого плана, но жилая застройка и планировка улиц сохранилась. Это дает возможность оценить Углич как поселение, сохранившее историческую планировочную структуру.

Говоря о периоде XVIII-XIX веков, следует затронуть еще один аспект жизни Углича, а именно усадебную культуру. Согласно данным каталога «Ярославские усадьбы» в современных границах Угличского района существовало двадцать четыре загородные усадьбы [Ярославские усадьбы, с. 144–153]. Различным аспектам жизни дворянских усадеб посвящен последний выпуск журнала «Углече поле» [Углече поле, 2020], в диссертации Т.А. Третьяковой предметом исследования становится жизненное пространство дворянской усадьбы, включающее в себя такие составляющие как ландшафт, хозяйство, уклад жизни, статус усадьбы и роль помещика, положение крепостных и дворовых людей [Третьякова, 2008]. Наиболее известными угличскими усадьбами являются Григорьевское, связанное, согласно местной легенде, с Екатериной II (угличский помещик генерал-лейтенант П.Н. Григорьев по просьбе императрицы Екатерины II согласился назваться отцом дочери покойной императрицы Елизаветы Петровны от тайного брака ее и графа А.Г. Разумовского – Ольги. Таким образом, государыня полюбовно избавляла себя от возможной соперницы. Для достойного обеспечения тайной царевны Григорьеву были подарены земля и крупная сумма денег, на которую он и построил усадьбу, получившую дворцовый характер), Знаменское,

принадлежавшее бабушке и дедушке поэта Ф.И. Тютчева, и Шишкино, владельцами которого были дворяне Опочинины (напомним, что Ф.П. Опочинин был женат на дочери фельдмаршала М.И. Кутузова, К.Ф. Опочинин состоял в браке с теткой «Белого генерала» М.Д. Скобелева). Роль усадебной культуры в жизни малого провинциального города была очень значительной. Дворянские усадьбы являлись центрами столичной, высокой культуры. Наилучшие образцы произведений декоративно-прикладного искусства (предметы мебели, подсвечники и канделябры, вазы, посуда, предметы дамского туалета) в собрании Угличского музея поступили именно из дворянских усадеб.

В пореформенный период в провинции начинает активно заявлять о себе и включаться в культурную жизнь города местная интеллигенция. А.А. Данилов отмечает, что основными сферами профессиональной деятельности интеллигенции были самые гуманные области нематериальных деяний [Цит. по: Ерохина С., 2013, с. 269]. Кроме того, «в провинции роль интеллигента – учителя, врача, священника и т. д. – была многофункциональна, в отличие от столичных центров, и выходила за рамки профессиональной деятельности» [Цит. по: Ерохина С., с. 269]. Для Углича выдающимися личностями были Ф.Х. Киссель – учитель истории Угличского уездного училища и автор первой публикации по истории Углича; П.А. Критский – так же учитель истории, внесший большой вклад в дело создания библиотек в Угличе; В.И. Серебрянников - гласный Угличской городской думы, секретарь Угличской земской управы, член Ярославского губернского статистического комитета. Он увлекался рисованием, в фондах Угличского музея имеются акварели с видами архитектурных памятников Углича, был владельцем богатейшей библиотеки и уникального собрания древних рукописей.

Отдельного внимания заслуживает общественная деятельность представителей рода Евреиновых. Н.Д. Евреинов был Угличским городским головой, его сын К.Д. Евреинов избирался гласным городской думы и уездного земского собрания. Именно этим личностям принадлежит

инициатива создания в Угличе музея. Он был открыт в 1892 году. Константин Дмитриевич был первым его хранителем. Вслед за музеем в городе появилась публичная библиотека (1896 год).

На рубеже XIX – XX веков в Угличе существовала достаточно развитая система образовательных учреждений – «несколько учебных заведений начальной и средней ступени, среди них – духовное училище, женская прогимназия, городское трехклассное училище, две начальных и пять церковноприходских школ» [Ерохина С., 2013, с. 270]. С 1906 года в городе стала издаваться первая газета – «Угличанин».

По инициативе интеллигенции в Угличе активно создаются различные общества - Общество любителей музыкального и драматического искусства, Общество любителей правильной охоты, Общество любителей природы, Общество попечения о бедных, общество трезвости и другие. Таким образом, период второй половины XIX-начала XX века Углича.

В XX веке Углич существенно меняет свой облик в связи со строительством ГЭС и начинает развиваться как промышленный город. По воспоминаниям Л.Ф. Ленгвенса, отец которого был главным энергетиком шлюза Угличской ГЭС, в середине 1930-х годов, когда их семья приехала в Углич, здесь насчитывалось не более четырех тысяч жителей, а сам город напоминал лес церквей, а дома были как грибы в нем [Ленгвенс, 2014, с. 81]. Сооружение гидроэлектростанции началось в 1937 году: «В маленьком, еще совсем недавно, тихом городке развернулась поистине стройка века – многолюдная и шумная, где работала доселе невиданная угличанам техника» [Родился завод…, 2007, с. 12]. В декабре 1940 года и в марте 1941 два гидроагрегата Угличской ГЭС были введены в действие и дали первый ток. В 1943 году до проектной отметки было заполнено водохранилище, в результате строительства которого были уничтожены многие архитектурные памятники Углича, прежде всего Покровский монастырь.

Несмотря на это, именно строительство ГЭС определило дальнейшую судьбу города и сформировало новый образ Углича – города часовщиков,

который по популярности сравним с восприятием Углича как города убиенного царевича Димитрия.

Для решения технических и ремонтных задач на стройке гидроузла были созданы в Угличе механические мастерские, которые выросли в завод, получивший название «Механический завод № 2 Волгостроя НКВД», для местных жителей просто «механка». На этом предприятии выпускались понтонные мосты, центрифугированные формы для производства железобетонных опор контактной сети, краны различной грузоподъемности. Именно этот завод построил в Угличе ДК Машиностроителей, спортивный стадион. При заводе существовал музей, созданный к тридцатилетию Победы в Великой Отечественной Войне, реконструированный 2006-2007 годах к празднованию 70-летнего юбилея предприятия, но, к сожалению, так и не открывший свои двери для туристов. В 2018 году экспонаты заводского музея и элементы оформления были переданы в Угличский музей [Лиуконен, История завода…, 2021].

Именно благодаря строительству ГЭС в Угличе появилась железная дорога (Калязин - Углич), 5 февраля 1937 года сюда прибыл первый поезд. Эта стройка дала толчок для создания и других предприятий Углича. 25 декабря 1937 года Совет Народных Комиссаров принял постановление о строительстве в Угличе Завода точных технических камней (ТТК-2) [Армеев, 1990, с. 28]. В послевоенное время этот завод выпускал наручные женские часы «Звезда», затем «Волга», а с 1964 года продукция предприятия получила название «Чайка». За годы существования заводом были сданы в эксплуатацию 9 жилых домов, два общежития, детский комбинат, две столовые, стоматологическая поликлиника, универсам, молодёжное кафе “Камертон”, книжный магазин, Дворец культуры, пионерский лагерь «Юность», спортивный стадион (сегодня стадион «Чайка»). Углич со второй половине XX века стал ассоциироваться именно с производством часов, получив неофициальное название «города часовщиков».

Еще одной важной страницей в биографии Углича XX века является появление здесь сыродельного завода. По информации Т.В. Ерохиной его строительство началось в 1934 году, из-за нехватки кирпича были куплены и разобраны Филипповская, Воздвиженская, Благовещенская церкви и церковь Дмитрия Солунского [Углич в XX веке, 2010, с.14]. В 1937 году завод был запущен, кроме того, на его базе была организована Научно-исследовательская лаборатория сыроделия, переименованная во Всесоюзную научно-исследовательскую лабораторию сыроделия (ВНИИЛС, сегодня ВНИИМС). Институт сегодня является ведущим научным центром России в области маслоделия и сыроделия. Им были разработаны и внедрены в практику шестьдесят четыре технологии производства твердых, полутвердых, мягких и рассольных сыров; сто девять видов плавленых сыров; восемьдесят разновидностей сливочного и комбинированного масла; тридцать четыре вида бактериальных заквасок; десять видов ферментных препаратов, технология сычужного фермента; девяносто пять методов и тридцать пять приборов для контроля сырья и готовой продукции [Углич в XX веке, 2010, с.13]. На этой основе может быть сформирован еще один образ Углича.

В середине 1970-х годов в Угличе был открыт завод минеральной воды. Первая скважина по добыче этой воды появилась в Угличе еще XIX веке. Вода, имея особый состав, применялась для отбеливания бумаги, которую производила писчебумажная фабрика, сгоревшая в 1912 году. Целебные свойства угличской воды были выявлены местным врачом В.Ф. Троицким еще в 1926 году [Угличскому заводу…, 2020]. Продукция этого предприятия – минеральная вода «Угличская» и семнадцать видов лимонадов – могут стать гастрономическими брендами города.

Знаковым событием, предопределившим дальнейшую судьбу Углича и музейной сферы города, стало появление маршрута «Золотое кольцо». 3 июля 1969 года в городе Ярославле была проведена научно-методическая конференция «Памятники истории и культуры Московской, Ярославской, Костромской, Ивановской, Владимирской областей («Золотое кольцо») и

вопросы туризма», созванная по инициативе Министерства Культуры РСФСР, Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Центрального совета по туризму ВЦСПС, где обсуждались проблемы использования памятников истории культуры и памятных мест вышеуказанных областей с целью организации массового туризма по маршруту «Золотое кольцо» [Шанина, 2019]. Реализация решений данной конференции на практике началась уже с 1970 года. В городах стали открываться бюро путешествий и экскурсий и экскурсионные бюро. Угличское экскурсионное бюро было создано в 1971 году. Подчинялось оно Ярославскому областному Совету по туризму и экскурсиям. В 1980 году оно было переименовано в Угличское бюро путешествий и экскурсий, а в 1990 году получило название муниципальное предприятие "Углич-Тур". С этого времени Углич начинает активно принимать туристов, в первую очередь с теплоходных маршрутов, а туризм становится неотъемлемой частью жизни города.

В сложный период 1980-90-х годов, когда ключевое предприятие Углича – часовой завод «Чайка» прекратил свое существование, именно туризм стал основным направлением социально-экономического развития города. В уже имеющуюся «туристическую структуру» стали встраиваться новые объекты – частные музеи, гостиницы, сувенирные лавки. В 2009 году в Угличе был открыт первый в Ярославской области Туристско-информационный центр. В 2018 году Углич официально стал участником Национального туристского проекта «Золотого кольцо России». С увеличением потока туристов стала расширяться и музейная сеть Углича, сегодня здесь существует один государственный музей, один корпоративный и более десяти частных музеев.

Рассмотрев культурно-исторический и социокультурный контекст формирования Углича как малого провинциального города, мы выделили в нем несколько пластов, способных, как нам кажется, создать уникальный образ Углича в пространстве музея. Следует отметить, что репрезентации абсолютно всех обозначенных периодов в рамках одного музея (как правило,

государственного) или в музеях города в совокупности вряд ли возможна, как в силу объективных причин (отсутствие соответствующей экспонатуры, нехватка экспозиционных площадей), так и в связи с трансформацией «запросов» культурной памяти местного сообщества (интерес к одним событиям возрастает, к другим снижается).

Аксиологический метод исследования малого провинциального города, выделенный нами как один из приоритетных и примененный в отношении Углича, позволил прийти к выводу о том, что Углич обладает признаками исторического города, а именно: возраст Углича около тысячи лет; особая роль в русской истории (междоусобная война Василия II с Дмитрием Шемякой и его братьями, гибель царевича Димитрия, строительство ГЭС); связь с известными историческими личностями (Василий Большой, царевич Димитрий, Тютчевы, Опочинины); наличие планировочной структуры (Кремль, посад) и исторической застройки (регулярный план); наличие памятников архитектуры (Палата угличских удельных князей XV век, церкви и монастыри XVII – XIX веков, жилая застройка XVIII-XIX веков); наличие ценного археологического слоя (в первую очередь в Кремле). Речь не идет о присуждении Угличу статуса «историческое поселение». Это вопрос формального и неформального уровней восприятия объекта. Можно сказать, что Углич – по сути своего культурно-исторического развития и по смыслу взаимодействия традиций и актуальных практик, исторический город, который, в силу многочисленных формальных (официальных) аспектов установления статуса, не имеет названного статуса, «исторический город».

Таким образом, при изучении культурных смыслов и многообразных культурных практик, характеризующих бытие города Углича как важнейшей компоненты Ярославского региона, с учетом контекста этого региона, мы исходим из того, что в процессе культурно-исторического развития города формируется особая культурно-историческая среда, в которой, можно выделить пространственную, предметно-эстетическую и социальную составляющие. Применительно к древнему, исторически детерминированному

городу отмечаем и то, что особое место в этой среде занимает музей. Эта культурно-историческая особенность бытия «старого» города предполагает внимание к определению специфики и роли музея в пространстве малого провинциального города посвящена следующая глава исследования.

Глава 2. Музей в культурном контексте малого провинциального города

В своем исследовании мы исходим из представления о том, что музей является наиболее устоявшейся культурной институцией малого провинциального города, очагом культуры. Понятие *провинциальный музей* имеет широкое бытование, охватывает весьма разнородную группу музеев, но содержательное его значение нуждается в более конкретных формулировках. Модель провинциального музея мы будем выстраивать на основе выявления его характерных черт и инспирированных ими функций, в контексте генезиса и эволюции данного типа учреждения. В процессе реализации своих функций музей оказывает воздействие на социокультурную среду города, в котором находится, и испытывает ее влияние на себе. В результате возникает сложная и продуктивная интеграция нескольких сфер и явлений. Ключевые аспекты взаимодействия малого города и музея будут обозначены нами во втором параграфе главы.

2.1. Характерные признаки провинциального музея в отечественной культуре

Чтобы выделить содержательные признаки провинциального музея как особого явления отечественной культуры, необходимо рассмотреть историю его появления и развития. О провинциальном музее как явлении можно говорить с конца XVIII века, 3 декабря 1782 года в Иркутске была открыта библиотека, при которой был создан первый провинциальный музей в России - «Иркутский музеум» [Юренева, 2004, с. 171]. Однако активное создание музеев в провинции происходит во второй половине XIX столетия. Как известно [Музейное дело…, 2003, с. 53], толчком для развития провинциальных музеев послужили реформы 1860-1870-х годов, вследствие чего активизировалось развитие промышленности, сельского хозяйства, стали осваиваться новые территории и возникла необходимость их изучения.

Поэтому основная часть провинциальных музеев была создана учреждениями, деятельность которых была связана с изучением местности: статистическими комитетами, земствами, губернскими учеными архивными комиссиями, научными обществами. Эти музеи отражали историю, природу, экономику конкретной местности. В профессиональном музейном сообществе для характеристики провинциальных музеев периода второй половины XIX – начала XX веков применяется понятие местный музей или музей местного края. Для определения содержания данного понятия, ввиду его отсутствия в справочной литературе, обратимся к работам отечественных музееведов, отражающим проблематику местных музеев.

Н.М. Могилянский – этнограф, сотрудник Русского музея в статье «Областной или местный музей, как тип культурного учреждения», вышедшей в 1916 году, определял местный музей как один из типов провинциального музея, отличая его от различного рода специальных музеев: технических, сельскохозяйственных, педагогических, - а также специальных коллекций по искусству, например, картинных галерей [Могилянский, 1916, с. 311]. В качестве ключевых характеристик местного музея автор выделял такие свойства: местный музей должен носить смешанный характер, чтобы дать общую и полную характеристику края или области, а также музей должен отказаться от географической универсальности для лучшего исполнения своих целей и задач [Могилянский, с. 308]. Фактически Н.М. Могилянский применял понятие «местный музей» для обозначения провинциального музея комплексного профиля.

Аналогичную трактовку понятия «местный музей» видим у Н.И. Романова – искусствоведа, директора Музея изобразительных искусств (1923-1928). В качестве синонима понятия «местный музей», автор применяет словосочетание «музей родиноведения» – это музей, дающий всестороннее и полное знакомство с известной областью, ее природой и жизнью [Романов, 1919, с. 13-14]. Особо отметим, что, согласно Н.И. Романову, местные музеи характерны для небольших городов и местечек, в больших столичных городах

такие музеи встречаются крайне редко, поскольку обычно в больших городах «вследствие широкого развития духовных интересов и знаний, для каждой области жизни и творчества (природы, быта, труда, искусства) учреждается особый музей» [Романов, 1919, с.14]. На основе анализа устройства и деятельности музеев Западной Европы и Америки Н.И. Романовым были сформулированы принципы организации местного музея в России. Его работа «Местные музеи и как их устраивать» содержит методические рекомендации по организации музеев на местах. Местные музеи автор называет «доступными для всех очагами культуры, красоты и научной истины» [Романов, 1919, с. 3], а отличительной их чертой считает объединение в себе наиболее характерного для природы, быта, населения и творчества данной местности или края.

Одним из наиболее авторитетных отечественных музееведов, занимавшихся изучением местных музеев, остается Д.А. Равикович. В очерке «Музеи местного края во второй половине XIX – начале XX века» автор отмечает, что местные музеи комплексного профиля являлись прототипами современных краеведческих музеев, но поскольку термин «краеведческий музей» до революции не существовал, музеи именовались по названию губернии или города, в котором находились и изучением которых занимались [Равикович, 1960, с. 145]. Для обозначения таких музеев Д.А. Равикович предлагает понятие «музей местного края». Функции музеев местного края также изложены в очерке: «Они (местные музеи – *прим. О.В.)* должны были служить опорными базами для участников научных экспедиций, отдельных ученых, краеведов; справочными пунктами для промышленников, сельских хозяев, инженерно-технических работников, агрономов и других специалистов; образовательными учреждениями, дающими разнообразные знания о крае для широких масс местного населения [Равикович, 1960, с. 175]. В современном музееведении эта функция определена как научно-просветительская.

Т.О. Размустова определяет местный музей как «своеобразное социокультурное явление, сохраняющее и транслирующее локальную (региональную) специфику через предметный мир» [Размустова, 1996, с. 145]. Понятие «местный музей» в данной трактовке не ограничивается ни определенными хронологическими рамками – вторая половина XIX – начало XX века (как это было в предыдущих вариантах), ни профильной принадлежностью музея. Суть местного музея в данном случае определяется двумя факторами: во-первых, местный музей – это музей места (региона, города, села); во-вторых, местный музей создается по потребности и для интересов местного сообщества, здесь важно камерное чувство сопричастности, сопереживания. Исследователь отмечает, что по смыслу, содержанию, масштабам деятельности местные музеи принципиально отличались и от крупнейших национальных собраний, и от музеев-заповедников, хотя и имеющих региональные признаки, но обладающих значением национальных святынь и ориентированных, прежде всего, на прием туристов [Размустова, 1996, с. 140]. При этом автор констатирует, что сегодня местные музеи известны, прежде всего, как краеведческие.

Процесс реорганизации музеев местного края в краеведческие музеи начался после 1917 года. Особо следует подчеркнуть, что менялось не только название музея, но и его содержание. Т.О. Размустова негативно оценивает такие изменения и отмечает, что на смену музейной вариативности в регионах и своеобразию проявления феномена местного музея пришло нормативное единообразие – музеи с типовой структурой и содержанием деятельности. Музей стал одной из форм унификации исторического сознания [Размустова, 1996, с. 144]. Ключевой функцией краеведческих музеев советского периода стала функция пропаганды государственной коммунистической идеологии. Несмотря на эти очевидные негативные тенденции, необходимо отметить, что именно в период 1920 – 1930-х годов была сформирована сеть краеведческих музеев Советского государства, активно развивалось краеведческое движение, происходило формирование музейных фондов и становление принципов

построения музейных экспозиций, были заложены основы музееведения как особой отрасли научного знания. По данным на 1925 год в Ярославской губернии действовали сорок пять краеведческих организаций: музеев, кружков, краеведческих обществ, которые находились практически в каждом районном центре и даже сельской местности (Воятицы, Николо-Корма, Макарово) [«Вглядись в минувшее..», 1995, с. 196-201].

С конца 1950-х годов в музейной сфере страны начинается процесс создания музеев-заповедников. Причинами таких преобразований стали, с одной стороны, возросший интерес к вопросам охраны памятников культуры со стороны государства: согласно Постановлению Совета Министров РСФСР «Об улучшении дела охраны и реставрации памятников культуры в РСФСР» [Постановление Совета Министров РСФСР…, 1957] было отмечено, что многие памятники архитектуры, искусства, истории и археологии содержатся в запущенном состоянии. С другой стороны – развитие международного туризма. Как отмечает И.В. Данильченко, «иностранных туристов привлекали, в первую очередь, древнерусские города с ценными архитектурными памятниками. Состояние этих памятников, давно не подвергавшихся реставрации, оставляло желать лучшего. Во многих зданиях размещались различные организации и жилые квартиры. Реставрация была необходима, чтобы иностранным туристам показать совершенство советского строя, которому не чужды культурные ценности» [Данильченко, 2014, с. 85]. По этой причине музеи-заповедники создавались в городах с богатым историко-культурным наследием (исторических городах). Музеи-заповедники стали особенной группой музейных учреждений, характерных для провинции. Создавались музеи-заповедники на базе (фондах) существующих в городах краеведческих музеев и музеефикации архитектурных ансамблей и отдельных памятников. В 1959 году на базе Ярославского краеведческого музея, Ярославского областного музея искусств и Ростовского краеведческого музей в результате музеефикации здания бывшего Спасо-Преображенского монастыря, церкви Ильи Пророка, Иоанна Златоуста, Иоанна Предтечи,

Николы Надеина, Рождества Христова, Богоявления был образован Ярославо-Ростовский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Музей-усадьба Н.А. Некрасова «Карабиха» стал его филиалом. Процесс создания музеев-заповедников продолжался в 1960 – 1970-е годы. Сегодня среди государственных музеев группа музеев-заповедников является наиболее представительной как в смысле численности музеев, так и с позиций ценности и объемов хранимого наследия.

Уникальным явлением музейной жизни СССР 1960 – 1980 годов является образование сети музеев, работающих на общественных началах. Общественные музеи – это группа музеев, которые создаются по инициативе общественности и действуют на общественных началах, часто – под научно-методическим руководством государственных музеев….Создаются при различных учреждениях, обществах, клубах, кружках и финансируются из их бюджета [Словарь актуальных музейных терминов, 2009, с. 58]. Музеи, работающие на общественных началах, создавались повсеместно, но наиболее активно они формировались в провинции. В 1978 году было принято «Типовое положение о музее, работающем на общественных началах», где были сформулированы условия для создания таких музеев, принципы организации их работы [Типовое положение о музее…, 1978]. В.Е. Туманов [Туманов, 1992] справедливо отмечает, что основу феномена такого музея составляла общественная потребность в сбережении и сохранении историко-культурного наследия, но творческая инициатива местного сообщества была заключена в жесткие рамки официальной культурной политики, а их деятельность всецело была направлена на пропаганду идеологических установок. В «Типовом положении» отмечалось, что лучшим общественным музеям присваивается звание «Народный музей». Через каждые пять лет звание «Народный музе» необходимо было подтверждать. Основными критериями, служащими основанием для присвоения музею данного звания, являлось наличие не менее 70 м^2 экспозиционных площадей, не менее 500 музейных предметов основного фонда (за исключением мемориальных музеев), не менее 5 тыс. посетителей и

70 экскурсий в год» [Российская музейная энциклопедия, 2001, т. 2, с. 8]. Историко-краеведческие музеи, работающие на общественных началах, появились в каждом районном центре, в том числе Гаврилов-Яме, Данилове, Любиме, Пошехонье. Главная функция таких учреждений, помимо осуществления краеведческих исследований, состояла в образовании и воспитании местного сообщества. Сеть общественных музеев к началу 1980-х годов насчитывала от 10 до 15 тысяч музеев (оценки расходятся, поскольку некоторые исследователи считают, что сюда не входят школьные музеи) [Туманов, 1992, с. 165]. Процесс активного создания музеев в 1960-1980-е годы в музейной сфере получил название «Музейный бум».

С 1970-х годов в развитии отечественных музеев наступает новый этап, связанный с пониманием музея как социального института. Впервые данная проблематика была обозначена в статье И. Бестужева-Лады и М. Озерной «Музей в системе культуры» [Бестужев-Лада, 1976]. Авторы характеризуют музей как сложный полифункциональный организм, который выполняет сразу несколько функций. Самой важной функцией музея в системе культуры исследователи называют функцию обеспечения непрерывности развития культуры. Кроме того музей является социальным институтом, занимающимся воспитанием, обучением, развитием посетителей; средством популяризации и пропаганды; объектом туризма, зрелищным учреждением; студией для специалиста, целью которой является передача традиций производства; показателем уровня культуры страны, города, человека. В данной статье признавалась значимость посетителя для музея, вследствие чего музейная аудитория стала объектом активных социологических исследований.

В период перестройки культурные процессы были связаны с пересмотром идеологии социализма и стремлением к демократизации. Для этого этапа развития отечественной культуры характерно сближение с западноевропейской культурой, резкое расширение и трансформация информационного поля, гласность, социальная активность широких слоев населения. Эти тенденции нашли выражение в активном обращении к ранее

запрещенной, в первую очередь эмигрантской, литературе, появлении новых ТВ-передач, газет, журналов, обсуждении острых тем и проблем на театральных подмостках. Музеи в меньшей степени, по сравнению с другими культурными институциями, подверглись изменениям. У российских музеев и музейных работников появилась возможность общения с иностранными коллегами и заимствования опыта, главным образом, в вопросах музейного дизайна и музейной коммуникации.

Существенные изменения в сфере культуры произошли вследствие распада СССР. Т.В. Карпенкова, изучая последствия распада СССР, говорит о группе внешних и внутренних последствий. Наиболее значимыми внутренними последствиями для сферы культуры стали: утрата старой коммунистической идеологии и отсутствие новой, вследствие чего «население охватили душевное смятение, подавленность и униженность, примитивный прагматизм и предельный правовой нигилизм» «эрозия культурного уровня населения»; «переписывание» истории [Карпенкова, 2013, с.133];. В группе внешних последствий распада СССР, безусловно, доминирует глобализация: «Именно с момента исчезновения СССР и многих других стран так называемого «социалистического лагеря» наступила эпоха реальной глобализации. До этого глобализм тоже существовал, но его углубление значительно сдерживало противостояние двух систем, их биполярная конфронтация. Теперь же мир всё больше стал превращаться в единую информационную, экономическую, политическую систему» [Карпенкова, 2013, с. 125].

Музеи как неотъемлемая часть культуры оказались к концу XX века в кризисном положении. Э.А. Шулепова отмечает, что смена идеологических установок, уничтожение единого культурного пространства привели к ослаблению музеев, значительному сокращению числа посетителей, приостановке процесса формирования музейной сети [Основы музееведения, 2005, с. 207]. Музеи получили возможность самостоятельного выбора путей развития, но многие из них не были готовы к такой ситуации. Краеведческим

музеям предстояло полностью перестроить свою работу в соответствии с новыми культурными запросами и тенденциями. Следует отметить, что многие краеведческие музеи справиться с этими задачами не сумели до сих пор. Поэтому сегодня в массовом сознании краеведческий музей часто воспринимается как явление, застывшее в своем развитии, не имеющее индивидуальности, «захолустное» - это экспозиция, которая начинается с зуба мамонта, продолжается чучелами животных, заканчивается прялками и сундуками.

Современный этап развития провинциальных музеев и их специфика были обусловлены процессами, происходящими в отечественной культуре постсоветского периода. Основополагающей чертой культуры советского времени являлась тотальная идеологизация. После распада СССР произошла утрата мировоззренческих основ в обществе, что, с одной стороны, дало возможность развития «свободомыслия», а с другой – привело к кризису системы нравственных ценностей и деградации культуры. Именно эти явления стали определяющими в развитии культуры XXI века. Л.В. Терещенко, характеризуя российскую культуру постмодернизма, отмечает тотальную деконструкцию во всех сферах, как эксплицитную реакцию на слом существовавших канонов и норм, а культурными доминантами постсоветской отечественной культуры называет тотальную инфляцию всех дискурсов, преобладание иррационального начала, пессимизм, нетерпимость и вседозволенность, социокультурный плюрализм [Терещенко, 2004]. Эти же черты русской культуры выделяет и И.В. Кондаков: «Первое, что привнесла новая ситуация в развитие отечественной культуры в посттоталитарный период – это реальный плюрализм (политический, идеологический, методологический, стилистический); на смену единственно допустимой идеологии, монополизированной научно-познавательной методологии, целостному (тоталитарному) мировоззрению приходит период «разброда и шатания» [Кондаков, 1998, с. 218]. А.Я. Флиер, занимаясь вопросами изучения культурной политики в России периода конца 1990-х годов, в качестве

главной характеристики культуры называет ее амбивалентность, многозначность, многоуровневость ее смыслов и содержаний. И далее отмечает, что «ни один феномен культуры не является моно-функциональным, но несет в себе целый комплекс различных социальных функций; ни одно культурное явление не обладает лишь одним смыслом и непосредственным содержанием, а представляет собой совокупность различных смыслов и содержаний как актуального, так и мемориального характера» [Флиер, 1994, с. 15].

Одной из главных черт культуры XXI века является глобализация, понимаемая как процесс унификации, формирования единой глобальной культуры. При этом оцениваются процессы глобализации неоднозначно: с одной стороны, происходит «формирование культурного универсума, нивелировка этнической специфики, с другой – развивается локальное этническое своеобразие с акцентом на региональные особенности» [Корытина, 2016, с. 381]. Эту же специфику отмечают Ю.Н. Солонин и М.С. Каган, определяя ее как «универсализацию и партикуляризм» [Культурология, 2012, с. 387]. Основой формирования локальной специфики являются, как правило, культурно-исторические особенности развития территории, а инструментом формирования выступает память. Это объясняет актуальность проблематики памяти в современной культуре.

Я. Ассман отмечает: «По всем признакам похоже, что вокруг понятия воспоминание складывается новая парадигма наук о культуре, благодаря которой разнообразнейшие феномены и области культуры – искусство и литература, политика и общество, религия и право – предстают в новом контексте» [Ассман, 2004, с.12]. Актуальность проблематики памяти обусловлена не только процессами глобализации, развитием информационных технологий, «насыщенностью» XX века событиями, но и особым состоянием гуманитарных наук, вызванным «критикой истории как способа постижения прошлого со стороны структурализма, постструктурализма, постмодернизма, деконструктивизма и постистории» [Сафронова, 2018, с.12]. Л.М. Шуб

связывает причину всё возрастающего интереса к прошлому «с естественной и вневременной потребностью человека противопоставлять себя «одномерной повседневности» [Шуб, 2013, с. 66], а Пьер Нора, определяя современную эпоху как эпоху всемирного торжества памяти, - с феноменами «демократизации и ускорения истории» [Нора, 2005]. Сущность феномена «ускорения истории» в том, наиболее постоянны и устойчивы теперь не постоянство и устойчивость, а изменение, вследствие чего происходит разрушение единства исторического времени; феномен «демократизации» истории - возникновение разнообразных форм памяти меньшинств, для которых отвоевание собственного прошлого является необходимой составляющей утверждения собственной идентичности.

Для характеристики дефиниции память в гуманитарном знании применяются несколько определений – коллективная, социальная, историческая, культурная, но в контексте данной работы они будут являться синонимичными. Прежде всего, необходимо понять суть феномена культурной памяти. П. Рикёр, характеризуя феноменологию памяти, говорит о том, что она «концентрируется вокруг двух вопросов: «О чем мы вспоминаем?» и «Кому принадлежит память?» [Рикёр, 2004, с. 21]. Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к истории осмысления и концептуализации теории культурной памяти. Одним из первых, кто обозначил проблему существования коллективной памяти, был французский философ, социолог М. Хальбвакс. В монографии «Социальные рамки памяти» он, изучая воспоминания отдельных людей, приходит к выводу, что эти воспоминания обусловлены определенными рамками и ориентирами, которые создаются обществом (свою теорию Хальбвакс доказывает на основе анализа сновидений: спящий человек изолирован от общества, поэтому во сне не происходит процесса воспоминания; сновидения – это не воспроизведение прошлого (память), а некий «собирательный» образ, мозаика, сложенная из фрагментов пережитых человеком событий). Главными критериями, определяющими понятие «рамка», являются время, пространство, а также

речи (язык): «Люди совместно мыслят посредством речи» [Хальбвакс, 2007, с.87]. При этом М. Хальбвакс отмечает, что прошлое не возникает вновь неизменным, а реконструируется исходя из настоящего. Иными словами, память людей зависит от тех групп, в которые они входят, и от тех идей и образов, которыми более всего интересуются эти группы.

Дальнейшее развитие теория культурной памяти получила в работе Я. Ассмана. Именно он, изучая культуры древности (Египет, Израиль, Персия, Греция), вводит в оборот понятие «культурная память». Автор выделяет две формы существования коллективной памяти: память коммуникативную и культурную. Коммуникативная память, согласно Я. Ассману, это воспоминания, связанные с недавним прошлым, их можно разделить с современниками. Существует такая память до тех пор, пока живы ее носители: «Для культурной памяти важна не фактическая, а воссозданная в воспоминании история» [Ассман, 2004, с.55], то есть образ события, кроме того, вспоминается не вся история, а лишь ее конкретные, значимые для общества события («Только значимое прошлое вспоминается, и только вспомненное прошлое становится значимым» [Ассман, 2004, с.81]). Я. Ассман оперирует словосочетанием «помнящая культура», которая «имеет дело с памятью, создающей общность» [Ассман, 2004, с. 30]. Также Я. Ассман говорит о важной роли памяти в процессе идентификации, выделяя индивидуальную и коллективную идентичность, связь между которыми формируется как связь части и целого: часть (индивидуальная идентичность) зависит от целого (коллективная идентичность), а целое возникает из взаимодействия частей. Автор отмечает, что и коллективная, и индивидуальная идентичности формируются в обществе, а, значит, являются продуктом социального конструирования: «Степень выраженности» идентичности напрямую зависит от того, насколько она осознается людьми и поддерживается. Осознание идентичности, согласно Я. Ассману, происходит через взаимодействие (в первую очередь посредством речи), в результате которого у группы формируется общий язык, знания, ценности, опыт, память.

Именно прошлое автор считает одним из самых сильных объединяющих факторов. Неразрывную связь культурной памяти с феноменом культурной идентичности отмечает Т.И. Ерохина. Особое значение, в этой связи, по мнению автора, приобретают функции образов памяти в культуре: «Образы прошлого лишаются исторических деталей, мифологизируются и существуют в определенной системе ценностей, которая имеет социокультурное измерение: коллективная память формирует символический универсум, очерчивающий границы общности при помощи маркеров, “излучающих” смыслы, нормы и эмоции» [Ерохина, 2017, с. 270].

Следствием процесса глобализации является доминирование в обществе массовой культуры, «сознательно ориентирующей распространяемые ею духовные и материальные ценности на «усредненный» уровень развития массовых потребителей» [Энциклопедия «Культурология XX век, 1998]. Иными словами, сфера культуры становится значимой и востребованной у более широкого круга людей. Массовую культуру, а, следовательно, и культуру XXI века, отличает тесная связь со СМИ, в первую очередь Интернетом и телевидением, и коммерциализация. Данные тенденции проявляются в деятельности всех культурных институций. Но наиболее сильные изменения сегодня, на наш взгляд, происходят в музейной сфере. В музее меняется все: музейное оборудование, экспозиционные приемы, аудитория и формы взаимодействия с ней, функции музея, музейные практики.

Свидетельством больших изменений в музейном деле является факт того, что дефиниция «музей» за последние тридцать лет корректировалась четыре раза. В Уставе Международного совета музеев (ИКОМ) 1989 года представлена следующая формулировка этого термина: «Музей является постоянным некоммерческим учреждением, служащим делу общества и его развития, доступным широкой публике, занимающимся приобретением, хранением, исследованием, популяризацией и экспонированием материальных свидетельств о человеке и среде его обитания в целях изучения, образования, а

также для удовлетворения духовных потребностей [Устав Международного совета музеев (ИКОМ), 1989]. В начале 2000-х годов в отечественной музейной сфере начинается процесс формирования диалога между музеем и посетителем: проводятся соцопросы, в ходе которых изучается музейная аудитория, определяются запросы и ожидания посетителя относительно музея. Отвечая этим тенденциям, корректируется и содержание понятия музей: «исторически обусловленный многофункциональный институт социальной памяти, посредством которого реализуется общественная потребность в отборе, сохранении и репрезентации специфической группы природных и культурных объектов, осознаваемых обществом как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение, – музейных предметов» [Российская музейная энциклопедия, 2001, т. 1, с. 395–396]. В середине 2000-х годов на волне интереса к нематериальному культурному наследию дефиниция «музей» дополняется соответствующими формулировками: «Музей отбирает, хранит, исследует, экспонирует и интерпретирует первоисточники знаний о развитии общества и природы – музейные предметы, их коллекции и другие виды движимого и недвижимого, материального и нематериального культурного наследия» [Словарь актуальных музейных терминов, 2009, с. 55-56]. Сегодня вопрос о содержании понятия «музей» остается открытым. В 2018 году в рамках XX Международного фестиваля «Интермузей — 2018» был организован Круглый стол «Что такое музей сегодня» [Рекомендации ИКОМ России по разработке определения понятия «музей», 2018], где большинство музейных специалистов высказалось за необходимость пересмотра текущего определения. В качестве обоснования такой позиции отметили следующие причины: определение «устарело и не отражает современных реалий», «не имеет достаточных связей с практикой», «далеко от сути музейной работы». При формулировке нового определения предлагалось учесть такие направления музейной работы как социальная инклюзия, формирование культуры участия, содействие культурному самовыражению. Из

представленных определений отчетливо видно, что в музее происходит смена основополагающих принципов его функционирования, заключающаяся в том, что центром «музейной вселенной» вместо музейного предмета становится посетитель. Именно на его запросы, интересы, опыт, взгляды ориентируется музей практически во всех направлениях деятельности. Эту же тенденцию отмечает и Е.Н. Мастеница – заведующая кафедрой музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры: «…в начале третьего тысячелетия фокус с музейного предмета и коллекций перемещается на идеи и на сообщество. Приоритетное направление деятельности музея – диалог как с обществом в целом, так и отдельными социальными или этническими группами» [Мастеница, Музей в начале…, 2020, с. 47].

Рассмотрев историю становления и развития провинциального музея, можно выделить следующие характерные признаки этой культурной институции.

Ключевой характеристикой провинциального музея, детерминирующей остальные его специфические черты, является *связь с конкретной территорией*. Областью знания, занимающейся комплексным изучением конкретной территории является краеведение, следовательно, взаимодействие провинциального музея и краеведения неоспоримый факт.

Н.В. Короткова, занимаясь исследованием нового направления музейно-педагогического образования «новое краеведение», говорит о спорной сущности понятия краеведение и обозначает три точки зрения на это понятие:

1. Изучение своего «отчего» края, своей «малой» родины, комплексное изучение определенной географической территории (А. Г. Озеров);
2. Школа нравственного воспитания и понимания значения исторического опыта и культурного наследия (С. О. Шмидт);
3. Деятельность по сохранению своими руками культурного и природного наследия (Д. С. Лихачев) [Короткова, 2018, с. 101]

Нам представляется значимым, что именно в музее эти три подхода гармонично соединяются, взаимодополняя и влияя друг на друга, воплощаясь в ключевых направлениях музейной деятельности: учетно-фондовой, научно-исследовательской и культурно-образовательной работе. Д.С. Лихачев, размышляя о сущности краеведения, пишет: «Краеведение принадлежит к типу комплексных наук. Оно соединяет в себе сведения природоведческие (в свою очередь комплексные), исторические, искусствоведческие, по истории литературы, науки и т.д. Объединяющее начало состоит в том, что все эти сведения относятся к одной местности…Краеведение оценивает значительность происшедших на изучаемой территории событий, значительность связанных с этой территорией людей, ценность архитектурных и археологических памятников, красоту пейзажей, редкость и важность природных данных (животных, рыб, насекомых, растений, даже климата и т.д.) [Лихачев, 2000, с. 159].

Особую связь провинциального музея и краеведения отмечает Т.О. Размустова. Выделяя четыре этапа эволюции российского краеведения со второй половины XIX до начала XX века, автор использует в качестве единицы анализа того или иного периода социальные институты и организации, включенные в краеведческую деятельность – музеи, библиотеки, архивы, школы. При этом значение музея среди указанных институций особенно велико: «с одной стороны, благодаря специфической информационной базе, представленной разными типами носителей информации; с другой стороны, в самой концепции музея как социального института присутствует выраженная полифункциональность: комплектование, хранение, классификация и систематизация эмпирического материала, его презентация через музейную экспозицию – особую форму культурной коммуникации» [Размустова, Музеи и эволюция, 2004].

Особое значение музей как институт памяти приобретает в процессе формирования культурной идентичности. А.А. Никонова отмечает: «Идентичность как результат становления чувства самоуважения и

самобытности поддерживается через связь с прошлым, но важна в этом случае не сама констатация связи, а осознание и осмысление, и одновременно включенность во множество смыслов прошлого через умение и понимание образно-чувственного мира музейного пространства» [Никонова, 2010, с. 122]. При этом крупные музейные собрания (Эрмитаж, Третьяковская галерея и другие) формируют культурную память и идентичность нации в целом.

Провинциальный музей выступает хранителем и транслятором памяти для формирования коллективной идентичности местного сообщества. Это вторая концептуальная характеристика провинциального музея нуждается в более детальном обосновании.

Согласно Ю.М. Лотману «каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т.е. хранить), а что подлежит забвению» [Лотман, 1992, с.201], это основа функционирования памяти. Но следует отметить, что способы сохранения того, что следует помнить, одинаковы. Для письменных культур, где ключевую роль играет текст, это, в первую очередь, создание хранилищ текстов - библиотек, архивов, музеев. П. Нора называет данные институты места памяти – «это останки, крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории» [Франция-память, 1999, с.26]. Их появление обусловлено фактом существования добровольной, обдуманной памяти, переживаемой как долг и лишенной спонтанности, в отличие от истинной памяти, основой которой являются механическая память и рефлекторные навыки. Основой этой обдуманной памяти является образ, через создание которого формируются внешние точки опоры для самой памяти, - места памяти. Места памяти являются таковыми, согласно П. Нора, в трех смыслах слова – материальном, символическом и функциональном. О роли музея как хранителя коллективной памяти говорил еще в конце XIX века Н.Ф. Федоров: «Музей есть выражение памяти общей для всех людей, как собора всех живущих, памяти, неотделимой от разума, воли и действия, памяти не о потере вещей, а об утрате лиц. Деятельность музея выражается в собирании и восстановлении, а не в хранении только» [Федоров, 1913].

В XXI веке для характеристики музея как института памяти применяются такие определения, как «мнемоническая машина», «материальное воплощение коллективной памяти», «место памяти», «общественные коллекторы, обеспечивающие единство общества», «памятная книги человечества» [Ростовцев, Сосницкий, 2014, с. 110]. Значение музея среди прочих институтов памяти особенно высоко, так как он является не только хранилищем материальных свидетельств прошлого, но и «двухступенчатым фильтром» для исторических событий и явлений: первая стадия – отбор предметов музейного значения: попадают в фонды лишь предметы, связанные с теми событиями, память о которых необходимо сохранять; вторая стадия – отбор предметов из фондов для экспонирования: именно через экспозиционно-выставочную деятельность происходит коммуникация с посетителем, поэтому экспонат должен обладать наиболее выразительными свойствами, позволяющими создать максимально яркий образ события, и быть представлен таким образом, чтобы все закодированные в нем смыслы были понятны аудитории. О.В. Беззубова, определяя музей как «новую форму коммеморации», отмечает, что в современной культуре отсутствует единое доминирующего представления о прошлом, в связи с чем, перед музеем стоит сложная задача сформировать такой образ прошлого, который, с одной стороны, соответствовал общепринятым критериям научности и этики музейного дела, а с другой - оставлял возможность для различных интерпретаций. При этом роль музея не должна сводиться к трансляции заранее данного нарратива: «В условиях противоречий музей может принять роль дискуссионной площадки, позволяющей встретиться различным точкам зрения и способствующей выработке культуры диалога» [Беззубова, 2018, с.219].

Следует также отметить, что идентификационная функция культурной памяти является наиболее важной, но не единственной. М.Л. Шуб выделяет информационную (накопительную) функцию, обусловленную генетической сущностью памяти; стабилизационную (обеспечение чувства непрерывности

времени), особенно значимую в кризисные, переходные периоды; объяснительную функцию, связанную с сохранением и актуализацией ценных смыслов и опыта; легитимизирующую функцию, обосновывающую право кого-то или чего-то на существование в настоящем и компенсаторную функцию, подразумевающую компенсацию несовершенства настоящего через конструирование «идеального» прошлого [Шуб, Функции культурной памяти]. Многофункциональность культурной памяти делает ее категорией всецело определяющей жизнь человека, жизненно необходимой, а провинциальный музей, соответственно, не «рядовым» социальным институтом, а уникальным феноменом.

Наиболее устоявшимся, исторически неизменным признаком провинциального музея является восприятие его *как центра культурно-просветительской работы*. Значимость роли музея как культурно-просветительского центра в малых городах и, особенно, сельской местности детерминирована отсутствием других культурных институтов: театр, кино, цирк и другие. Особую роль музеев в этом процессе отмечал и Д.С. Лихачев: «Город без художественного музея — ущербный город, еще в большей мере, чем город без театра или кинематографа. Это город — слепой к эстетическим ценностям, глухой к прошлому» [Лихачев, 2000, с. 167]. Отчасти эту функцию берут на себя дома культуры и библиотеки. Но деятельность первых, в большей степени, ориентирована на досуг и творчество, а вторые - мало востребованы в силу вербального характера «носителя» информации.

В какой бы форме не реализовывал музей культурно-просветительскую функцию (лекция, экскурсия, прогулка, мастер-класс, интерактивная программа), главным будет зрительное, визуальное восприятие пространства и предмета.

Большинством исследователей проблематика культурно-просветительской работы музея рассматривается достаточно узко, в контексте образовательной деятельности, ориентированной на детскую аудиторию, школьников. Не отрицая приоритетности детской и молодежной аудитории в

культурно-просветительской работе музея, не менее важной является просветительская деятельность в отношении взрослой аудитории, в первую очередь местных жителей.

Взгляд на провинциальный музей как центр культуры представлен в диссертационном исследовании К.В. Алякиной «Провинциальный музей как «культурное гнездо» [Алякина, 2002]. К.В. Алякина, применяя концепцию «культурного гнезда» в отношении провинциального музея, определяет его главные задачи – аккумуляция и трансляция внерегионального (национального и мирового) культурного наследия и работа с местными культурными ресурсами (продуцирование новых культурных центров, организация культурного взаимодействия, создание и трансляция новых культурных текстов). Автор исследовал феномен провинциального музея на примере крупных промышленных центров – Самары, Тольятти. Деятельность музея малого города концентрируется на локальной культуре, но рассматривается она в региональном и национальном контексте.

Обозначенные нами характерные признаки провинциального музея детерминируют ключевые функции этих учреждений. Связь музея с определенной территорией реализуется через исследовательскую функцию провинциального музея, которую можно считать основополагающей. Прежде, чем рассказать аудитории о городе, необходимо собрать, «извлечь» эту информацию из музейных предметов. Музей продуцирует новые культурные смыслы города, способствуя реализации других функций. Кроме того, музей, рассказывая о городе, выполняет презентативную функцию, формируя его образ на местном, региональном и даже федеральном уровнях.

Музей как институт памяти осуществляет идентификационную функцию для местного сообщества.

Являясь культурным центром, провинциальный музей реализует культурно-просветительскую функцию. Следует отметить, что приведенные характеристики провинциального музея присущи всем учреждениям такого рода. Специфика практик конкретного провинциального музея обусловлена

культурно-историческим контекстом развития города и интенсивностью взаимодействия музея и города.

Особо подчеркнем, что современный провинциальный музей не является обособленным явлением в культуре. Он испытывает влияние культурных тенденций, происходящих в обществе и музейной среде. Для определения особенностей деятельности провинциального музея в малом городе важно иметь представление о развитии музейной сферы России на современном этапе (XXI век).

Музей XXI века, сохраняя «базовые» функции (выявление, сбор, изучение и хранение музейных предметов), интерпретирует их, встраивая в современную социокультурную ситуацию, а также принимает на себя прежде несвойственные функции и роли. Новое «прочтение» в контексте глобализации и культурной идентификации получает функция хранения, актуализации и трансляции культурной (социальной) памяти. С одной стороны, «аксиологические и гносеологические механизмы социальной памяти обеспечивают участие ретроспективной информации в формировании «картины мира» современного человека, придавая ей историческую перспективу и целостность» [Мастеница, Социальные функции…, 2015, с. 232], с другой – «восприятие и осмысление информации, транслируемой уникальной музейной средой и музейным предметом, способствует осуществлению музейной коммуникации, в процессе которой может происходить освоение новых социальных ролей и определение собственного социального статуса, иными словами социальной адаптации» [Мастеница, Социальные функции…, 2015, с. 234].

Абсолютно новой для музеев XXI века стала роль агента рыночных отношений. Музеи не только самостоятельно осуществляют поиск источников финансирования (участие в конкурсах на получение грантов, поддержка спонсоров и меценатов), но и становятся продавцами «музейных товаров»: билетов, экскурсий, программ. А.А. Будко – директор Военно-медицинского музея Санкт-Петербурга очень негативно оценивает такую ситуацию: «Музеи,

вовлеченные в рынок, продавая знания, эмоции, впечатления, начали использовать одноразовость как маркетинговый принцип, работающий практически везде и во всем. При этом музей порой сам находится на грани превращения в одноразовый продукт потребления» [Будко, Образ музея…, 2015, с. 13]. Появление музейного маркетинга и менеджмента как ключевых направлений деятельности музея говорит об укоренении «коммерческих основ» его развития.

Важные изменения происходят в сфере музейной коммуникации. Если ранее взаимодействие «музей – посетитель» можно было обозначить как диалог, то на современном этапе музейной аудитории этого недостаточно. Она хочет быть не просто слушателем, а полноправным участником действия. Именно поэтому сегодня активно обсуждается в музейном мире идея «партиципаторного музея». Идеологом модели партиципаторного музея является Н. Саймон [Саймон, 2017] В широком смысле слова «партиципация» означает культуру соучастия, соработничества публики и сотрудников музея в процессе реализации общих проектов [Стародубцева, Чистякова, 2019, с. 105]. На 139-й сессии Президиума ИКОМ был представлен альтернативный вариант определения понятия «музей»: «музеи — это демократизирующие, инклюзивные и полифонические пространства, созданные для критического осмысления и обсуждения прошлого и будущего. Их деятельность основана на принципах партиципации и прозрачности и строится вокруг активного сотрудничества с различными сообществами» [ICOM объявляет…, 2019]. На практике эти тенденции проявляются в виде новых форм работы с посетителями: мастер-классы, квесты, интерактивные программы.

Е.Н. Мастеница отмечает утрату музеем функции инструмента познания. «На смену музею как «храму науки и искусства» и дидактическому учреждению приходит институция, называемая «постмузей» (post-museum). Он отходит от задачи представлять мир в миниатюре, поскольку любое современное знание заведомо не канонично и фрагментарно, предпочитая опираться на эмоциональные формы коммуникации, а не на понятийные»

[Мастеница, Музей в начале третьего тысячелетия, 2020, с. 49]. Эту же тенденцию отмечает З.А. Бонами: «Музей оказывается все менее востребован как классификатор, а самое главное – интерпретатор, создатель и промоутер научного знания, творец так называемых «больших нарративов» мировой истории и культуры. Музейная герменевтика уступает место политике аффекта, интеллектуальное начало – чувственному» [Бонами, 2019]. «Аффект» трактуется автором как способ воссоздания прошлого на основе личных впечатлений, воспоминаний и опыта (в том числе телесного), а не общеисторического знания.

Существенно изменило музейный мир активное развитие информационных технологий. Начав с внедрения в практику КАМИСа (информационная система, с помощью которой создаются базы данных музейных коллекций), современные музеи имеют сайты, аккаунты в социальных сетях, публикуют видео на Ютубе и Тик Токе. Музеи активно заявляют о себе в медиа сфере. Особенно активно это направление стало развиваться в условиях пандемии, когда музеи на протяжении длительного времени не принимали посетителей и чтобы не потерять аудиторию перешли на работу в онлайн. Т.П. Поляков отмечает и другой, с его точки зрения опасный аспект - «ориентация на электронные технологии, приводящие в конечном итоге к созданию виртуальных музеев или мультимедийных экспозиций. В отличие от реальных коллекционных экспозиций, здесь… отсутствует сам музейный предмет <…> Таким образом, если музейный предмет теряет качество «подлинного материального свидетеля» и переходит в категорию абстрактного «информационного ресурса», он сохраняет лишь подобие музейности» [Поляков, Музейная экспозиция…, 2019, с. 386–387].

Все выше обозначенные черты – это те векторы, по которым развиваются практически все российские музеи. Не меняя сущности провинциального музея, эти тенденции определяют характер реализуемых им практик.

Таким образом, модель провинциального музея в отечественной культуре была сформирована в советский период и не претерпела значительных содержательных изменений в постсоветское время. Модели провинциального музея присущи следующие черты:

1. Территориальная определенность. Провинциальный музей является музеем конкретного географического пространства – области, района, города. Закономерно, что понятия провинциальный и краеведческий музей воспринимаются как синонимичные.

2. Нацеленность на работу с коллективной памятью местного сообщества и локальной идентичностью.

3. Значимость культурно-просветительской работы.

Модель провинциального музея была положена в основу создания подавляющей части современных российских музеев.

2.2. «Музей в городе – город в музее»: аспекты взаимодействия

В наименовании параграфа мы воспользовались названием международной научно-практической конференции, проводимой с 2016 года Музеем Москвы [Музей в городе – город в музее…, 2018]: «Музей в городе – город в музее». Это название метафорически определяет взаимообусловленность и взаимозависимость города и музея в современной культуре и соответствует одной из задач нашего исследования: изучение форм взаимодействия современного музея и города.

Проблематика взаимодействия музея как компоненты городской среды и собственно города в зарубежных и отечественных исследованиях является достаточно новой. Первый международный симпозиум по проблеме музеев в городе состоялся в 1993 году в Музее Лондона и назывался «Reflecting Cities» («Город и его отображение») [Хебдич, 1996]. В 1996 году журнал «Museum» выпустил номер, полностью посвященный теме «музей в городе». Авторы статей этого номера – руководители и сотрудники городских музеев Лондона,

Барбадоса, Салоников, Варшавы, Лодзи, Монреаля рассматривают музей как потенциальное средство проведения социальных перемен в городе. Не отрицая ценности и значимости истории города, исследователи полагают, что в музее важно говорить и о современной жизни. Главное отличие музея города как особого типа музейного учреждения заключается в активном участии самих горожан в создании и работе музея. О внедрении партисипативных методов работы музея, разрабатываемых и обсуждаемых при широком участии общественности, как о способе культурного обогащения общины говорит Амаресвар Галла [Галла, 1996]. Он же ввел в научный оборот понятие городская музеология.

Содержание понятия городской музей, представленное зарубежными музейными работниками, созвучно идее местного музея Т.О. Размустовой, проанализированной нами в параграфе 2.1. Следует отметить, что в отечественной музейной практике подавляющее большинство музеев, рассказывающих о городе, являются не городскими музеями, посвященными сугубо городской проблематике, а относятся к типу краеведческого музея, который одновременно характеризует город, район, а зачастую и область.

В отечественном гуманитарном знании вопросы взаимодействия музея и города исследуются в различных аспектах. М.Е. Каулен рассматривает музей как форму сохранения и актуализации наследия. Учитывая разнообразие типов музейных институций, существующих в городе, автор предлагает типологию моделей музеев. Критерием построения классификации выступает форма взаимодействия музея с городской средой, в которой выделены две составляющие – архитектурно-пространственная и предметная среда, а также социокультурная среда. Воспользуемся классификацией М.Е. Каулен [Каулен, 2012, с. 9-10], которая выделяет три модели музеев:

1. Коллекционная модель – музей занимает одно или несколько зданий в городе, сосредоточен на сборе, хранении, интерпретации движимых артефактов. Такой тип музеев оказывает влияние на социокультурную среду,

воздействие на предметно-пространственную среду города со стороны музея отсутствует.

2. Социальная модель – музей как социально ориентированный культурный центр. Главной целью создания таких музеев является решение насущных социальных проблем общества. Такой подход к пониманию роли музея в обществе дальнейшее развитие получит в концепции «новой музеологии».

3. Средовая модель – музей встраивается в городское пространство. Методами проникновения музея в городскую среду являются создание филиалов музея, разноуровневую музеефикацию городской среды, использование пространства города в музейной деятельности.

Нам представляется, что в малом городе основная часть музеев относится к модели коллекционного музея, примером средовой модели музея в малом городе являются музеи-заповедники (Кирилло-Белозерский музей-заповедник, Верхотурский музей-заповедник).

Разработкой пространственного дискурса музея в мегаполисе занимаются Н.Н. Дроздова-Пичурина и О.С. Сапанжа [Дроздова-Пичурина, Сапанжа, 2017]. Авторы предлагают пять моделей взаимодействия городского и музейного пространства:

1. Классический дискурс – музей и город независимы друг от друга. Музей для городского пространства является лишь зданием, он не выходит за свои территориальные пределы.

2. Дискурс противостояния – музей и город находятся в состоянии конфликта. Город сопротивляется выходу музея за его пределы.

3. Дискурс включения – музей активно входит в пространство города, который, в свою очередь, позитивно воспринимает такую тенденцию.

4. Монодискурс – город не мыслится без музея. Музей – «градообразующий» объект для города.

5. Городская музеализация (город-музей) – город стремиться стать музеем.

Мы полагаем возможным и полезным применить пространственный дискурс в отношении малого города и музея, он, на наш взгляд, будет несколько отличаться от представленного. Ситуация противостояния музейного и городского пространства для малого города не характерна ввиду особой культурной, социальной значимости музея. В то же время, музей в малом городе редко осуществляет свою деятельность вне собственных стен. Такая ситуация характерна для большинства «нетуристических» малых городов. Находясь в пространственной независимости от города, музей оказывает значительное социокультурное воздействие на него. Примером дискурса включения является город Тотьма и Тотемское музейное объединение. По инициативе музейного объединения осуществляется проект по благоустройству городских территорий «Культурный квартал», был реализован проект «Кольцо культурной памяти» - экскурсионно-туристического маршрута с 15 информационными стендами на месте утраченных памятников и ландшафтов города, создано творческое пространство «АнтреСОЛЬ». В качестве примера монодискурса можно назвать как сложившиеся исторически (Ростов и Ростовский Кремль), так и сформированные имплицитно, по ходу жизни города (Мышкин и Музей мыши). Примером дискурса города-музея можно считать комплекс, имеющийся в Суздале.

Традиционным аспектом музейной проблематики является тема взаимодействия музея и местного сообщества. Ее значимость детерминирована общемировыми тенденциями развития музеев, а именно, всецелой ориентированностью деятельности музеев на человека и расширением социальных функций музея. Следует отметить, что проблема определения границ участия музея в жизни города в глобальном контексте стала предметом дискурса еще в 1970-х годах. Канадский музеевед Д. Камерон в статье «Музей: храм или форум?» [Камерон, 1992] ставит вопрос о самоопределении музея, выделяя две возможные модели развития – музей-храм и музей-форум. Музей-храм воплощает традиционную концепцию музея,

то есть он занимается собиранием, исследованием, экспонированием музейных ценностей. Модель музей-форум предполагает существенное расширение функций музейной институции. Музей становится еще и лабораторией, творческим центром, площадкой для экспериментов. Д. Камерон особо подчеркивает, что музей как храм не аполитичен и не руководствуется идеей невмешательства. «Если музеи сознают проблему, которая является социально значимой, и имеют средства для ее интерпретации,…они обязаны обратиться к ней в своей деятельности» [Камерон, 1992, с. 272]. Исследователь считает, что соединять функции храма и форума в рамках музея ошибочно. Однако на современном этапе развития музеев тенденция трансформации и расширения их функций является неоспоримым фактом.

Вопросы взаимодействия музея и местного сообщества находятся в предметном поле такого направления музееведения, как музейная коммуникация. В «Музейной энциклопедии» музейная коммуникация определяется как процесс передачи и осмысления информации, происходящий между музеем и обществом [Российская музейная энциклопедия. Словарь терминов, 2002]. Это определение начала 2000х годов за прошедшие двадцать лет существенно трансформировалась. О.С. Сапанжа – автор учебного пособия по музейной коммуникации – отмечает: «Рассматривая особенности и значение музея в современной культуре, нельзя не отметить, что, сохраняя и демонстрируя опыт поколений, музей связан и с проблемой собственно актуального общения, общения «здесь и сейчас»…Храня память прошлого, транслируя консервируемую информацию, музей в значительной степени ориентирован на соотнесение консервируемой информации с моментальной. Таким образом, музей способен реализовать оба типа коммуникации – историческую и актуальную» [Сапанжа, 2007, с. 80-81]. То есть коммуникация сегодня не сводится к простой передаче информации, в процессе взаимодействия общества и музея решаются социальные задачи. Не останавливаясь на теоретических аспектах музейной коммуникации (сферы,

структура, каналы, стратегии музейной коммуникации), обратимся к наиболее важному в контексте исследования вопросу, а именно к определению субъектов музейной коммуникации. Партнерами музея согласно Ю.В. Зиновьевой являются:

- профессиональное сообщество и организации сферы культуры; администрация и управление – государство, вышестоящие органы управления культурой, комитеты и министерства, центральные и местные органы власти, городские, районные и муниципальные;
- организации сферы бизнеса, реальные и потенциальные спонсоры и донаторы;
- дарители и коллекционеры, держатели музейных предметов, антикварный рынок;
- добровольные помощники – волонтеры;
- учреждения науки, искусства и вузы;
- организации сферы образования;
- политические партии и организации. Религиозные организации. Общественные организации;
- средства массовой информации (СМИ);
- организации сферы туризма;
- музейная аудитория: от постоянных подготовленных посетителей до не посетителей;
- местное сообщество и общество в целом [Зиновьева, 2013, с. 105–106].

Авторы статьи «Музей и его партнеры: взаимодействие с местным сообществом» [Зиновьева, Мацкевич, 2015] в качестве ведущих партнеров музея в контексте культуры участия выделяют местное сообщество и посетителей (туристов).

Полагаем, что в свете высказанных предположений о музейной коммуникации необходимо раскрыть содержание дефиниции «местное сообщество». Ю. Филлипов и В. Гассий со ссылкой на зарубежные источники

предлагают такое определение: «Местное сообщество - группа людей в природной окружающей среде, обладающая географическими политическими и социальными границами и развитым общением друг с другом. Это общение может быть не всегда активным, но оно должно быть явным. Группы взаимодействуют на определенной территории для достижения совместных целей» [Филиппов, Гассий, 2004]. Авторы статьи отмечают отсутствие среди ученых единства в трактовке термина местное сообщество, но, при этом, говорят о признаках местного сообщества, существование которых признается всеми. К таким признакам относятся общность людей, место (территория), социальное взаимодействие и чувство сообщества/ психологическая идентификация с сообществом.

О важности осознания себя сообществом говорит и В.Ю. Дукельский: «Мы постоянно говорим «городское сообщество», «районное сообщество», «локальное сообщество», но в реальности его нет, если оно себя не осознает как таковое и не способно на совместные действия» [Дукельский, Музей в системе коммуникации…, 2010, с. 9].

В качестве ключевого ресурса развития малого города воспринимает местное сообщество А.А. Чернега. Он говорит о том, что в глубинке ввиду ограниченности классических ресурсов туризма креативность местных жителей выступает особо ценным ресурсом. Предпосылки для формирования креативной среды малого города обеспечиваются развитостью межличностных связей и институциональными факторами: наличием значительного числа сообществ и клубов по интересам (общественные организации, театральные объединения, творческие кружки); функционированием институтов молодежной и культурной политики, интеллектуального досуга; и, что немаловажно, высокой степенью социальной открытости формирующих эти институты организаций - музеев, центров молодежного досуга, библиотек, учреждений детского дополнительного образования [Чернега, Трансформация социальной структуры…, 2016, с. 128-129]. Таким образом, чтобы население города стало сообществом, необходим

консолидирующий фактор, на основе которого происходит объединение. Наибольшей объединяющей силой обладает память. Поэтому музей одновременно является участником и процесса образования местного сообщества, и процесса коммуникации с местным сообществом. От того, насколько активно музей реализует функцию трансляции и актуализации культурной памяти, напрямую зависит степень его взаимодействия с местным сообществом.

Следует отметить, что, понимая и принимая важность участия музея в решении насущных социальных задач местного сообщества, исследователи по-разному видят «границы» этого участия. В. Лобанова [Лобанова, 2011] говорит о провинциальном музее как «градообразующем предприятии» и предлагает несколько моделей взаимодействия музея и местного сообщества, объединенных в три категории:

1. Музей как системообразующее предприятие (музей как главный работодатель, музей как точка реализации местных товаров и услуг, музей как эталон жизненных стандартов).

2. Музей и развитие территории (музей как инструмент формирования локальных брендов, музей как площадка для культурных инициатив, музей как творец новых ценностей, музей как инициатор развития территории).

3. Музей как инструмент повышения качества жизни (музей как мериторное благо, музей как средство социальной защиты, музей как клуб).

Советует музею «не обещать невозможного, не изображать из себя главного актора и инициатора перемен» [Дукельский, Чистяков, 2020, с. 9] В.Ю. Дукельский. Ученый отмечает, что сегодня музеи находятся в состоянии поиска, «пробуя на зуб разные формы участия в жизни локального сообщества», а потому баланс в этой ситуации пока не найден. Мы полагаем, что степень участия музея в жизни местного социума детерминирована осознанием «ролевого самоопределения» [Камерон, 1992, с. 259] самого музея.

Об актуальности вопроса взаимодействия музея с местным сообществом свидетельствует грантовая политика в музейной сфере. Наиболее известными грантодателями в этой области являются Благотворительный фонд Владимира Потанина и Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко. Фонд В. Потанина в рамках программы «Музей без границ» проводит конкурс «Музей. Сила места» – это инициатива, направленная на долгосрочную поддержку музея как драйвера социально-экономического развития [Благотворительный фонд В. Потанина]. Конкурс ориентирован на команды, чьи проекты решают актуальные вопросы территорий средствами культуры. В конкурсе «Музей 4.0» той же программы ряд номинаций ориентирован на развитие партнерских связей музея. Номинация «Культура участия» ориентирована на проекты, повышающие открытость музеев и развивающие культуру участия; проекты, которые делают посетителя другом музея, приобщают его к исследованию, интерпретации и презентации наследия, вовлекают в просветительскую и социальную работу. В номинации «Новые вызовы» отмечаются проекты, через которые музей становится активным участником общественной жизни, формирует социокультурную повестку и меняет социальную сферу к лучшему; проекты, которые меняют саму модель работы музея, усиливая ее социальную и креативную составляющие [Фонд Потанина].

Флагманским направлением программы «Культура» Фонда Тимченко является конкурс «Культурная мозаика малых городов и сел», который направлен на повышение активности местных сообществ в городах до 50 тысяч жителей и сельских поселениях через поддержку социокультурных проектов, ориентированных на развитие территории [Благотворительный фонд Тимченко].

Активное взаимодействие музея и местного сообщества положительным образом сказывается на развитии города, однако наладить диалог, зачастую, проблематично. В.Ю. Дукельский описывает такую ситуацию следующим образом: «Если с проектной инициативой выступает музей — локальный социум, как правило, занимает пассивную,

выжидательную позицию и очень медленно втягивается в действие, не им задуманное. Напротив, если активность проявляет группа энтузиастов - общественников, музей очень неохотно идет на сотрудничество» [Дукельский, Музей в системе коммуникаций…, 2010, с. 67]. Из вышесказанного следует, что к взаимодействию друг с другом и музей, и местное население должны быть готовы. Музею необходимо самостоятельно прийти к мысли о важности взаимодействия с местным социумом, а, приняв эту идею и понимая всю ответственность такого решения, стать более открытым. Подготовка местного населения к диалогу с музеем – это также задача музея. Необходимо целенаправленно осуществлять работу с местными жителями, начиная с детского возраста. Дети дошкольного и школьного возраста – это важная подгруппа местного сообщества. В классификации партнеров музея Ю.В. Зиновьевой учреждения сферы образования выделены в отдельную группу. Это логично в контексте образовательно-воспитательной функции музея. Это направление музейной работы, именуемое музейной педагогикой. В контексте нашего исследования работа музея с детьми трактуется как начальный этап процесса формирования местного сообщества. Регулярное посещение музея расширяет кругозор ребенка, помогает гармоничному развитию и формирует доверительное отношение к музею, на основе которого, впоследствии, и выстраиваются партнерские отношения. Именно поэтому занятиям с детьми необходимо уделять особое внимание.

Проблематика взаимодействия музея и города (а подчас и шире, региона) в современных исследованиях особенно широко представлена в социально-экономическом аспекте (Е.Г. Анимица, Н.В. Зубаревич, И.А. Медведева, В.А. Сухих; Т.В. Верещагина, О.В. Мельникова). Ее актуальность обусловлена тенденциями расширения социальных функций музея и «сфер его влияния», а также кризисными явлениями, происходящими внутри города: низкий уровень развития производства, безработица и другие. В этой связи именно культурный потенциал города (историко-культурное наследие в самом широком смысле слова) становится основой для развития территории.

Поэтому второй вариант взаимодействия музея и города можно обозначить следующим образом: музей как фактор развития города, в первую очередь экономического развития с целью повышения качества жизни местного населения. В рамках такого подхода необходимо рассмотреть тему партнерства музея и туристической индустрии и брендинга территории.

Полагаем, что суждение о том, что музей является ресурсом развития города (региона) – это не просто теоретическое предположение, а часть государственной стратегии социально-экономического развития страны. В «Концепции развития музейной деятельности в Российской Федерации на период до 2020 года» обозначено: «Российские музеи всё полнее встраиваются в программы социально-экономического развития регионов и Российской Федерации в целом. Сохраняя наследие, предлагая яркие, нестандартные решения в области культурных практик, музеи способны стать фактором, влияющим на рост доходности территорий, на инвестиционную привлекательность регионов» [Концепция развития музейной деятельности, 2013]. Реализовывать этот «потенциал» музеи должны через развитие туризма: «В ближайшие годы музеи должны стать активными субъектами туристического рынка, успешно взаимодействующими с турфирмами в формировании, продвижении и реализации туристического продукта… Взаимодействие отечественных музеев с туристическим кластером предполагает дальнейшее развитие государственно-частных партнерств, гибкое использование бюджетов всех уровней и внебюджетных средств при создании музейно-туристических комплексов, предоставляющих конкурентоспособный музейный продукт и туристскую инфраструктуру» [Концепция развития музейной деятельности, 2013]. Такая характеристика определяет одно из ключевых направлений деятельности современного музея – музейный маркетинг. Следует отметить, что в «Стратегии развития деятельности музеев в РФ на период до 2030 года», принятой в 2018 году, данные положения отсутствуют [Стратегия развития… до 2030, 2018]

Авторы одного из первых российских учебных пособий, посвященных маркетингу и менеджменту в музейной сфере и вышедших в 2001 году, отмечали [Музеи. Маркетинг, 2001]: «Долгое время «культура» рассматривалась как затратная, с экономической точки зрения, сфера. Доминировала концепция о «самоценности» культуры: ее надо поддерживать и сохранять как некоторую ценность саму по себе. Финансовая основа деятельности организаций культуры формировалась, главным образом, за счет бюджетных средств или устойчивой финансовой поддержки со стороны ведомств – патронов. Традиционно считалось, что менеджмент культурных организаций – нечто принципиально отличное от менеджмента бизнес организаций, а потому, главное, защитить высокую культуру от жестких реальностей рынка, чтобы не допустить снижения «художественного качества» [Музеи. Маркетинг, 2001 с. 28]. Ситуация начала меняться в постперестроечный период, а в современных реалиях она приобрела противоположное значение - «в современном постиндустриальном обществе культура стала стратегическим приоритетом современной экономики развитых стран и превратилась в мощную индустрию культурных услуг» [Карелина, 2012, с. 58].

Рассматривая проблематику организации музейной деятельности в локальной городской среде, мы учитываем, что впервые проблема применения маркетинга в работе организаций культуры была обозначена Филиппом Котлером в 1967 году [Шекова, 2016, с.72]. Он отмечал, что организации культуры, а именно музеи, концертные залы, библиотеки, производят культурные продукты и должны бороться за своего потребителя и привлечение необходимых ресурсов. Следовательно, традиционный маркетинг необходимо адаптировать к специфике организаций культуры. Некоммерческий характер музейного учреждения при этом, по мнению Т.Г. Гребенниковой, не означает запрета на получение прибыли, а лишь накладывает определенные ограничения на ее использование: заработанные средства музей должен направлять на свое развитие [Гребенникова, 2013,

с. 67]. Цели маркетинга в музейной сфере – расширение музейной аудитории (в том числе посетителей, партнеров, спонсоров) и осуществление диалога с потенциальным посетителем, повышение спроса на товары и услуги музея. Основой музейного маркетинга, как и любого другого, является предложенная Э.Д. Маккарти концепция 4Р: продукт – все, что может быть нужно потребителю; место – методы распространения продукта до потребителя; продвижение – система коммуникаций, обеспечивающая взаимодействие с потенциальными покупателями; цена [Минин, 2015].

Следует отметить, что в условиях малого провинциального города достижение продуктивных социокультурных результатов на основе умело применяемого маркетинга возможно лишь за счет развития туризма. А потому в системе музейной работы туризм не побочная, а структурообразующая деятельность [Романчук, 2010, с. 5]. В 2000-е годы в ставшей культурным (а также социальным и экономическим) двуединством музейно-туристической сфере обсуждался вопрос о необходимости налаживания партнерских связей между музеем и турбизнесом [Шпилько, 2007], сегодня эта тема абсолютно не актуальна, а об укорененности связей музея и туриндустрии говорит появление такого вида туризма как музейный туризм, объектом внимания которого является музей и туристическая дестинация, связанная с ним [Романчук, 2010, с. 5].

Опыт наблюдений над деятельностью музеев в малых провинциальных городах позволяет высказать предположение о том, что туризм в современной России, как и в других странах прежде всего европейских, является единственно возможным вариантом решения еще одной музейной задачи – выполнение плана посещаемости учреждения. Эта проблема касается в первую очередь государственных музеев, для которых посещаемость – главный показатель эффективности работы. В Национальном проекте «Культура», разработанном на период до 2024 года и скорректированном в 2020 году до 2030, сказано об увеличении посещаемости учреждений культуры в три раза в сравнении с показателями 2019 года [Национальный

проект, 2018]. В «Стратегии развития туризма в Ярославской области 2017 – 2025» представлены следующие цифры: в 2016 году область посетили более трех миллионов человек, к 2024 году этот показатель должен вырасти до восьми миллионов [Стратегия развития туризма…, 2016]. При этом ключевые ресурсы развития туризма – это история, наследие, традиции, ремесла.

Не отрицая важности развития туризма для провинциальных музеев, нельзя не сказать о возможных отрицательных последствиях этого процесса. В силу ограниченности людских ресурсов в провинциальном музее при нарастании туристического потока может возникнуть угроза снижения качества оказываемых услуг, что негативным образом может сказаться на репутации музея. Наибольшую опасность представляет тенденция, при которой внимание музея переключается с местного жителя на туриста. Такая «отстраненность» от местного населения приводит к тому, что горожане перестают посещать музей, в результате чего теряется связь музея с главной его аудиторией.

Подчеркнем: туризм для провинциального музея – средство решения насущных задач. Определяя значение туризма для города, сошлемся на О.Г. Севан, которая отмечает, что положительное значение туризма очевидно, прежде всего, той экономической выгодой, которую могут получить города и их жители от инвестиций предприятий, аренды зданий, сдачи частных домов внаем, от продажи предметов ремесел и промыслов; очевидно также улучшение качества жизни жителей за счет реставрации или реконструкции жилого фонда, улучшения инфраструктуры поселений и территорий [Севан, 2005, с. 28]. Также автор видит положительное влияние туризма для социальной сферы, которое заключается в решении проблемы занятости населения через создание новых рабочих мест, а также в приобщении местных жителей к ценностям международной культуры.

Понимая пользу названной деятельности для осуществления перспектив развития туризма, представители администрации и управления культурой не в каждом городе может «включиться» в этот процесс. Исследователи объясняют

такое положение рядом причин. При этом отсутствие объектов культурного наследия в городе причиной «не развития» туризма не является. С.П. Шпилько отмечает: «Музей и вообще объект культурного показа для туриндустрии важен, но можно ли без него обойтись? Легко! Ничего нет? Чистое поле? Не страшно! При сегодняшних технологиях и в этих условиях совершенно спокойно можно сделать объект, который будет привлекать туристов» [Шпилько, 2007, с. 9]. Более существенным фактором, замедляющим процесс развития туризма, является маломощная инфраструктура города (отсутствие гостиниц, объектов общепита, досуга, неподготовленность самого населения к работе в этой сфере культуры, отсутствие квалифицированных кадров, слабая информированность о наличии наследия или культурных программ) [Севан, 2005, с. 29]. Важнейшим обстоятельством, влияющим на относительно низкий темп развития туризма в малых городах, по мнению Ю.Ю. Щеголькова и П.В. Метелкиной, является их недостаточное или некачественное продвижение [Щегольков, Метелкина, Развитие туризма…, 2017, с. 88]. Авторы статьи объясняют этот факт отсутствием в малых городах структурных подразделений, занимающихся развитием туризма, и малой вовлеченностью предпринимателей в туристическую сферу. Тема продвижения, рекламы тесным образом связана с вопросом ассоциативного восприятия территории, ее «узнаваемости». Это, в свою очередь, определяет проблематику формирования узнаваемого образа города – бренда.

М.А. Беляева, изучая проблему брендирования территорий на примере городов Свердловской области, говорит о том, что проблематика брендов и брендирования как процесса создания и продвижения запоминающегося образа товаров и услуг в последние годы оказалась популярной, и это не мимолетная мода, а объективный тренд развития общества потребления. «Обладать брендом – значит обладать чем-то уникальным, желанным и незаменимым для потребителя» [Беляева, 2019, с. 375]. Т.А. Ладыгина связывает актуальность распространения брендов с развитием массовой культуры и изобилием товаров и услуг, выбор которых зависит не только от

их утилитарных характеристик, но и эмоционального воздействия на потребителя [Ладыгина, 2018, с. 156]. В отношении бренда территории категория эмоционального воздействия является доминирующей.

Следует обратить внимание на то, как в современных научных и социально-экономических публикациях рассматривается бренд территории. Напомним: впервые термин «брендинг мест» был предложен ведущими мировыми специалистами в области национального брендинга С. Анхольтом и Д. Хильдретом. Исследователи трактуют термин бренд как «доброе имя чего-либо, предлагаемого публике» и применяют данный термин в отношении целого государства – бренд Америка [Анхольт, 2010, с. 14]. Компонентами, формирующими и продвигающими бренд страны, согласно концепции С. Анхольта и Д. Хильдрета, являются туризм, торговые марки экспорта, внешняя и внутренняя политика, инвестиции и иммиграционное законодательство, культура и традиции, народ. Вместе они формируют шестигранник национального бренда.

Отечественные исследователи трактуют бренд территории в основном в контексте коммерческой привлекательности территории для инвесторов и для покупателей. И.В. Логунцова понимает под брендом сложный комплекс уникальных свойств конкретной территории, сформированных стихийно или же целенаправленно, которые выделяют ее среди других подобных территорий, привлекают дополнительные ресурсы и определяют конкурентные позиции данной территории [Цит. по: Ладыгина, 2018, с. 156]. Авторы статьи «Региональный брендинг как инструмент развития региона» [Якубова, 2014] говорят об узком и широком трактовании понятия брендинг территории. В первом случае брендинг территории – это стремление подороже «продать» реальные товары территории, а также провести активную рекламную кампанию сильных сторон своей территории как места, удобного, привлекательного для жизни и предпринимательства; во втором – формирование территории как пространства для обитания, территории как

места, где делаются покупки, территории как исторического и культурного центра [Якубова, 2014, с. 485 - 486].

Теоретическая концепция брендинга территории с экономической точки зрения представлена в работах Т.В. Мещерякова [Мещеряков]. Автор определяет бренд территории как сложную психо-социальную конструкцию, включающую логотип (физическое или символическое выражение бренда), а также его нематериальные атрибуты и имидж территории, ее ценности, ассоциации потребителей, связанные с ней, их эмоции, общее видение направлений использования территориального потенциала, культуру и историческое наследие, имидж власти и другое [Мещеряков, Бренд как…, 2011, с. 149]. Ученый вводит понятие «объекта брендинга», то есть потребителя, которым являются потенциальные инвесторы, туристы, федеральные власти и чиновники, и, самое важное, местные жители.

Кроме этого Т.В. Мещеряков говорит о существовании жизненного цикла бренда территории, в ходе которого бренд трансформируется в различные виды капитала. Первая ступень – внедрение бренда на рынок. Здесь происходит формирование бренда как символического капитала. Для этой стадии характерно создание бренда как символа (логотипа) и поиск соответствующего послания потребителям для адекватной трактовки символа [Мещеряков Бренд как…, 2011, с. 152]. За счет взаимодействия бренда с культурой территории, историческим наследием формируется культурный капитал бренда - вторая ступень. Бренд как социальный капитал определяется доверием к нему со стороны потребителей и знаменует переход на третью ступень развития. На базе социального капитала формируется коммуникативный капитал бренда, поскольку эффективные коммуникации возможны только при условии доверия между партнерами. Это четвертая ступень развития бренда, где можно говорить о его зрелости. Пятая ступень – бренд как экономический капитал. Для нас наиболее важным представляется первый этап – формирование бренда как символа территории.

В контексте маркетинговой деятельности местной среды определяет понятие бренда города Д.В. Визгалов: «…бренд города – это нечто находящееся «посередине» между видением города изнутри и восприятием города извне. Эти два образа города активно влияют друг на друга, меняют друг друга и определяют бренд. Видение города изнутри – это не что иное, как городская идентичность. А восприятие города извне – имидж города» [Визгалов, 2011, с. 37]. Далее автор раскрывает содержание данных дефиниций. В определении понятия имидж города ученый придерживается трактовки, предложенной Ф. Котлером: «Имидж места – это упрощенное обобщение большого числа ассоциаций и кусков информации, связанной с данным местом. Он является продуктом ума, пытающегося обработать и выбрать существенную информацию…» [Цит. по: Визгалов, 2011, с. 37]. При этом имидж складывается на основе информации из трех источников: одного «объективного» (характеристика, отражающая объективную действительность) и двух «субъективных» (личный опыт и чужие мнения). Идентичность города, по мнению Д.В. Визгалова, – это то, как горожане понимают и воспринимают свой город и идентифицируют себя с ним, то есть, фактически, это местное самосознание, на формирование которого оказывают влияние несколько факторов: стабильные факторы (местоположение, климат, история), изменчивые факторы (внешний облик, людность города, благосостояние жителей) и символические факторы (городская символика, культурные коды поведения жителей, характер коммуникаций внутри сообщества и другие) [Визгалов, 2011, с. 39]. Таким образом, городская идентичность выступает базой для формирования бренда города, а имидж города – это желаемый результат формирования бренда. «Бренд повествует о городе через слаженную систему ярких и позитивных символов, сигналов, идей, ассоциаций, которые лучшим образом передают смысл, красоту, конкурентные преимущества и уникальность города, благодаря чему он становится знаменит и любим» [Визгалов, 2011, с. 41].

Бренд как способ расширения концептуальных представлений об имидже города определяет Т.В. Мещеряков [Мещеряков, Бренд, в котором…, 2008, с. 61]. При этом в бренде важна не только его идентичность (ценности, ассоциации, индивидуальности, преимущества), но и его атрибут – визуальная составляющая, выраженная в символе (логотипе). Ученый отмечает, что территория только тогда может стать настоящим брендом, если имеет свой символ, который известен большинству потенциальных потребителей [Мещеряков, Бренд как…, 2011, с. 151].

Изучение актуальных культурных практик позволяет предположить, что в малом провинциальном городе потенциальным ресурсом для формирования бренда могут быть любые объекты, явления, события. В основе бренда Урюпинска «Урюпинск – столица русской провинции» находится анекдот советского времени, в котором город выступает в роли глухой провинции, дыры; новый бренд Белева – белевская пастила; бренд Добрянки – «Столица доброты» выстроен на созвучии слов добро – Добрянка. В городе существует «Народный музей добра», развивающийся в контексте городского бренда. Музей или отдельные его объекты (музейные предметы, архитектурные памятники) в качестве бренда чаще всего утверждаются в малых исторических городах. Бренд на основе визуального символа, с которым ассоциируется город, складывается, как правило, естественным путем в процесс развития. Так, для Ростова Великого таким символом является Ростовский Кремль, для Углича – церковь Димитрия «на крови», для Александрова – Александровская слобода.

Воспринимая музей или какую-либо его составляющую в качестве символа бренда города, необходимо разграничивать собственно брендинг места (музей как бренд города, что бывает достаточно редко) и музейный брендинг (бренд музея, что бывает не просто часто, а постоянно). Проблематика музейного брендинга в отечественной науке находится на начальной стадии исследования. Как правило, бренд музея ассоциируется с товарной маркой или фирменным стилем. Е.С. Соболева и М.З. Эпштейн для

характеристики музейного товарного бренда предлагают понятие «символоноситель», в качестве которого в музее может выступать любой предмет или действие: предмет коллекции, историческое событие, программа, цвет и другие. Более важным является бренд музея как организации. Исходным пунктом при создании бренда является миссия музея в окружающем ее контексте [Соболева, Эпштейн, 2015, с. 94]. Этот вопрос еще предстоит детально изучить.

В первых двух вариантах взаимоотношений между музеем и городом, воплощалась идея «музей в городе». Не менее важной является идея «город в музее» – это третий вектор развития этих объектов.

Концепция «город в музее» предполагает обращение к проблеме репрезентации городского материала в музее. Можно говорить об образе города, который формируется через музей. Проблематика создания образа города является сегодня весьма актуальной. Предметом научного исследования является архитектурно-предметный образ города (А.П. Старшова), литературно-художественный образ (М.В. Александрова, Т.И. Ерохина, Е.С. Карпова), образ города в сознании местных жителей (Ю.Р. Горелова и И.В. Межевикин). Образ города, формируемый в музее, особенно значим, поскольку он создается на основе «первоисточника» - музейного предмета.

Мы учитываем такое естественное для музейных практик явление, как то, что ключевой конструкцией в процессе музейной репрезентации является экспозиция. Э.А. Шулепова отмечает, что само становление музея как института общественной памяти было связано с открытием собранных коллекций для общества, их экспонированием [Основы музееведения, 2005, с. 257]. Термин экспозиция происходит от латинского expositio – выставление на показ, изложение. То есть экспозиция – это часть собрания музея, выставленная для обозрения. Экспозиция – целостная предметно-пространственная система, в которой музейные предметы (экспонаты) и

вспомогательные материалы объединены общей идеей – концепцией (художественной и научной).

Н.А. Никишин [Никишин, 1997, с. 24] говорит о существовании особого «музейного языка»: «словарь» этого языка – это музейные фонды, «термины» - музейные предметы. Экспозиция является текстом, создаваемым на основе такого языка.

В музейной экспозиции, отмечает Л.М. Шляхтина [Шляхтина, Основы музейного дела, 2009, с. 112], выявляется внутренняя (*функциональная – прим.О.В.)* и символическая, часто знаковая, сущность вещей. При этом экспозиция представляет собой текст особого характера, в котором через музейные «предметы-знаки-буквы» передаются суждения, идеи, мысли, чувства как давно живущих людей, так и авторов экспозиции.

Одним из немногих ученых, обратившихся к проблеме формирования непосредственно образа города музейными средствами, является Т.П. Поляков. Музеевед рассматривает вопрос интерпретации темы «Город» в музее на основе концепции города Н.П. Анциферова. Основным принципом, по которому строятся экспозиции подавляющего большинства музеев города, Т.П. Поляков называет принцип презентации «физиологических нюансов городской среды» [Поляков, Город в музее…, 2013]. Иными словами, в экспозиции показано, как жили, что ели, во что одевались горожане. Такой подход, по мнению ученого, не отражает «души города». Поэтому автор предлагает трактовать и соответственно выстраивать музейную экспозицию как специфическое произведение искусства, в котором музейный предмет трансформируется в философско-поэтический символ, а история города подключается к сфере духовного.

Экспозицию в качестве инструментария создания образа города определяет И.А. Гринько [Гринько, 2016]. Автор отмечает, что «в экспозиции связный исторический нарратив, который можно использовать для формирования городского сообщества, не создается… В краеведческом музее на суд зрителя представляется стандартная экспозиция, состоящая из

классических разделов природы, археологии, этнографии…локальная специфика в этой схеме почти полностью исчезает» [Гринько, 2016, с. 22]. Нам представляется, что эта тенденция в большей степени присуща музеям региональным, которые рассказывают о большой территории области и не имеют возможности уделить внимания локальным аспектам. В экспозициях музеев малых городов находят отражение те события, которые признаются значимыми местным сообществом, они разнородны в каждом городе. В этой связи, необходимо выделить наиболее ценные и репрезентативные аспекты жизни города, которые, будучи представленными в экспозиции, формировали его целостный образ.

Самым ярким способом музейного брендирования города И.А. Гринько считает музейную архитектуру, но относит к этой категории лишь специально созданные музейные здания – новое здание выставочного центра «Гараж» в Москве и здание Ельцин-центра в Екатеринбурге. Соглашаясь с тезисом исследователя, отметим, что в малом городе «музейные здания не являются специально построенными объектами, это музеефицированные и приспособленные под казенное хранилище памятники истории и культуры» [Сиротина, 2016, с. 76].

Подводя итог, необходимо отметить, что партнерство музея и города является неоспоримым фактом. Каким бы ни был музей, он находится в городском пространстве, следовательно, является частью этой системы. Взаимодействие музея и города может проявляться в разных областях – туризме, социокультурной и музейной сферах. Цели, интенсивность и глубина взаимодействия музея и города являются факторами, определяющими своеобразие музейных практик, которые, в свою очередь, становятся основой для развития новых взаимоотношений.

В процессе генезиса и исторического развития провинциальный музей прошел несколько этапов:

- «местный музей» (вторая половина – конец XIX века – 1920е годы);
- «краеведческий музей» (1930 – 1950-е годы);

- «музей-заповедник / музей комплексного профиля» (например, историко-архитектурный и художественный) (1960-1980-е годы);
- «провинциальный музей» (с начала 2000-х годов)

Смена моделей музея отражала исторические процессы, происходившие в государстве, и политику государства в области культуры и музейного дела. На каждом этапе музей приобретал новые черты и функции. Общими для всех этапов можно назвать такую черту как «территориальная принадлежность» и исследовательская функция. Для «местного музея» ключевое значение имела просветительская функция, а также активная исследовательская краеведческая работа. Отличительной чертой модели «краеведческого музея» являлась жесткая регламентированность деятельности и унификация структуры, главной функцией такого музея была функция идеологической пропаганды. Для модели «музей-заповедник» характерно осознание уникальности, ценности территории, на основе чего развивается туристическая сфера, а также активизация культурно-просветительской работы с местным сообществом. В фокусе практик модели «Провинциальный музей» сегодня находится идентичность, на ее основе осуществляется самоопределение местных жителей, формируются брэнды. Меняется формат культурно-просветительской работы: предпочтительными являются программы с «соучастием».

Следует отметить, что единства в процессе трансформации моделей у провинциальных музеев не наблюдается. Во многом это зависит от среды, в которой они находятся.

Глава 3. Особенности музейных практик малого провинциального города Углича

Третья глава диссертационного исследования посвящена анализу музейных практик Углича. Музейная сеть города, трактуемая нами как исторически сложившаяся совокупность музеев конкретной территории (конкретного малого города) [Словарь актуальных…, 2009, с. 56]), представлена двумя категориями музеев: государственные (Угличский историко-архитектурный и художественный музей – Угличский музей) и негосударственные (Музей истории Углича, Музей необычных велосипедов «Самокат», Музей часов «Чайка», учебно-производственного информационного центра - Музей гидроэнергетики, Музей авангардного и наивного искусства «Авангард. Углич», Музей истории русской водки, Музей городского быта XIX века, Музей кожевенного ремесла, Дом-музей «Легенды Углича», Музей мифов и суеверий русского народа, Музей-галерея кукол, Музей тюремного искусства «Запретная зона», Музей игральных карт, Дом-музей В.И. Калашникова, Музей народной игрушки и традиционного искусства). В качестве контекста при выявлении специфики практик государственного и негосударственных музеев Углича буду рассмотрены практики аналогичных учреждений в Ростове и Переславле.

Ввиду разнородности негосударственных музеев Углича нами будет разработана классификация данных учреждений на основе признака «соответствия» модели «Город в музее», отражающего связь музея с культурно-историческим текстом города.

Определять специфику музейных практик мы будем путем встраивания в логику исследования характеристик провинциального музея и аспектов взаимодействия его с городом.

Из всех малых городов Ярославского региона признаки сходства прослеживаются у Углича, Ростова и Переславля. Эти города относятся к категории древних русских городов, то есть имеют примерно один возраст

(Углич основан в 937 году, Ростов в 862 году, Переславль в 1152 году). У них сходная историческая судьба: все три города были центрами княжеств, затем уездов и районов. Музейные сети этих городов очень похожи – один государственный музей и значительное число негосударственных (частных) музеев. Схожесть культурно-исторического контекста развития Углича, Ростова и Переславля, дает основание для предположения о схожести специфики музейных практик.

3.1. Музейные практики Угличского историко-архитектурного и художественного музея в культурной среде Ярославского региона

История появления и развития Угличского историко-архитектурного и художественного музея соответствует общим тенденциям становления провинциального музея в России. Угличский музей был открыт по инициативе купечества 3(16) июня 1892 года и получил название Музея древностей [Колганова, 1993, с. 7.] Он разместился во втором этаже Палаты дворца угличских удельных князей. Открытию музея предшествовали масштабные реставрационные работы в Палатах, производимые на пожертвования угличан и жителей Ярославской губернии. О.Б. Полякова, ученый секретарь Угличского музея, отмечает, что понимание современниками процесса создания музея было двойственным: для просвещенных граждан это было, прежде всего, стремление сохранить исторический и архитектурный памятник, для большинства же горожан – возрождение святыни, связанной с царевичем Димитрием [Полякова, 2013, с. 138]. В 1894 году был принят устав музея, согласно которому музей находился в ведении Московского археологического общества, куда предоставлял отчеты и описания коллекций, но при этом являлся достоянием города [Мухин, 1915, с. 24]. Главной целью Московского археологического общества было сохранение памятников истории, их реставрация и археологические

исследования [Комарова, 2021], поэтому экспозиционной работе должного внимания не уделялось. Учитывая тот факт, что единственным штатным сотрудником музея был сторож, главной задачей музея этого периода было именно сохранение предметов. Первая «экспозиция» музея представляла из себя склад предметов, расположенных в произвольном порядке. Это были образцы лицевого шитья, погребальные дроги М.И. Кутузова, ссыльный колокол, евангелия и другие. Главное достоинство такой экспозиции заключалось в подлинности всех экспонатов.

В 1919 году Угличский музей древностей в соответствии с декретом «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины» был передан в ведение Угличского отдела народного образования [УФ ГАЯО Р-94, О.1. Д 37, Л. 1-2]. Это свидетельствовало о том, что музейная сфера стала осмысляться как часть государственной политики, что подтверждалось организацией в Москве в августе-сентябре того же года курсов по музееведению [Воробьёва, Экспозиции Угличского музея.., 2019, с. 250]. Участником этих курсов был заведующим Угличским музеем А.К. Гусев-Муравьевский. Этот опыт значительно повлиял на работу Угличского музея. В 1920 году Гусев-Муравьевский представил «План переорганизации музея», в котором все музейные предметы предлагал разделить на 11 отделов: художественный, предметы церковного обихода, вооружение, предметы домашнего обихода, мебель, одежда, рукописи и книги, музыкальные инструменты, археология и местный отдел [Воробьёва, Экспозиции…, 2019, с. 251]. Экспозиционные площади при этом оставались прежними, а именно 2 этажа и подвал Палаты дворца угличских удельных князей. Экспозиции несколько поменялись: предметы стали представляться по отделам. Частично проблему нехватки экспозиционных площадей в этот период решали за счет передачи музею ряда церквей: Воскресенского собора, Смоленской церкви, церкви Димитрия «на крови», Спасо-Преображенского собора, но положительных изменений в экспозиционной работе в этой связи, к сожалению, не последовало.

В декабре 1930 года на 1 Всероссийском музейном съезде Нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов в обращении к делегатам говорил о необходимости поставить музеи на службу социалистическому строительству, превратить их в "инструмент культурной революции" [Закс, 2018]: «Экспозиция - специфический язык музея - должна способствовать усвоению диалектико-материалистической точки зрения на ту отрасль действительности, которая в данном музее представлена. Особенно важным для исторических музеев представлялось требование членения экспозиции по социально-экономическим формациям. Выявить существенные черты каждой формации, дать представление об основных категориях исторического материализма, не только отражать исторические явления, но и подводить посетителя к их классовой оценке, мобилизовать волю трудящихся масс к действию, к борьбе за построение социалистического общества - такова задача современной музейной экспозиции» [Закс, 2018]. В соответствии с этими формулировками началась кардинальная перестройка работы всех музеев страны. Угличский музей был переименован в районный Краеведческий музей с реорганизацией ранее существующих отделов в три основные: отдел природы и производительных сил, истории развития общественно-экономический формаций и социалистического строительства [УФ ГАЯО Р-94. О.2. Д.1, Л.3.]. Особенностью экспозиций этого периода была ярко выраженная идеологическая составляющая, что проявилось, например, в использовании в экспозициях цитат из трудов Маркса, Энгельса, Ленина; изобилие вспомогательных материалов (схемы, таблицы, макеты); отражение реалий современной жизни (портреты передовиков производства, муляжи продукции заводов и фабрик, станки с различных предприятий). К 1934 году экспозиции Краеведческого музея были размещены следующим образом: отдел природы, социалистического строительства и антирелигиозный – в церкви Димитрия «на крови»; исторический отдел – на 2-м этаже Палат; оружие и купеческий портрет – 1-й этаж Палат [Колганова, 1993, с. 15] При этом в архивных документах в комментариях к отделам читаем «оборудован

слабо», «в стадии развития», «совершенно отсутствует» [УФ ГАЯО Р-94. О.2. Д.1, Л.3], то есть решение о создании экспозиции было принято в соответствии с постановлением, но на практике, из-за отсутствия экспонатуры, экспозиций создано не было.

Во время Великой отечественной войны и первые послевоенные годы экспозиции музея не менялись. Главной задачей музея в условиях этого периода было сохранение музейных фондов.

По данным архивных материалов к концу 1950-х годов в Угличском музее существовали три экспозиции. Первая – «Угличский край в X – XVвв.» на 2-м этаже Палаты, где были представлены археологические находки, относящиеся к этому периоду, копии вооружения монголо-татар, образцы изделий местных ремесленников [УФ ГАЯО Р-94. О.3. Д.6 , Л. 39 - 46] Вторая экспозиция – «Углич в XVI – нач. XVII вв.» – в церкви царевича Димитрия «на крови». Здесь экспонировались гравюры с изображением правителей, предметы, связанные с историей гибели царевича, оружие. Третья экспозиция, размещенная на 1-м этаже Палат, называлась «Углич XVII – первой пол. XVIII вв.», в ее состав входили купеческие портреты, вооружение Угличской крепости, вещи церковного обихода и другое. Из-за нехватки экспонатов для создания полноценных экспозиций, были открыты постоянно действующие выставки: «Социалистическое хозяйство и культура» и «Архитектурные памятники Угличского края» [Колганова, 1993, с. 18].

В 1959 году на волне создания сети художественных музеев в стране Краеведческий музей был реорганизован в историко-художественный, в связи с чем начались работы по созданию экспозиции, содержащей в основном художественные произведения или произведения, обладавшие художественной ценностью. Эта экспозиция была открыта в 1963 году, включала 360 предметов древнерусского искусства, декоративно-прикладного и народного искусства, портреты И.В. Тарханова [Колганова, с. 19]. В 1970-1980-е годы в музее были созданы еще несколько экспозиций: экспозиция Советского времени (1967 год), Картинная галерея (1970), отдел

Древнерусского искусства и Русского искусства XVIII – XX веков (1985). В связи с распадом Советского Союза и формированием новых органов власти с 1991 до 2004 года Угличский музей несколько раз менял «подведомственность». Он подчинялся Комитету по делам культуры и искусства Администрации Ярославской области, Департаменту культуры и искусства Правительства Ярославской области, Департаменту культуры, искусства и исторического наследия Правительства Ярославской области, Департаменту культуры и туризма Администрации Ярославской области. Кроме того до начала 2000-х годов Угличский музей имел двойное подчинение, помимо областных органов власти он находился в ведении Управления культуры Угличского муниципального района. По данным архивных материалов в 1995 году на балансе Угличского историко-художественного музея помимо объектов, расположенных на территории Кремля и являющихся экспозиционными площадями и фондохранилищами, а именно церкви царевича Димитрия «на крови», Спасо-Преображенского собора с колокольней, Палаты угличских удельных князей, Богоявленского собора, здания городской думы, находились объекты в городе: церкви Алексеевская, Успенская, Усекновения главы Иоанна Предтечи, часовня «Святых ворот» Алексеевского монастыря; ансамбль Воскресенского монастыря; Федоровская, Смоленская церкви, Богоявленский собор Богоявленского монастыря; церковь Рождества Иоанна Предтечи на Волге, церковь Флора и Лавра, Казанская церковь, Троицкая церковь на Дивной горе; дом Ожгихиных, Калашниковых, Меховых-Ворониных [УФ ГАЯО Р-94, О.5, Д. 203а, Л. 5]. Городские объекты сдавались музеем в аренду или пустовали. В начале 2000-х годов основная часть культовых объектов была возвращена Русской Православной Церкви, а памятники жилой застройки перешли на баланс города, в результате чего границы комплекса Угличского музея стали ограничиваться Кремлем.

Современный этап жизни для Угличского музея начинается с 2004 года. В соответствии с Постановлением Администрации Ярославской области от 21

декабря 2004 года № 217 государственное учреждение культуры «Угличский историко-художественный музей» был переименован в государственное учреждение культуры Ярославской области «Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей» [Постановление Администрации Ярославской области…, 2004]. Такое преобразование было обусловлено музеефикацией всех архитектурных памятников на территории Кремля. До этого времени здание Городской думы не являлось музейным объектом, здесь размещалась вечерняя школа. Включение в название музея прилагательного «архитектурный» означало, что сами памятники стали «музейными предметами». Однако в силу формальных и не всегда известных причин в процессе музеефикации статус музея-заповедника Угличский музей не получил.

Сегодня Угличский историко-архитектурный и художественный музей является музеем комплексного профиля, он расположен на территории Угличского кремля. Поскольку Кремль являлся ядром, структурообразующим элементом древнего русского города, в процессе музеефикации территорий кремлей решался не только вопрос сохранения архитектурного наследия городов, но и воплощалась концепция места памяти. Помимо Углича музеем в малых городах стали Зарайский кремль (Московская область), Верхотурский кремль (Свердловская область).

Ансамбль Угличского Кремля и, соответственно, комплекс Угличского музея составляют сегодня пять архитектурных объектов – памятников истории и культуры, относящихся к различным культурно-историческим периодам. Наиболее древним архитектурным памятником Угличского музея является Палата дворца угличских удельных князей, время ее создания – 80-е годы XV века. Палата является единственным сохранившимся, хотя и в значительно перестроенном виде, памятником эпохи княжения в Угличе Андрея Большого. Этот период определяется исследователями как «золотой век» города.

Культурно-историческим символом ключевого события истории Углича – гибели царевича Димитрия, является церковь, освященная в честь этого святого, но построенная в Кремле через сто лет.

Спасо-Преображенский собор Угличского Кремля архитектурной стилистикой отражает эпоху петровских преобразований, кроме того, есть предположение, что разрешение на строительство этого собора выдал лично Петр I. Возможно по этой причине, в росписях собора преобладают сцены с тезоименным святым императора – апостолом Петром.

События XIX века нашли отражение в возведении на территории Кремля Богоявленского собора, он строился в память о победе русских войск в Отечественной войне 1812 года, а также здания Городской думы, которое, ввиду разработки новой регулярной планировки города, должно было стать важной доминантой городской площади.

В каждом из обозначенных объектов развернуты музейные экспозиции исторического или художественного характера. Наиболее репрезентативными, на наш взгляд, являются исторические экспозиции, что обусловлено контекстом развития самого Углича. Поэтому анализ музейных практик следует начинать именно с исторических экспозиций.

Как отмечалось во введении, под музейными практиками в рамках исследования понимается экспозиционно-выставочная, образовательная деятельность музеев, а также практики взаимодействия с аудиторией. Данные практики будут проанализированы нами на предмет соответствия характеристикам провинциального музея, и с целью выявления интенсивности и аспектов взаимодействия музея и города.

Экспозиционная работа музея, на наш взгляд, определяет все остальные его практики. Чем насыщенней смыслами и интересней будет экспозиция, тем активней будет осуществляться коммуникация, расшириться аудитория, более ярким будет образ города.

Поскольку экспозиция выступает информационной системой, раскрывающей культурно-историческое своеобразие, уникальность,

значимость конкретной территории, здесь реализуются и идентификационная функция, и презентативная функция музея. В этой связи очень важен вопрос выбора наиболее «представительных» тем и экспонатов. При этом следует понимать, что процесс создания экспозиций обусловлен наличием соответствующих предметов в фондах, а также особенностями того архитектурного памятника, в котором находится экспозиция. Эти тенденции в полной мере характерны для экспозиций Угличского музея.

Как отмечалось ранее, в первую очередь мы обратимся к историческим экспозициям. Они представлены в Палате угличских удельных князей и церкви царевича Димитрия. В Палате угличских удельных князей для экспозиционной работы предназначены два этажа. В начале 2000-х годов здесь размещались следующие экспозиции: в верхнем этаже – предметы народного искусства, ремесла и быта (прялки, пряничные доски, женское рукоделие, изразцы), в нижнем этаже – отдел истории XVII – XVIII веков. В «Годовом плане работы музея на 2000 год» в разделе экспозиционная работа значится «разработка научной концепции экспозиции «Царевич Димитрий. Иконы и реликвии», которая должна разместиться в верхнем этаже Палаты угличских князей [УФ ГАЯО Р-94, О.5, Д.238, Л.2]. Создание этой экспозиции продолжалось, судя по документам, в 2001-2002 годах. Открыта экспозиция была в 2003 и существовала, согласно Топографическим описям, до 2007 года. Представление о том, как выглядела экспозиции, дают нам также Топографические описи [Архив УМ О.10, Д.192; О.11, Д227, Д.228], согласно которым здесь были представлены парсуны, иконы, пелены с изображением царевича Димитрия и князя Романа, орден царевича Димитрия, изображение Ивана Грозного и другие предметы.

В 2007 году на верхнем этаже Палаты появилась новая экспозиция - «Сокровища древнего Углича», иногда именуемая «Церковные древности». Уже из названия можно понять, что составляло ее основу. Это были предметы церковной старины, созданные в XV – XIX веках: нагрудные иконы, кадила, евхаристические сосуды, оклады к богослужебным книгам и иконы, а также

предметы лицевого и орнаментального художественного шитья, деревянная скульптура. В 2009 году был выпущен каталог этой экспозиции с одноименным названием [Сокровища Древнего Углича, 2009]. На нижнем этаже по-прежнему располагался отдел «Истории Углича XVII-XVIII веков». Экспозиция начиналась с истории о строительстве Свияжска и взятии Казани, продолжалась повествованием о возрождении Углича после разорения польско-литовскими интервентами в 1611 году. Здесь были выставлены хромолитографии с изображениями угличских церквей, картины угличского художника И.Н. Потехина на тему строительства новой кремлевской стены, предметы одежды. Кроме того в этой экспозиции нашли отражение реформы Петра. Здесь экспонировались цеховые знаки, герб Угличской провинции, меры для продажи сыпучих и жидких продуктов, женская обувь и одежда. Небольшая выставка «Память древних стен», состоящая из археологических находок, рассказывала об истории самого памятника – Палаты угличских удельных князей.

В 2017 году экспозиция в верхнем этаже была полностью переделана, ввиду истечения допустимого срока экспонирования предметов и стремления привлечь внимание посетителей через презентацию нового музейного продукта. Новая экспозиция называлась «Углич в истории Государства Российского» и описывала жизнь города в период правления династии Романовых. Экспозиция была выстроена по хронологическому принципу - от Михаила Федоровича до Николая II и в большей степени отражала историю всего государства, «местного компонента» здесь было недостаточно. Она существовала до 2020 года, и, фактически, экспозиции в верхнем и нижнем этажах Палат на протяжении этих трех лет дублировали друг друга.

В 2020 году в верхнем этаже была открыта новая экспозиция – «История Углича от основания до Смуты». Впервые за долгое время (более чем 20 лет) музейные сотрудники обратились к периоду истории Углича до царевича Димитрия. Создание новой экспозиции было обусловлено, в первую очередь, появлением в фондах музея соответствующей экспонатуры – предметов

археологии, полученных в результате многолетних раскопок на территории Кремля. Кроме того, на основе данных археологических исследований были созданы два макета Угличского кремля, позволяющие посетителям сформировать визуальный образ Кремля в разные исторические периоды. В этой экспозиции нашли отражение события, связанные с монголо-татарским нашествие, в первую очередь, с битвой на реке Сить. Без экспонатуры, лишь на вспомогательном материале, рассказывается история междоусобной войны Василия II с Дмитрием Шемякой и его братьями. Уделено внимание персоне Андрея Большого и периоду его правления, считавшегося «Золотым веком» Углича. Как пролог Смутного времени выступает в экспозиции история гибели царевича Димитрия, далее описаны события, связанные с самозванцами и разорением Углича.

После перестройки экспозиции в верхнем этаже Палаты угличских удельных князей более логичной для восприятия стала экспозиция, расположенная в нижнем этаже – «История Углича XVII – XVIII веков». Фактически эти экспозиции раскрывают культурно-исторические особенности развития Углича X – XVIII веков.

Наиболее известным памятником Угличского кремля и наиболее посещаемой экспозицией Угличского музея является церковь царевича Димитрия «на крови» (мемориально-выставочный комплекс «Святыни и реликвии угличской трагедии XVI века»). Несмотря на то, что церковь была построена спустя сто лет после гибели царевича и непосредственного отношения к этому историческому факту не имеет, именно этот памятник в массовом сознании как местных жителей, так и туристов воспринимается главным символом данного события и города. В этом смысле церковь воплощает в себе идею «места памяти» - «память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте» [Франция-память, 1999, с. 20]. Для Углича церковь Димитрия «на крови» является брендом, узнаваемым за пределами города. Для местного сообщества наибольшее значение имеет фигура царевича. Следует сказать, что в Угличе сложился определенный образ

Димитрия – образ «невинно убиенного отрока», который транслируется в том числе и в музейном пространстве. А.В. Святославский отмечает, что «в России традиционно больший акцент делается не на коммеморацию события, эпохи, явления, но на коммеморацию конкретной личности, иногда даже в целях ее «сакрализации» - путем определенной ретуши, исходя из ценностных установок культуры, порождающий мемориальный образ» [Святославский, 2013, с. 98]. Эта идея в Угличе получила воплощение в виде учреждения праздника – Дня памяти царевича Димитрия, который впервые отмечался 27 – 28 мая 1997 года, а затем перерос в детскую благотворительную творческо-просветительскую декаду «Благостина», проходящую под девизом: «Миру детства любовь и милосердие!». По решению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II был учрежден орден Святого благоверного царевича Димитрия. Целью программы «Благостина» является православное просвещение, знакомство с народными традициями, фольклором народов России. «Благостина» стала основой для разработки концепции проекта «Углич – город детства и семьи», в рамках которого предполагалось создать Центр исторической реконструкции, творческую студию «Семейное кино», Центр развития детского и юношеского туризма, Школу юных моряков; разработать учебные пособия: в начальной школе – серия занятий «Первые прогулки по Угличу» с использованием специальных рабочих тетрадей; в средней школе – годовой курс «Истоки. История и культура Угличского края» [Проекты в рамках концепции…, 2015]. Основываясь на том, что никаких данных, касающихся реализации этих практик, в открытом доступе нет, вероятно, в жизнь они претворены не были.

Ключевыми объектами показа в церкви царевича Димитрия «на крови» являются росписи (в первую очередь сюжет об убиении царевича), колокол, носилы, в которых тело царевича переносили в Москву, доска-мощевик. Мемориальный характер памятника определяет тот факт, что «содержание» экспозиции практически не менялось на протяжении нескольких десятилетий и, можем предположить, не измениться еще долгое время. Углич в этой

экспозиции воспринимается не только как город, где погиб царевич, но, в большей мере, как город, покровительствуемый святым царевичем Димитрием, город особой судьбы, где все последующие события жизни воспринимаются как благодать или наказание от царевича.

Несмотря на значительный репрезентативный потенциал исторических экспозиций, реалии Угличского музея таковы, что художественные экспозиции представлены здесь в большей степени. Активно создавая такие экспозиции, музей, в первую очередь, реализует культурно-просветительскую функцию, формирует эстетические представления местного сообщества. Художественные выставки представлены в Угличском музее в здании бывшего Богоявленского собора, здании Городской думы, Галерее «Под Благодатным Покровом». На протяжении длительного времени экспозиции музея размещались в Спасо-Преображенском соборе.

Спасо-Преображенский собор с момента возведения и до 1928 года являлся главным собором города, затем был передан в ведение музея. С 1985 года и до 2009 здесь была представлена одна экспозиция – «Древнерусское искусство и живопись». В соборе экспонировались иконы из собрания музея, а также предметы церковного обихода: кресты, митры, пелены. Экспозиция располагалась в приделе Похвалы Пресвятой Богородицы и западной паперти собора, в главном пространстве храма «экспонатами» выступали росписи и иконостас. Следует отметить особое восприятие предметов церковного наследия, поступивших в фонды отечественных музеев в начале XX века. В музейном пространстве они утратили свои первоначальные (сакральные) функции и приобрели значение предмета, характеризующего историческую эпоху, или «статус» произведения искусства. Эту особенность русских икон отмечает Г.И. Вздорнов: «Публика, для которой до тех пор слово «икона» означало темный и даже не совсем ясный в своих очертаниях образ, находящийся непременно в храме или домашней молельной, изумленно взирала на подлинные произведения искусства» [Вздорнов, 2006, с. 20]. Размещение такой экспозиции в памятнике церковной архитектуры вполне

понятно и, отчасти, воплощает идею «живого музея», предложенную П. Флоренским еще в начале XX века: «Я позволил себе назвать недомыслием этот отрыв одной из сторон церковного искусства *(иконописи – прим. О.В.)* от целостного организма храмового действа как синтеза искусств, как той художественной среды, в которой, и только в которой, икона имеет свой подлинный художественный смысл и может созерцаться в своей подлинной художественности» [Флоренский, 1996, с. 376]. Вопрос взаимоотношений музея и церкви – предмет отдельного исследования. Поэтому отметим лишь, что с 2004 года Спасо-Преображенский собор находился в совместном ведении Угличского музея и Епархии, здесь по-прежнему размещалась экспозиция, а в центральной части стали проводиться богослужения. В 2009 году, ввиду передачи собора Епархии, экспозиция «Древнерусской живописи» была перенесена в здание бывшего Богоявленского собора Кремля. В Спасо-Преображенском соборе остались иконы в иконостасе, переданные музеем религиозной организации на временное пользование. Поскольку в Богоявленском соборе уже находилась экспозиция «Русская живопись и прикладное искусство XVIII – XX веков», из-за нехватки площадей часть икон была возвращена в фонды, оставлены для обозрения были лишь 20 образов. В 2017 году экспозиция «Древнерусская живопись» была полностью свернута. Особо отметим, что коллекция древнерусской живописи в Угличском музее является одной из самых ценных и масштабных, она насчитывает порядка четырехсот двадцати единиц хранения. Ее экспонирование на протяжении тридцати лет отражает общероссийские тенденции в области экспозиционной работы и объясняется стремлением музея представить публике свои шедевры. В то же время иконы – это предметы весьма сложные для понимания, «прочтения» неподготовленным человеком, требующие пояснений и комментариев. Следует отметить и тот факт, что икона призвана сохранить образ конкретного человека, личности, события, практически не отражая «городской тематики», то есть рассказать об Угличе в такой экспозиции очень сложно.

В 1978 году в ведение Угличского музея было передано здание бывшего Богоявленского собора Угличского Кремля, до этого времени здесь располагался дом культуры, поэтому в интерьере не сохранилось никаких церковных атрибутов (росписи, иконостас, солея). Появление новых экспозиционных площадей позволило создать еще одну экспозицию. В 1985 году в этом объекте разместилась экспозиция «Русская живопись и прикладное искусство XVIII – XX веков», где были представлены произведения живописи местных художников – И.В. Тарханова, П.Д. Бучкина, а также предметы, иллюстрирующие быт угличского купечества и дворянства XVIII-XIX веков: посуда, подсвечники, предметы одежды, дамские аксессуары. С.В. Кистенева – куратор этой экспозиции так описывает ее появление: «В середине прошлого века музейное собрание насчитывало несколько десятков портретов, зачастую безымянных и почти без исключения нуждающихся в реставрации. Экспозиционным материалом их еще не считали. Настоящее открытие этой живописи для русского искусства, для истории городской культуры произошло в 1980-е годы. Искусствовед и реставратор С.В. Ямщиков и реставратор С.С. Галушкин осмотрели тогда многие музейные запасники… Реставрированные в 1970-1980-е годы в Москве, увиденные заново, они были осознанны как цельная коллекция» [Кистенева, «Против зеркала…», 2016, с. 89].

Как уже отмечалось выше, в 2009 году в Богоявленский собор переехала экспозиция «Древнерусская живопись». Две экспозиции - «Древнерусская живопись» и «Русская живопись и прикладное искусство XVIII – XX веков», не диссонируя друг с другом, соседствовали в одном пространстве до 2017 года: на левой стене при входе в зал были представлены иконы, на правой – живопись, главным образом портреты, предметы декоративно-прикладного искусства были размещены в витринах вдоль центрального нефа. После реэкспозиции в этом объекте стали размещаться две постоянные экспозиции, существующие до сих пор: в центральном пространстве – «Посадские – обыватели – горожане. История Углича в лицах», а в алтарной части, где ранее

устраивались временные выставки, – «Иконография угличских святых». В последней из названных экспозиций вновь осуществляется отсылка к фигуре царевича Димитрия. Основу экспозиции составляют парсуны с его изображением, а также макеты памятника царевичу Димитрию, которые принимали участие в соответствующем конкурсе. Памятник по проекту московского архитектора А. Рукавишникова и настоятеля храма Михаила Архангела «в бору» отца Рафаила (Сергея Симакова), в основу которого был положен образ царевича, представленный на картине М. Нестерова «Дмитрий царевич убиенный, был установлен в Угличском кремле 28 мая 2015 года.

Экспозиция «Посадские – обыватели – горожане» представляется наиболее ценной в контексте проблематики формирования образа города в музейной экспозиции, рассказе о нем, но при этом, нам кажется, что ее потенциал в данном направлении не раскрыт. В музейной среде купеческий портрет осмысливается как особый жанр живописи, отличный от дворянского портрета, несущий на себе черты парсуны. Исследователей-искусствоведов интересуют позы, колорит, детали, но на второй план уходит судьба этого человека – городского жителя, через которую Углич мог бы восприниматься особым образом, представлять «зрителю» разные стороны своей жизни: уклад, нравы и семейные ценности купцов, особенности торгового дела, старообрядческие традиции, формирование архитектурного облика города (купеческие дома и церкви, построенные на средства купцов). Значимость данной экспозиции заключается еще и в том, что она никак не связана с темой о царевиче Димитрии – «димитриадой» [Кистенева, «Против зеркала…», 2016, с. 89]. Это возможность, пусть и не полностью реализованная, показать другой Углич, не овеянный легендами, божественными знамениями и бесконечно возвращающийся и как бы застывший в этом событии, не воспринимающий других явлений собственной жизни, а более настоящий, живой. Это та экспозиция и коллекция, за которой будущее в развитии Угличского музея, особенно в сфере взаимодействия с местным населением.

В 1992 году Угличский музей получил еще одно здание на территории Кремля – здание бывшей Городской думы, где в XIX веке размещались Городовой Магистрат (позднее Городская Управа), Цеховая Управа, суд, Общественный банк. В 1917 году именно в этом здании в Угличе была провозглашена советская власть. С 1943 года здесь располагалась вечерняя школа. Более десяти лет продолжались ремонтные работы на этом объекте, чтобы приспособить его под нужды музея. Здесь разместились фондохранилище, библиотека, выставочные залы, администрация. Зал общественных собраний после ремонтных работ получил название Красная гостиная, здесь стали проводить концерты, театральные постановки, конференции.

Первая экспозиция в здании бывшей Городской думы была открыта лишь в июле 2018 года, она называется «ЗаБЫТое искусство: вещь и шедевр». Слово БЫТ выделено в названии не случайно. В экспозиции представлены вещи, которые когда-то составляли неотъемлемую часть повседневной жизни человека, а сейчас воспринимаются как шедевры народного искусства: расписные сундуки, прялки, пряничные доски, посуда, гребни, сарафаны, кокошники. Все эти предметы характеризуют быт и занятия угличан второй половины XVIII – начала XX веков. Материал интересен, многое может сказать о жизни Углича указанного периода, но метод построения экспозиции, тяготеющий к систематическому, в основе которого лежит деление экспонатов на комплексы на основе материала, из которого они изготовлены: глина, дерево, металл, ткань, стекло, кость, - раскрывает не столько тему «города», сколько художественные и функциональные свойства предметов. Нам представляется, что эту экспозицию следует «персонифицировать», то есть сделать более «городоориентированной».

Все проанализированные выше экспозиции в той или иной степени были связаны с историей, культурой Углича, предметы, составившие основу коллекций, были «рождены» или долгое время использовались в этой среде. Но есть в Угличском музее экспозиция, опосредованно связанная с городом,

пришедшая как бы «извне». Это экспозиция Галереи православного искусства «Под Благодатным Покровом». Здание Галереи находится за пределами Кремля, но в непосредственной его близости. Изначально здесь экспонировались только работы московского художника Сергея Симакова (игумена Рафаила). Впервые они были представлены в Угличском музее на временной выставке в 1989 году. В начале 2000-х часть своих работ С.Б. Симаков подарил Угличу, они стали частью фондов музея. В 2007 году по инициативе мэра Углича Э.М. Шереметьевой была открыта галерея «Под Благодатным Покровом». Она разместилась в здании бывшего полицейского управления, в котором на протяжении семидесяти лет с 1932 – 2004 год располагался архив. Принцип организации экспозиции описан в методической разработке по галерее: «…в глубине (*в подвале здания – прим.О.В.)* представлены работы Сергея Симакова (игумена Рафаила), посвящённые сотворению мира, зарождению христианства, философскому осмыслению темы жизни и смерти. Поднимаясь этажом выше, как бы выходя из-под земли на свет Божий, мы оказываемся в мире земном, находящемся под покровом Пресвятой Богородицы. Подчеркивает эту идею и оформление стендов в насыщенный синий цвет, и общее название экспозиции. Картины, размещенные здесь, показывают красоту Божьего мира, становление православной веры в нашем Отечестве и непосредственно в Угличе. Верхний этаж становится некой кульминацией того пространства, которое последовательно развертывается перед взором посетителя, начиная с подвального этажа. Здесь, в просторном зале, оформленном в пасхальные цвета, зрителя встречают картины, показывающие образ жизни со Христом, Царство Божие, Силу, Красоту и Любовь» [Методическая разработка по экспозициям…, 2019]. В 2019 году экспозиция галереи была дополнена предметами церковной старины, лицевого и орнаментального шитья XV – начала XX веков (то, что ранее было представлено в экспозиции «Сокровища древнего Углича). Таким образом, смысловым ядром пространства галереи является православная вера, культура, роль городской среды несколько

нивелируется. Несмотря на это, именно на базе Галереи музейные сотрудники осуществляют большую работу по духовно-нравственному воспитанию школьников.

Рассмотрев экспозиционную работу Угличского музея в период 2005 – 2020 года, мы выделили несколько особенностей: доминирование художественных экспозиций над историческими, хотя исторический профиль является для музея ведущим; в тематике экспозиций ключевое место занимает история царевича Димитрия – из семи существующих на сегодняшний день экспозиций две рассказывают исключительно о царевиче, а еще в двух повествование выстроено по принципу «то, что было до гибели» и «то, что было после». Следует также отметить, что тема «Города» в экспозициях освещена недостаточно, многие пласты, о которых было сказано в предыдущем параграфе, остались вне поля зрения музея.

Выставочная деятельность Угличского музея.

Наиболее динамичной формой экспозиционной работы является организация выставок. Согласно «Словарю актуальных музейных терминов» выставка – это временная экспозиция, создаваемая с целью актуализации наследия, удовлетворения запросов различных целевых аудиторий музея, расширения коммуникативных возможностей [Словарь актуальных…, 2009, с. 49-50]. Следует добавить, что через организацию выставок музей может оперативно реагировать на какие-то важные события, учитывая непродолжительный период существования выставки, здесь могут применяться новые экспозиционные приемы, решения, которые для постоянной экспозиции были не уместны. Выставка – это пространство для экспериментов, как с точки зрения дизайна, так и с точки зрения экспонируемого материала.

Главным источником информации о проводимых Угличским музеем выставках стали Топографические описи временных выставок за период 2005 – 2020 годов, Акты временной выдачи музейных предметов, а также Акты

временной выдачи музейных предметов вне музея, позволяющие отследить участие угличских экспонатов во внемузейных выставках.

Следует сразу отметить, что долгое время Угличский музей не имел площадей для организации временных выставок. Для этих нужд была приспособлена алтарная часть Богоявленского собора, в случае организации более масштабной по занимаемой площади выставки, сворачивалась экспозиция в основной части бывшего храма. Лишь в 2010 году в здании Городской думы были открыты два зала для проведения выставок.

Рассматриваемый нами период 2005-2020 года в контексте выставочной работы музея можно поделить на два этапа. Первый - до 2010 года. Этот период характеризуется практически полным отсутствием выставок из фондов музея. Основная часть экспонатов переезжала на выставку из постоянных экспозиций. По такому принципу были проведены выставки «Дамское счастье» (2005), выставка к 225-летию угличского художника И.В. Тарханова, автора значительной части купеческих портретов из собрания Угличского музея (2005), выставка произведений П.Д. Бучкина – живописца и графика первой половины XX века, выросшего в Угличе (2005, 2007), выставка к Дню народного единства, который впервые отмечался в 2005 году. Доминирующая часть выставок этого времени – это персональные выставки художников, связанных с Угличем. Назовем лишь некоторые имена: М.А. Кабанов (2007), А.А. Горстка (2008), В.Н. Максимова (2008), А.Б. Петров (2009) – это угличские художники, активно работающие в городе сегодня. И.И. Соловьев (2005) – самодеятельный угличский художник-оформитель, значительную часть своих пейзажей передавший в дар Угличскому музею, умерший в 2002 году. Б.А. Смирнов-Русецкий (2005) – русский художник, член группы "Амаравелла", объединившей первых русских художников-космистов. Художник посещал Углич в 1920-1930-х годах, а также жил здесь после ссылки. Н.Я. Тамонькин (2005) - архитектор и художник, по его эскизам сделана часть росписей Казанского вокзала (архитектор А.В.Щусев), а позднее и некоторых станций московского метро. В 1939-1940 года художник много

работал в Угличе, 40 его работ находятся в фондах Угличского музея. Академия акварели и изящных искусств С. Андрияки (2006) – высшее учебное заведение, которое готовит художников по специальности «Живопись и изящные искусства». Ректор Академии – С.Н. Андрияки - является Народным художником России и действующим членом Российской Академии художеств. А.В. Нитецкий (2007) – московский фотохудожник, издательский фотограф, занимался съемкой для альбома «Иконы Углича» и «Углич: дыхание веков». Организация музеем художественных выставок нацелена на приобщение местного сообщества к искусству. Музей выступает центром культурно-просветительской деятельности. Привозные выставки позволяют наладить сотрудничество музея с другими культурными институтами. Работа с местными художниками и творческими союзами не только способствует развитию просветительской функции, но и решает проблему формирования фондов музея.

Отдельно следует сказать о самом значимом выставочном проекте Угличского музея этого времени – выставке угличских икон в культурном центре епископской библиотеки итальянского города Тревизо в провинции Венето. Выставка называлась «Иконы Углича. От Волги до Лагуны» и работала с 19 апреля по 10 июня 2008 года. Здесь были представлены пятнадцать икон XV-XIX веков из собрания Угличского музея: «Царевич Димитрий» (XVII век), «Воскресение Христово» (начало XVII века), «Святитель Николай Чудотворец» (XV век), «Иоанн Предтеча - ангел пустыни» (XVII в.) и другие. Выставке предшествовало издание в 2006 году на четырех языках альбома «Иконы Углича» в итальянском городе Арабба. Автором альбома является А.Н. Горстка, в то время занимавший должность старшего научного сотрудника Угличского музея. Издание альбома было приурочено к 400-летию со дня канонизации царевича Димитрия. Таким образом, и за пределами России Углич приобрел образ «царского» города, города, где погиб царевич, и которому покровительствовали Романовы. В

рамках данной выставки музей заявил об Угличе на международном уровне, реализовав репрезентативную функцию.

Второй этап выставочной работы Угличского музея начался с 2011 года. С этого времени и на протяжении еще нескольких лет музей организовывал отчетные выставки под общим названием «Возвращенные из прошлого», где представлял предметы из фондов, прошедшие реставрацию. Затем эти предметы дополняли экспозиции или составляли основу новой тематической выставки. Несмотря на то, что и сегодня музей активно проводит привозные художественные выставки, все большее значение приобретают выставки на основе коллекций самого музея: «Палата диковин» (2012), посвященная 120-летию открытия музея, «М.И. Кутузов. Путями военной дипломатии» (2012), «Новая жизнь древнего города» (2016), «Собрание сельца Шишкино: музей в музее» (2017) и другие. Одной из главных тенденций выставочной работы музея становится следование календарю памятных дат не только угличских, но и общероссийских. В 2014 году была организована выставка в честь 70-летия снятия блокады Ленинграда, «Где твои 17 лет?» (2018) - 100-летие образования ВЛКСМ, «Среди кулис, среди теней …» (2019) – год театра в России. Начиная с 2014 года, в музее регулярно проводятся выставки, приуроченные к 9 мая. Еще одна многолетняя выставочная традиция Угличского музея – это организация выставки детского и юношеского изографического и народно-прикладного творчества имени Д.Г. Буренина «Русь рукотворная» в рамках «Благостины». Выставка проходит с 2011 года. В беседе с корреспондентом газеты «Угличанин» Н. Овчинниковой, организатор выставки «Русь Рукотворная» Е.А. Резчикова отмечает, что целями выставки, являются художественная, творческая, эмоциональная презентация русского мира в его многообразии в детских работах; привлечение внимания подрастающего поколения, представителей общества к российской истории, её духовно-нравственному наследию, к проблемам сохранения отечественной культуры, преемственности поколений, а также выявление творческих способностей юного поколения, в том числе детей с ограниченными

возможностями [Овчинникова, 2017]. Здесь, как ни в одной другой экспозиции или выставке, реализуется социальная функция музея и связь с местным сообществом.

Еще одним примером успешного взаимодействия музея и города является фестиваль «Фотопарад в Угличе». Фестиваль проводится с 2007 года по инициативе Управления по туризму и международным связям Администрации Угличского муниципального района. Первоначально он назывался «Углич – лицо русской провинции» и задумывался как событийное мероприятие в городе для привлечения к нему интереса извне и, как следствие, увеличения числа туристов. Музей выступает одной из локаций фестиваля. На центральной аллее Кремля размещаются фотографии финалистов фотоконкурса «Точка на карте», посвященного жизни в малых городах. В выставочных залах музея разворачиваются различные по тематике фотовыставки: выставка работ Игоря Гаврилова «Я видел это» (2018) рассказывает о жизни страны 70-90-х годов XX века (фоторепортажи из всех горячих точек страны); фотопроект Алены Кочетковой «Как я болела» (2019). Партнерство города и музея в данном случае способствует формированию положительного имиджа Углича и позволяет местному сообществу приобщиться к данному виду искусства.

В период пандемии деятельность музеев была переведена в онлайн-формат. Такая форма работы, с одной стороны, - вынужденная мера, обусловленная почти полугодовым закрытием музеев для посетителей и направленная на сохранение взаимодействия с аудиторией в интернет-пространстве. С другой – это очень удобный формат рассказать о чем-то интересном из жизни музея, например, поступлении нового экспоната; это возможность представить выставку, для организации которой в «реальности» не достаточно экспонатуры или просто нет места; это способ познакомить более широкий круг потенциальных посетителей с музеем. Среди онлайн-выставок Угличского музея этого периода наиболее интересными нам

представляются «Писчебумажная фабрика», «Победители», «Провинциальная фотография Углича конца XIX – начала XX веков».

Таким образом, в выставочных практиках Угличский музей выступает центром культурно-просветительской деятельности и институтом актуализации культурной памяти местного сообщества, а при организации внемузейных выставок формирует имидж Углича. Организуя выставки творческих работ местных жителей (художников, учащихся), музей исполняет роли социального института, где происходит самовыражение автора. Интенсивность взаимодействия музея с местным сообществом в выставочных практиках значительно выше, нежели в экспозиционно-выставочной работе.

Практики взаимодействия Угличского музея с аудиторией (коммуникативные практики).

На протяжении последних двадцати лет в музейной сфере произошли кардинальные изменения, связанные с переосмыслением роли посетителя для музея. В результате этих изменений именно посетитель стал главной фигурой всех музейных практик, а формы работы с аудиторией становятся все более разнообразными.

Следует отметить, что коммуникативные практики тесным образом связаны с экспозиционной работой музея. Пространство коммуникации – это экспозиция. Поэтому функции, которые реализует музей в ходе экспозиционной деятельности, всецело отражается на работе с аудиторией. Цели посещения музея у различных категорий музейной аудитории отличаются. В этой связи выделим две группы музейных посетителей – туристы и местные жители и рассмотрим работу Угличского музея с каждой из них. Внутри каждой из групп можно выделить взрослых и детей.

Туристы приходят в музей, чтобы узнать что-то новое, культурно обогатиться, провести свободное время. Они, как правило, не владеют информацией относительно истории города, возникает необходимость сформировать о нем общее представление, узнать самое важное. Наиболее доступным, информативным источником подобных сведений является

экскурсия. Поэтому ключевой формой работы Угличского музея со взрослыми туристами являются экскурсионные программы. При этом расширился в сравнении с началом 2000-х годов список этих программ. Первоначально туристам предлагались экскурсии только по Кремлю, главными объектами посещения вне зависимости от того, какая экспозиция в них находилась, являлись церковь царевича Димитрия и Палата угличских князей. Эта тенденция сохраняется при посещении музея до сих пор. С открытием Галереи «Под Благодатным Покровом» появилась соответствующая тематическая экскурсия, дополнением которой с 2018 года стала экскурсионная поездка в церковь Михаила Архангела «в бору», где служит отец Рафаил. В том же году появилась тематическая экскурсия по экспозиции «ЗаБЫТое искусство: вещь и шедевр».

Поскольку знакомство с город предполагает, прежде всего, визуальный осмотр, значительно возрос интерес со стороны туристов к городским экскурсиям в различных вариациях, в зависимости от объектов осмотра и посещения: «По историческим местам Углича» (с посещением Воскресенского мужского и Алексеевского женского монастырей), «Святыни земли Угличской» (с посещением храмов Богоявленского женского монастыря, Казанской, Корсунской церквей, церкви Димитрия «на поле», Ильи Пророка), «Легенды Древнего града» (с посещением храмов Богоявленского женского монастыря, старообрядческого Николо-Улейминского монастыря, осмотром окрестностей Грехова ручья). С 2016 года в практику музея вошли экскурсии по Волге на теплоходе «Бекас», в ходе которой осуществляется осмотр ансамбля ГЭС с заходом в шлюз, церкви Рождества Иоанна Предтечи «на Волге», Воскресенского монастыря.

Л.М. Шляхтина отмечает, что вектор взаимодействия с музейной аудиторией меняется от образовательной направленности в сторону удовлетворения потребности в «событии» [Шляхтина, Современный музей…, 2011, с. 18]. В этой связи появляются и новые практики работы, в частности музейные праздники. В Угличском музее к такому типу мероприятий

относятся «Масленица», «Рождество в дворянской семье», «Во княжном двору». Эти программы объединяет развлекательный характер мероприятия, интерактивность, понимаемая как непосредственное участие туриста в действе, а также использование элементов театрализации (ряженье участников). Музейные экспозиции, выставки, территория Кремля выступает лишь фоном, декорациями в таких программах.

Свидетельством все возрастающей тенденции к «развлекательности музея» является организация таких программ как «Встреча гостей в русских народных традициях» с угощением, встреча группы боярином с шутками и загадками, «Честным мирком, да за свадебку» - свадебный обряд для новобрачных и гостей. В то же время в последние годы становится все больше туристов, желающих узнать в музее не общеизвестные факты, о которых пишут в путеводителях и рассказывают на экскурсиях, а что-то новое, более «элитарное». Для этой категории посетителей Угличский музей разработал проект «Музейная гостиная». В описании проекта значится: «Это история одного или нескольких экспонатов, обычно скрытых от глаз посетителя. Выставка на один вечер, история, рассказанная для небольшого круга любопытных и внимательных людей» [Проект «Музейная гостиная»]. Наиболее востребованной программой этого проекта является программа «Именем Екатерины Великой» - двенадцать акварелей из домашнего архива М.И. Кутузова работы видописца Гавриила Сергеева, созданных в Османской империи во время Чрезвычайного посольства в Стамбул (1793-1794).

Формы работы музея с местной взрослой аудиторией существенно отличаются от форм работы с туристами. Необходимо отметить, что взрослые местные жители посещают музей крайне мало. Исключение составляют участники Клуба любителей искусства Дворца культуры и угличане, работающие экскурсоводами при приеме туристов с теплоходов. Интерес к музею первой категории основывается на увлеченности темой искусства, это своего рода хобби. Вторая категория приходит в музей в основном для того, чтобы пополнить свой «багаж знаний» о городе и использовать эту

информацию в своих экскурсиях. Экскурсионный метод взаимодействия с местной аудиторией практически не применяется. Такая специфика обусловлена тем, что для местных жителей Углич - это родной город, знакомство с его историей, а значит и музеем, начинается в детском саду, продолжается в школе, училище и даже на работе. Учитывая тот факт, что многие экспозиции музея не менялись на протяжении нескольких десятилетий, интереса у местных жителей они не вызывают. Кроме того, угличане сами являются свидетелями и участниками многих знаковых событий в жизни города.

Основными формами работы Угличского музея с местной аудиторией являются лекции и историко-краеведческие заседания «Суриковские вечера». Целью таких программ является актуализация памяти о локальных событиях истории и культуры. С 2019 году в музее действует «Музейный лекторий», где дважды в месяц сотрудники музея читают лекции на различные темы: «Вооружение Угличской крепости», «Мир русской иконы», «Углич на экране» и другие. «Суриковские вечера» проходят в музее один раз в месяц, здесь выступают сотрудники музея и библиотеки им. Н.Н. Старостина, местные краеведы, любители истории. Тематика заседаний исключительно краеведческая: «100-летие угличской метеорологической станции, «История Угличской писчебумажной фабрика», «История Угличских монастырей» и другие. Такой формат ввиду «легкоорганизуемости» в сравнении с другими формами работы позволяет охватывать большие пласты угличский истории, и, соответственно, многое сказать о городе.

Формы работы Угличского музея с детской аудиторией более разнообразны. Здесь по-прежнему используется экскурсионный метод, но применяется он, как правило, со старшеклассниками. Ключевой формой работы с приезжими детьми младшего школьного возраста и среднего звена являются интерактивные программы. Музейная интерактивность – это технология, предполагающая активное участие аудитории в процессе музейной коммуникации с целью обретения личного опыта для лучшего

освоения музейного пространства [Российская музейная энциклопедия. Словарь терминов, 2002]. Интерактивность в музее может воплощаться по-разному: использование в экспозиционном пространстве различных гаджетов; программы, где предметы можно потрогать руками, получив не только знания, но и тактильный опыт; введение игровых элементов различного вида – от простого отгадывания загадок до игр-бродилок (квестов); театрализация – театрализованная экскурсия, разыгрывание сценок, историческая реконструкция.

В практику Угличского музея интерактивные программы стали входить с 2005 года. Первая из них – «В гостях у Марьи-царевны», - представляла из себя театрализованную экскурсию, рассказывающую о женской работе и рукоделии. Программа проводилась в верхнем этаже Палат до 2007 года. Мероприятие «Купечество: быт, обычаи, нравы» (2008) проводилось в Богоявленском соборе и состояло из двух частей: сначала детям рассказывали об угличском купечестве на основе портретной галереи, а затем предлагали посетить «купеческую лавку». С 2009 года в музее проходит программа «Загадочная история гибели царевича Димитрия» («Царевич Димитрий: тайны Угличского кремля»). Основой программы является театрализованная экскурсия по церкви царевича Димитрия и верхнему этажу Палат, дополненная старинными играми.

С 2014 года среди детских музейных программ появился квест «Из глубины веков». Его содержание несколько раз менялось в зависимости от смены экспозиций, но ключевой принцип этой программы – выполнение различных заданий, - остался неизменным. Главным «персонажем» квеста является боярин, который загадывает загадки, предлагает пострелять из лука. Объекты посещения те же, что и в предыдущей программе.

Примером программы, где все можно потрогать руками, является в Угличском музее программа «Чудеса из бабушкиного сундука». Она проводится с 2015 года и не имеет четкой локализации в какой-либо экспозиции. Ребята знакомятся с предметами, которые ранее использовались в

хозяйстве: рубель, портомойник, коромысло, веретено и другие. Подобный характер носит музейно-образовательная программа «Один день в старорусской школе» (с 2016). Помимо познавательного компонента - рассказа о принципах обучения, предметах, учебниках, в программе предусмотрены интерактивные элементы – стояние на горохе, письмо гусиным пером.

Сугубо развлекательный характер носят программы «Во княжном двору», фольклорные сезонные программы («Масленица», «Пасха», «Троица», «Спасов день», «Ивана Купала» и другие). Местом их проведения является территория Кремля.

Формы работы музея с местными детьми, в первую очередь школьниками, детерминированы задачами, которые принимает на себя музей в ходе взаимодействия со школой. Помимо просветительских задач, музей выполняет функции духовно-нравственного, патриотического воспитания, а также образовательные функции. Экскурсионная форма работы с детьми применяется, как правило, при посещении этой аудиторией новой выставки. При этом сотрудники музея стремятся дополнить такую программу интерактивными элементами. Например, на выставке «Вещественные доказательства» (2018), посвященной археологическим раскопкам на территории Угличского района, ребятам предлагалось разбить «раскоп» (резервуар с песком) на квадраты и с помощью инструментов (совок, щуп, кисть) провести «раскопки».

Активную работу по духовно-нравственному воспитанию на базе галереи «Под Благодатным Покровом» ведут сотрудники музея А.Н. Беляева и Е.С. Карпова. Помимо экскурсии «Святая Русь в картинах Симакова», здесь проходит цикл занятий «Кукла в русской семье. Семья в русской кукле», организуется просмотр фильмов кинофестиваля «Свет миру». Небольшие выставки, организуемые в этом пространстве, становятся основой для тематических лекций и мини-экскурсий, посвященных русским традициям, народным праздникам, быту. К таким выставкам относятся «Хозяйка и

труженица Ярославской земли» (2017), «Посудный царь - самовар Иван Иваныч» (2018), «Хлеб всему голова» (2019), «Повсюду благовест гудит» (2020).

Остаются популярными в качестве образовательных программ узкотематические лекции в конкретной экспозиции, то есть, фактически, уроки в музее. Например, «Смутное время», «Что такое кремль», «Жанры живописи» и другие. В форме игры организовано занятие по теме «Битва на реке Сить», «63 Угличский пехотный полк: слава и доблесть на все времена».

Для местных школьников музей предлагает и развлекательные программы: фольклорные праздники, программа «Здравствуй, лето!» для пришкольных лагерей, музейные елки.

Существуют в практике Угличского музея и мероприятия, ориентированные на максимально широкий круг посетителей. Это концертные программы, приуроченные к Дню матери и 9 мая, проводимые силами местных детских творческих коллективов. С 2011 года музей принимает участие в акции «Ночь в музее». Обязательной частью программы является акция «Приношу в дар музею…», где чествуют благотворителей и дарителей. В рамках акции «Ночь искусств», проводимой с 2014 года, музей представляет музыкально-поэтические программы различной тематики.

Большим самостоятельным начинанием музея в направлении работы с аудиторией является организация фестиваля «Золотое детство». Впервые он состоялся в сентябре 2019 году. Главной целью фестиваля, согласно «Положению», является возрождение и сохранение культурно-исторических традиций, развитие традиций детского и семейного творчества, укрепление семейно-родственных связей поколений [Положение о проведении фестиваля, 2019, с. 1] Свои площадки на фестивале представили практически все организации, работающие с детьми: Дворец культуры, Станция юннатов, творческие коллективы, сельские клубы, некоторые частные музеи. В рамках фестиваля была организована концертная и деловая программа, призванная способствовать повышению профессиональных компетенций педагогов и

знакомить родителей с эффективными стратегиями взаимодействия с детьми, позволяющими создать доверительные отношения в семье. В 2020 году фестиваль прошел в онлайн-формате. В его программу входили выставки, мастер-классы, викторины, а также концертная и деловая программы.

Несмотря на то, что тема «Детства» в Угличе всегда воспринимается в контексте истории о царевиче Димитрии, в данном случае музей постарался максимально отойти от этого сюжета. Именно этим стремлением объясняется выбор времени проведения фестиваля и содержание программы, где нет церковных мероприятий. Не случайно в релизе фестиваля говорится о том, что это попытка возродить дореволюционную традицию проведения ежегодных детских семейных праздников в Угличском кремле. Можно сказать, что «Золотое детство» светский аналог «Благостины», организуемый не городом, а музеем.

Формой взаимодействия с аудиторией является проведение научно-практических конференций. Угличский музей, начиная с конца 1990-х годов ежегодно проводит музейную конференцию различной тематики. Например, в 2002 году конференция называлась «Провинциальный музей. Век культурного созидания» [УФ ГАЯО Р-94, О.5, Д. 253. Л.1]. С 2012 года музейная конференция получила постоянное название - «Музей в культурном пространстве исторического города». Для музея конференция - возможность заявить о себе в профессиональном сообществе, для сотрудников музея – обменяться опытом, наладить партнерские связи с другими учреждениями культуры, для местных жителей – узнать что-то новое. Кроме того, в проведение конференции находит отражение научно-исследовательская деятельность музея. Она проявляется и в участии сотрудников во «внемузейных» конференциях, таких как: Тихомировские чтения (Ярославский музей-заповедник), Золотаревские чтения (Рыбинский музей-заповедник), Морозовские чтения (мемориальный дом-музей Н.А. Морозова, поселок Борок), Опочининские чтения (Мышкинский народный музей) и другие.

Важным направлением деятельности Угличского музея, отражающим и коммуникативную, и научно-исследовательскую работу, является издательская деятельность. Проанализировав отчеты о работе музея, мы выявили в этом направлении две тенденции. Во-первых, основная часть познавательно-просветительских статей, которые ранее печатались в местных газетах, стали публиковаться в социальных сетях и на сайте музея. Эта черта отражает специфику информационного общества XXI века, где ключевым источником информации является интернет. Во-вторых, музей практически перестал издавать «музейную литературу». В отчетах о работе музея до 2010 года значится издание путеводителей, буклетов и каталогов по экспозициям и выставкам, фотоальбомов, репринтов, сборников материалов конференций, монографий. На современном этапе издательская деятельность музея существенно сократилась. Издаются лишь материалы ежегодной музейной конференции и рекламные буклеты. Такое положение дел еще раз доказывает смену музейной парадигмы, где научно-исследовательская функция отходит на второй план. Следствием этого может стать не просто снижение уровня научной работы музея, но и фактическое ее отсутствие, что приведет к стагнации. Именно научно-исследовательская деятельность обеспечивает все остальные направления музейной работы, без нее музей превратится в учреждение музейного типа или центр досуга.

Коммуникативные практики – это та сфера деятельности музея, где активно используются информационные технологии. Следует отметить, что здесь можно выделить два вида взаимодействия с посетителем – реальное, когда человек приходит в музей, и виртуальное, осуществляемое в сети. С 2012 года Угличский музей, первым в области, в качестве альтернативы традиционной экскурсии стал предлагать посетителям технологию «Аудиогид». Экскурсия была записана на плейер, который срабатывал на установленные рядом с экспонатами электронные метки и автоматически воспроизводил нужный трэк. С развитием информационных технологий эта практика перестала быть актуальной. На смену ей пришли QR-коды и

мобильные приложения. В Угличском музее в галерее «Под Благодатным Покровом» доступно приложение «Артефакт». Цифровая платформа «Артефакт» была разработана Министерством культуры Российской Федерации для обеспечения возможности создания мультимедиа-гидов по экспозициям и выставочным проектам в формате дополненной реальности. Визуальный ряд и тексты разрабатывались силами сотрудников учреждений культуры. Применение такой технологии делает экспозицию более привлекательной для туристов.

В условиях информационного общества традиционные способы представления и популяризации музеев и других учреждений культуры в СМИ, специализированной полиграфической продукции, являются мало эффективными, поскольку охватывают небольшую аудиторию и финансово затратны. Бесспорное первенство в этой сфере принадлежит мировой паутине. С начала 2000-х годов музеи включаются в работу по созданию своих сайтов. Первоначально музейные сайты использовались как справочная система, где можно было узнать график работы учреждения, посмотреть анонсы мероприятий, почитать статьи. Сайт Угличского музея появился в 2008 году.

Как отмечают авторы статьи «Музей в современном информационном пространстве» «десятилетие спустя (*в 2010–е годы – прим. О.В.)* стало очевидно, что эта форма (*сайт – прим О.В.)* не только не является цифровым аналогом бумажных изданий (буклетов, каталогов, афиш), но и сам алгоритм взаимодействия с данной информационной системой изменился. Сайт музея уже в меньшей степени используется как справочная система с удалённым доступом» [Гук, 2015, с. 18]. Сегодня сайт музея – это виртуальное представительство учреждения, где размещаются официальные документы, информация о структуре музея, экспозициях и выставках, графике работы, контактная информация. Чтобы узнать необходимые данные, нужно «полазать» по сайту, затратить на это время. Поэтому рекламным целям в большей степени отвечают не сайты музея, а страницы в социальных сетях.

Способ привлечения аудитории путем использования социальных сетей называют Social Media Marketing или SMM-маркетинг. Его популярность в сравнении с другими видами музейной рекламы обусловлена рядом причин: возможностью общаться с широким кругом потенциальных посетителей (все пользователи Интернет), отсутствием дополнительных финансовых затрат на рекламу, высокий уровень распространения информации.

SMM-маркетинг – один из способов продвижения музея. Согласно Ф. Котлеру «продвижение - это любая форма сообщений, используемых предприятием для информации, убеждения или напоминания людям о своих товарах, услугах, образах, идеях, общественной деятельности или влияния на общество» [Цит. по: Антан, 2015, с. 3011-3012]. Следует отметить, что продвижение в музейной сфере всегда включает два стратегических направления: презентацию и продвижение музея и его деятельности, презентацию и продвижение конкретных товаров и услуг. Поэтому любое событие музейной жизни от посадки цветов и уборки территории до открытия экспозиций становится информационным поводом.

Страница Угличского музея впервые появилась в социальной сети «Одноклассники» в 2014 году. Но до 2016 года постоянных публикаций здесь не было, посты появлялись «время от времени». В 2015 году была создана группа Угличского музея в ВК и страница на «Фейсбуке», в 2017 году появилась страница в «Инстагарам». Сегодня на каждую из страниц подписаны от шестисот до тысячи человек, что является, как нам кажется, не очень большим показателем. Активность публикаций - 2-3 в день, при этом «новости» дублируют друг друга в разных сетях. Тематика постов «традиционная»: публикации, связанные с музейными мероприятиями, причем пост-релизов значительно больше, чем пресс-релизов; памятными датами и праздниками (от юбилеев учреждений до календарных церковных праздников); публикации отвлеченного характера (о природе, погоде). Основу контента социальных сетей музея составляют статьи, рассказывающие о различных аспектах истории и культуры города. Этот материал обладает

высокой степенью информативности, достоверности и уникальности, поскольку нигде более не публикуется. Несмотря на то, что каждый пост набирает около трехсот просмотров, комментариев посетители оставляют крайне мало, что говорит о незначительном уровне обратной связи с потенциальной аудиторией.

Рассмотрев практики работы Угличского музея с различными категориями посетителей, мы выяснили, что музей в большей степени ориентирован на работу с туристами. Интересы и взрослой, и детской туристической аудитории сконцентрированы вокруг истории о гибели царевича Димитрия. Наиболее востребованными формами работы с туристами являются экскурсии и интерактивные программы. Для взаимодействия с местной аудиторией более подходящими являются краеведческие заседания, лекции, экскурсии по выставкам, концерты, музейные занятия. Они позволяют обращаться к локальным событиям, значимым для местных жителей. В процессе виртуальной коммуникации происходит трансляция краеведческого материала, город раскрывается с новых сторон, освещаются те аспекты, которые не представлены в экспозициях.

Рассмотрев деятельность Угличского историко-архитектурного и художественного музея в рамках экспозиционно-выставочной, образовательной работы, а также музейной коммуникации мы пришли к следующим выводам. Угличский музей обладает всеми сущностными характеристиками провинциального музея, доказательством чего являются практики музея, направленные на реализацию соответствующих функций. Аспекты взаимодействия музея и города проявляются с различной степенью интенсивности. Наиболее ярко выражена роль музея как фактора экономического развития города. Не смотря на значительное число архитектурных объектов, находящихся в ведении музея, и экспозиций, расположенных в них, роль бренда играет лишь один памятник – церковь царевича Димитрия. Он активно «эксплуатируется» музеем и городом.

Процесс взаимодействия с местным сообществом можно охарактеризовать как точечный, осуществляемый с заинтересованной частью городского сообщества. Формируемый музейными средствами образ города сосредоточен вокруг истории о гибели царевича Димитрия, в этой связи в практиках работы с туристической аудиторией данная тема является доминирующей. Другие пласты «исторической стратиграфии» города, о которых шла речь в предыдущем параграфе, либо только начинают актуализироваться в музейных практиках (экспозиция «История Углича X – начала XVII веков), либо, представленные в музее, они обделены вниманием музейных сотрудников и посетителей (экспозиция «Посадские – обыватели – горожане»), либо вовсе не находят отражения в музее (усадебная культура, события XX века за исключением Великой отечественной войны).

Выявив сугубо локальную специфику практик Угличского музея, рассмотрим ее в сопоставлении с практиками государственных музеев Ростова и Переславля. Музей церковных древностей в Ростове был открыт в 1883 году в Белой палате Архиерейского дома – бывшей резиденции митрополита Ростовской епархии. Переславский музей был открыт в 1918 году в зданиях бывшего Успенского Горицкого монастыря и духовного училища. В первой половине XX века все три музея Угличский, Ростовский и Переславский развивались примерно одинаково. В фонды музеев поступали предметы из национализированных усадеб и закрытых церквей, музейные сотрудники вели активную краеведческую работу. В 1930-е годы музеи получили название краеведческие. Организация отделов в музеях велась в соответствии с регламентом государства. В 1959 году Ростовский краеведческий музей получил статус заповедника и был присоединен к Ярославскому музею, а Угличский и Переславский музеи стали историко-художественными. В 197году Переславский музей также стал музеем – заповедником. В 1995 году Ростовский Кремль был включен Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия РФ.

Ключевым источником информации о музейных практиках Ростова и Переславля стали официальные сайты этих учреждений [Государственное учреждение культуры ЯО «Переславский…»], [Государственный музей-заповедник Ростовский Кремль]. Мы выяснили, что в экспозиционной работе более всего проявляется связь «Город в музее». Проанализировав информацию с сайта Ростовского музея относительно экспозиционной работы, мы пришли к выводу, что тематика экспозиций очень схожа с практиками Угличского музея: здесь представлена экспозиция икон, «Сокровища Ростовского кремля», экспозиция, посвященная истории Ростова с древности до XV века. Экспозиционная специфика Ростовского музея обусловлена наличием открытого хранения фондов археологии, актуализацией через музей традиционных для города ремесел – колокололитейного (Центр колокольного искусства) и финифтяного (Музей финифти). Кроме того, в качестве экспозиции здесь предстает реконструированная обстановка Музея церковных древностей. Музей уверенно поддерживает исторически сформировавшийся образ Ростова как центра епархии, комплекс Архиерейского двора – бренд Ростова, который невозможно перепутать ни с чем другим.

В выставочной деятельности Ростовского музея отчетливо прослеживается тенденция доминирования художественных выставок местных и приглашенных ярославских мастеров. Помимо экскурсии как формы работы с туристической аудиторией, музей организует мастер-классы на основе традиционных ремесел, концерты колокольной музыки.

В Переславском музее экспозициями аналогичными экспозициям Углича и Ростова являются экспозиция икон и «Серебряная кладовая». В отличие от Углича и Ростова в Переславском музее существует отдел природы, а также экспозиция, иллюстрирующая быт и культурные традиции дворянских усадеб. Эта экспозиция называется «Венок усадьбам». Можно с уверенностью сказать, что культурно-исторический контекст бытования города представлены в Переславском музее более широко в сравнении с

Ростовом и Угличем. Ядро образа города Переславля и его туристического бренда формирует филиал Переславского музея – Музей-усадьба «Ботик Петра I».

Таким образом, можно говорить об однородности практик государственных музеев малых городов одной типологической группы (в нашем случае группа городов – музейно-туристических центров). Специфику отражает лишь материал, с которым работают музеи – их коллекции, фонды, объекты наследия.

3.2. Деятельность негосударственных музеев Углича в условиях современной культуры

Одной из тенденций развития музейной сферы постсоветского периода является появление негосударственных музеев. В рамках данного определения объединены очень разные музейные учреждения: муниципальные музеи, общественные, ведомственные, корпоративные, частные. В Угличе группа негосударственных музеев представлена музеями предприятий, которые можно назвать корпоративными музеями, и частными музеями, принадлежащими физическим лицам.

Приступая к исследованию феномена частного музея, необходимо обратиться к содержанию этой дефиниции, представленному в справочной литературе. В «Словаре актуальных музейных терминов» значится такое определение: «Частные музеи - группа музеев, которые принадлежат частным лицам, созданы их усилиями и поддерживаются их средствами. Как правило, коллекции частных музеев отражают эстетические, культурные или научные интересы своих создателей и являются доступными для посещения» [Словарь актуальных…, 2009, с. 64]. В данном определении вполне конкретно обозначена форма собственности, но практически ничего не сказано о содержании коллекций такого рода, иными словами какие предметы могут составить частную музейную коллекцию. Исходя из определения, предметы

должны обладать эстетической, культурной и научной значимостью, ценностью. Именно эти принципы были положены в основу формирования частных коллекций в России в XVIII – XIX веках, ставших затем крупнейшими собраниями страны.

В XXI веке, безусловно, сохраняются такие традиционные частные музеи, однако все чаще появляются учреждения, называющие себя частными музеями, но при этом демонстрирующие публике предметы, которые не являются даже предметами музейного значения.

О.Е. Черкаева [Черкаева, 2012] предлагает для обозначения таких музеев термин «музей одной темы» (тематический музей) или «специальный музей». Особенность таких музеев, по мнению музееведа, заключается в том, что они, углубленно представляя свой предмет, одновременно дают его в более или менее широком контексте, демонстрируя комплексный подход к истории культуры и быта, кустарного производства и промышленности. При этом автор отмечает, что четкость терминологической формулировки будет формироваться по мере осмысления практического опыта.

Значимость и важность тематических музеев, составляющих немалую часть негосударственных музеев, признается сегодня профессиональным сообществом. В 2019 году Ассоциацией менеджеров культуры был реализован проект «Управление наследием: независимый сектор», целью которого было выявление роли частного и общественного сектора (негосударственных субъектов) в сохранении и актуализации локального культурного наследия, а также формирование и развитие культурной инфраструктуры и продвижение культурных инноваций на конкретных территориях [Управление наследием, 2019]. Важно отметить, что пилотным регионом реализации проекта была выбрана именно Ярославская область, как регион с наиболее значимым объемом независимого сектора наследия. По данным Ассоциации в 2019 году в области действовали девяносто негосударственных музейных организаций.

В 2018 году была создана Ассоциация частных и народных музеев России [Частные и народные музеи], по инициативе которой при поддержке

Министерства культуры РФ была проведена выставка «Частные музеи России. Самородки России» 2019 и конференция «Частные музеи 2020 /Третьяковы XXI века».

Неоспоримость факта активного развития тематических музеев в современной России, а также их популярность в Ярославской области требуют определения причин возникновения данных учреждений. Мы считаем, что тематические музеи создаются ввиду потребности общества в такого рода музеях. Тематический музей является отражением массовой культуры. Территориальное расположение тематических музеев обусловлено близостью к туристическим центрам. Возникают тематические музеи в тех городах, где активно развивается туризм. При этом ключевым объектом, привлекающим внимание туристов, выступает государственный музей, тематические музеи локализуются вокруг него. Так вокруг Ростовского кремля появились Музей царевны-лягушки, музей «Лукова слобода», музей «Щучий двор».

Л.Я. Петрунина, сравнивая «музейный бум» 1970 - 1980-х годов и «музейный бум» XXI века, отмечает разницу в причинах появления такого феномена: «Тогда посещаемость была обусловлена желанием узнать свое прошлое в рамках традиционных музейных экспозиций и выставок. Теперь же, имея перед собой пример сохранения культурного наследия музеями, повзрослевшие поколения музейных посетителей используют новые социально-экономические условия и трансформируют этот опыт в доступные им активные формы, акселерируя потоки публики и увеличивая свой общественный вес» [Петрунина, 2020, с. 134]. Е.Н. Мастеница ссылается на мнение З.А. Бонами, которая утверждает, что крупные частные музеи являются примером показа общественной значимости коммерческого начинания или нестандартного бизнес-проекта [Мастеница, Музей в начале …, 2020, с. 51].

Нам представляется наиболее значимым фактором, определяющим процесс создания тематических музеев, инициативность местного сообщества. В этой связи обратимся к теории «креативного города». Автором теории

«креативного города» является британский ученый, специалист по развитию городов Ч. Лэндри [Лэндри, 2018]. Главная идея данной концепции заключается в том, что каждый город имеет возможность развиваться на основе творческого потенциала его жителей. «Главным жизненно важным ресурсом города являются люди. Человеческий ум, желания, мотивы, воображение и творческие способности все чаще рассматриваются как стратегический резерв развития города, который вытесняет на задний план такие их достоинства как местоположение, природные ископаемые и доступ к рынку» [Лэндри, 2018, с. 15-16].

Ученый отмечает, что креативность – это метод работы с ресурсами города, которые могут быть обнаружены в историко-культурном наследии, архитектуре и ландшафте, традициях, хобби, увлечениях. Многие малые города, в этой связи, в качестве ресурса городского развития избрали музейно-туристическую сферу.

Нами уже было отмечено, что в Ярославской области, согласно данным Ассоциации менеджеров культуры, в 2019 году существовало 90 тематических музеев, наибольшее их число сосредоточено в Мышкине (более 20), в Угличе и Переславле существуют по 15 тематических музеев, в Ростове – около 10.

Важным вопросом в процессе исследования практик негосударственных музеев является организационно-правовой аспект их деятельности. Согласно ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» [ФЗ «О Музейном фонде…», 2021] учредителями негосударственных музеев могут быть органы местного самоуправления, физические и юридические лица. В Угличе все тематические музеи созданы физическими лицами, однако правовая форма музеев отличается. Тематический музей может быть коммерческой организацией, создающейся с целью извлечения прибыли и действующей в форме индивидуального предпринимателя (ИП), либо некоммерческой организацией, имеющей социокультурные или иные функции, кроме получения прибыли. Такие музеи действуют в форме частного учреждения культуры (ЧУК).

Учредителями ведомственных музеев Углича являются соответствующие предприятия, то есть юридические лица. Отметим, что ведомственные музеи могут быть структурным подразделением учреждения, как Музей часов «Чайка», или действовать в форме общества с ограниченной ответственностью (ООО) как Музей гидроэнергетики.

Принимая во внимание организационно-правовую и тематическую специфику негосударственных музеев, обратимся к анализу практик негосударственных музеев города Углича. Наша задача понять, насколько негосударственные музеи соответствуют выделенным характеристикам провинциального музея, а именно связаны с конкретной местностью, отражая идею «Город в музее», выступают институтами памяти для формирования коллективной идентичности местного сообщества и являются культурно-просветительскими центрами. В качестве ключевого критерия для сопоставления и дальнейшей классификации негосударственных музеев была выбрана позиция «Город в музее» - репрезентация городской тематики в музее. На основе данного критерия мы выделили три группы музеев:

1. Негосударственные музеи, аналогичные по своей парадигме государственным. Музеям этой группы свойственны все признаки провинциального музея.
2. Негосударственные музеи, отражающие местную тематику, но ориентированные на туристов.
3. Негосударственные музеи вне местного культурно-исторического контекста.

К *первой группе* мы отнесли Музей истории Углича, Музей необычных велосипедов «Самокат», Музей часов «Чайка», учебно-производственный информационный центр - Музей гидроэнергетики, Музей авангардного и наивного искусства «Авангард. Углич». Учитывая неоднородность тематик музеев, обратимся к каждому из них.

Музей истории Углича стал первым тематическим музеем, открывшимся в Угличе в 1989 году. Он назывался историко-музыкальный музей

«Угличские звоны». Учредитель музея – ИП Кулагин, местный краевед. Музей не имеет отдельного специального помещения, а располагается в жилом доме учредителя. Создание и деятельность музея на протяжении всей его истории непосредственно отражало краеведческую научно-исследовательскую работу его создателя. Открытию музея предшествовало исследование А. Кулагиным сплава Угличского ссыльного колокола из коллекции Угличского музея в 1983 – 1984 годах [Кулагин Алексей], а также коллекционирование колоколов и колокольчиков. Основу музея и составила данная коллекция. Семейный ансамбль Кулагиных «Угличские звоны» исполнял различные произведения на этих колоколах.

В 2000 – 2011 годах А.В. Кулагиным были выполнены историко-краеведческие исследования научно-популярного характера по следующей тематике: «Смутное время в Угличском крае», «Воинские соединения, связанные с Угличем», «Гражданская война на территории Углича», «Великая Отечественная война» [Кулагин Алексей]. В 2005 году по инициативе А.В. Кулагина на базе музея «Угличские звоны» была создана общественная поисковая группа по обнаружению и идентификации упавших советских и немецких самолетов на территории Угличского района в годы Великой Отечественной войны. С 2005 по 2013 годы эта поисковая группа проводила экспедиции по территории Угличского района, в результате которых были выявлены имена нескольких советских летчиков, погибших на Угличской земле в 1941-1943 годах. В 2010 году на местах захоронений были установлены четыре памятника погибшим советским летчикам, имена которых удалось выявить поисковой группе музея. Экспозиция семейного музея в этой связи была расширена, здесь появились различные исторические персонажи в виде манекенов, одетых в костюмы XV – XX веков, макет Углича конца XIX – начала XX веков, археологические находки. В 2009 году музей был переименован в «Музей истории Углича».

Музей не является объектом активного туристического показа, но играет большую роль в культурно-просветительской деятельности, ориентированной

на местное население, в частности, в работе со школьниками и студентами. Музей предлагает тематическую экскурсию «Героическое прошлое города Углича» об истории создания 63 Угличского пехотного полка; о героях Отечественной войны 1812 года князьях Волконских, братьях Тучковых; о воздушных боях над городом в годы Великой Отечественной войны [Музей истории города]. Кроме того, музей активно занимается издательской деятельностью. Под редакцией музея вышли такие сугубо краеведческие материалы как: «История Углича» (2006), «Геральдика древнего Углича» (2007), «63 Угличский пехотный полк» (2008), «Судьба солдата» (2008), «В небе над Угличем» (2010), «Красноносый ястребок (история одного поиска» (2020).. Следует отметить, что А.В. Кулагин является научным руководителем Ярославской региональной общественной организации по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества «Группа поиска. Углич». Эта организация реализует проект «Дорогами войны: память поколений», в рамках которого проходят лекции, зарницы, ведется исследовательская деятельность, организуются полевые экспедиции. Учитывая, что работа музея осуществляется исключительно членами семьи Кулагиных, без привлечения наемных сотрудников, именно практики по патриотическому воспитанию подрастающего поколения являются сегодня ключевыми в деятельности музея.

Итак, Музей истории Углича – это пример музея, в полной мере воплощающего идею частного музея, созданного на основе интересов автора Идея «Город в музее» реализуется здесь через обращение к событиям военной истории города разных эпох – Смута, Северная война, Отечественная война 1812 года, Великая отечественная. Активная краеведческая исследовательская и поисковая работа свидетельствует о связях музея местным сообществом. Это музей, активно занимающийся патриотическим воспитанием. Культурно-просветительская работа проявляется в издании краеведческой литературы. До недавнего времени музей принимал туристические группы, то есть являлся частью городского туристического пространства.

Музей необычных велосипедов «Самокат».

Идея создания музея принадлежит велосипедисту, участнику множества веломарафонов С.Б. Кондакову (он же Василий Самокатов). Музей был открыт в 2017 году и первоначально назывался «Арсенал необычных велосипедов». Вероятно, намеренный уход от применения в названии слова «музей» обусловлен не только желанием привлечь внимание туристов, но и стремлением создать не просто музей, а клуб по интересам, определенное культурное пространство. Следует отметить, что данный музей действует в форме частного учреждения культуры, то есть нацелен на выполнение социокультурных функций.

Тематика музея, на первый взгляд никак не связанная с Угличем, имеет культурно-исторические основания. В 1999 году угличские велосипедисты совместно с представителями немецкого клуба велосипедистов RSV города Идштайн – побратима Углича совершили первый совместный велопробег по городам Золотого кольца [Перова, 2004]. В том же году в Угличе появился велосипедный клуб. Такие международные велопробеги в России и Германии проходили почти ежегодно. Результатом данного сотрудничества стало проведение в Угличе с 2008 года вело-фестиваля «Угличская верста». Открытие музея – логичное продолжение этой истории.

Создатели музея не скрывают, что большинство «экспонатов» - это копии различных моделей велосипедов, созданные по старым фотографиям и рисункам. В основе музейной «экспозиции» лежит систематический метод экспонирования, иллюстрирующий эволюцию развития велосипедов за двести лет, а ключевым способом знакомства с музеем является интерактивность – можно прокатиться на любой модели.

Особо подчеркнем, что данный музей, в отличие от большинства тематических музеев Углича и даже, отчасти, государственного музея, очень активно взаимодействует с местным сообществом, в первую очередь с детской аудиторией. В 2019 году проект музея «Углич – ВелоГрад» стал победителем конкурса проектов программы «Культурная мозаика малых городов и сел»

фонда Тимченко. В 2020 году музей в партнерстве с Домом детского творчества и ГИБДД организовал два муниципальных конкурса по безопасности дорожного движения «Мультрецензия: прав или нарушил?» и «ПДД со вкусом», а также конкурс социальной рекламы «Крути по делу - не зевай», конкурс юных инспекторов дорожного движения "Безопасное колесо". Музей организует «Велоёлки», принимает участие в городских мероприятиях (день города, день молодежи), выступает площадкой для музыкальных концертов. В Парке Победы города появился новый арт-объект – вело - фото - рамка. Музей работает с людьми с инвалидностью. К дню пожилого человека 2021 в музее прошел турнир по шашкам среди членов общества слепых и общества инвалидов. Музей активно продвигает себя в социальных сетях, имеет свой ютуб-канал. При этом принцип представления информации существенно отличается от традиционных публикаций: главным героем всех сюжетов является Василий Самокатов, от его имени осуществляется общение с аудиторией; посты носят не столько информационно-познавательный характер, сколько рассказывают о жизни Василия, его путешествиях, встречах с интересными людьми, участии в мероприятиях, что всегда интереснее сухого изложения фактов.

Музей не работает с исторической памятью местного населения, но при этом активно взаимодействует с местным сообществом, способствуя развитию велоспорта в городе. Таким образом, можно констатировать, что даже небольшой тематический музей, отражающий различные, пусть даже не самые масштабные аспекты городской биографии, может активно заявить о себе в культурном пространстве города и стать интересной площадкой не только для туристов, но и местных жителей.

Помимо весьма представительной группы частных тематических музеев в Угличе существуют и музеи ведомственные (корпоративные), представляющие из себя структурные подразделения учреждений и предприятий.

Музей часов «Чайка».

Этот музей был открыт при Угличском часовом заводе летом 1975 года и располагался первоначально в фойе Дворца культуры этого предприятия, а затем переехал в здание проходной завода. Музей был создан по инициативе рабочих, принадлежал к типу музеев на общественных началах. В 1982 г. музею было присвоено почетное звание «Народный музей». В период работы завода музей выполнял репрезентативную функцию предприятия и отчасти города. Сегодня в музее отражена жизнь завода – градообразующего предприятия Углича с момента строительства первых корпусов в 1937 году и до 2006 года. Здесь экспонируются фотографии и награды из семейных архивов работников завода, архивные документы, фотохроника процессов производства, модельный ряд часовой продукции и калибров (механизмов) часов, инструменты и оборудование, правительственные награды предприятия [Негосударственные музеи, 2012, с. 139]. В период 2019-2021 года музей был закрыт. За это время он сменил месторасположение, разместившись в здании бывшего заводоуправления, и обновил экспозицию. Музей является хранителем культурной памяти нескольких поколений местных жителей, рабочих завода, тем самым реализуя идентификационную функцию в отношении местных жителей. Кроме того, это мощное основание для формирования нового брэнда города. Туристский информационный центр Углича активно продвигает бренд города с лозунгом «Углич – город на реке времени», но, при этом, пока музей открыт только для местных жителей, которые могут посещать его бесплатно. В этой связи музей часового завода может стать новым туристическим объектом города.

Учебно-производственный информационный центр - Музей гидроэнергетики.

Решение об открытии в Угличе музея Каскада Верхневолжских ГЭС было принято в 2005 году, в канун восьмидесяти пятилетия со Дня принятия Плана ГОЭЛРО. В 2007 году музей был открыт, получив новое название Музей гидроэнергетики России. Музей являлся корпоративным музеем компании РусГидро - российской энергетической компании, владеющей

большинством гидроэлектростанций страны. Под музей было переоборудовано здание на территории Угличской ГЭС, где ранее располагалось управление Волголага – исправительно-трудового лагеря, созданного для строительства Угличского и Рыбинского гидроузлов, поэтому свободного входа на территорию музея нет. Музей можно посетить либо по предварительной записи, либо в рамках установленного сеанса. Первоначально музей не был открыт для массового туриста, а принимал лишь гостей города и сотрудников компании. С 2010 года музей начала работать как туристический объект, а в 2011 году в связи с расширением образовательной деятельности учреждения, направленной на непрерывную профессиональную подготовку и обмен опытом специалистов отрасли и информирование и обучение школьников и студентов, музей был переименован в Учебно-производственный информационный центр гидроэнергетики. Такое название отражает сущность корпоративного музея, который не только собирает, хранит и изучает культурно-историческое наследие отрасли или сферы развития бизнеса, но и формирует внутреннюю корпоративную культуру организации и выступает ее транслятором во внешнюю среду [Мастеница, Современный музей…, 2012, с. 118].

Образовательная функция центра определяет специфику его работы с посетителями, среди которых главную роль играют школьники и студенты. Музей предлагает программу тематических «школьных уроков» для детей разного возраста. Для начальной школы это занятие по окружающему миру «Значение и свойство воды», интерактивная программа «Экономь электроэнергию»; для среднего звена – занятие по физике «Закон сообщающихся сосудов», занятие по географии «Плотины»; для старшеклассников и студентов – занятие по истории «Энергия победы», профориентационное занятие «Я б в энергетики пошел… Пусть меня научат!». Музей принимает и туристов, ключевой формой работы с которыми является экскурсия. Музей активно участвует в жизни города, выступая спонсором и партнером многих городских мероприятий, таких как вело-фестиваль

«Угличская верста», историко-патриотических фестиваль «По вехам истории», Фотопарад, спортивный фестиваль «Зимние забавы в Угличе».

Несмотря на то, что тематика музея весьма обширна, для Углича он выступает хранителем памяти о строительстве ГЭС, как событии, изменившем судьбу города. Деятельность музея в этой связи, не только актуализирует один из самых значимых пластов в биографии города, но и формирует новый образ Углича.

Отдельно от всех остальных музеев этой группы развивается *Музей авангардного и наивного искусства «Авангард. Углич».* Обособленность музея объясняется тем фактом, что музей не связан с городским культурно-историческим текстом, но активно взаимодействует с местным сообществом, в первую очередь местными художниками, что позволило отнести его к данной группе.

История этого музея началась с выставки 2009 года, которая называлась «Музей авангардов» и была приурочена к 103-летию «Угличской газеты», называвшейся ранее «Авангард». Согласно информации из СМИ на выставке были представлены работы местных художников С. Симакова, А. Ахлестина, О. Гуркина, Ф. Куницына, Н. Лавровой, С. Середы, П. Чахоткина [В Угличе открылся «Музей Авангардов», 2009]. В форме частного учреждения культуры Музей был зарегистрирован в 2019 году, его учредителем является игумен Рафаил (С. Симаков). Здесь представлены его работы, а также произведения его коллег - «художников-нонконформистов» С. Блезе, С. Бордачева, А. Зверева, Н. Конышевой, С. Перелыгина, С. Шарова, В. Шевченко [Музей авангардного искусства]. Помимо постоянной экспозиции в музее организуются временные выставки, проходят музыкальные вечера, лекции, дискуссии. Музей является новым культурным пространством для Углича, он ориентирован исключительно на местное сообщество. Это возможность познакомить город с современным искусством. Учитывая специфику экспонируемого материала, можно предположить, что музей ориентирован не на массового посетителя, а на избранную публику. Данный

музей является фактически культурно-просветительским центром, но нам представляется, что такой музей для Углича слишком эпатажен.

Вторую группу составили музеи, культурно-историческим основанием организации которых стали события и явления биографии города, но при этом сами музеи существуют изолированно от города, главный актор их практик – турист, а не местный житель. К этой группе относятся Музей истории русской водки, Музей городского быта XIX века, Музей кожевенного ремесла, дом-музей «Легенды Углича».

Музей истории русской водки.

Этот музей был учрежден в Угличе в 1998 году, историческим событием, обусловившим его появление, стал факт рождения в одной из деревень современного Угличского района П.А. Смирнова, знаменитого производителя спиртных напитков в Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. Учредитель музея – индивидуальный предприниматель В.В. Шабалин. Ключевая тема музея – история винокуренного производства в России, поэтому в экспозиции представлены предметы быта, связанные с этим процессом, самогонные аппараты, внушительная коллекция вино-водочной посуды XIX века с этикетками, инициалами производителей, двуглавыми орлами, медалями различных выставок. Особое внимание уделено в музее личности П.А. Смирнова и истории его предприятия. Кроме того, в музее можно увидеть продукцию действующих или уже не работающих российских ликероводочных заводов. Стоит отметить, что многие «экспонаты» поступают в музей от самих туристов, особенно интересной для музея является продукция с необычными названиями.

Музей можно посмотреть самостоятельно или в сопровождении экскурсовода и продегустировать какой-либо напиток. При музее существует магазин ликероводочной продукции, но он не является доминирующей частью пространства, это фактически «сувенирная лавка» музея. Музей не имеет

сайта и страниц в социальных сетях, так как эти публикации могут быть расценены как реклама алкогольной продукции.

Тематика музея, особенно в условиях современной России, достаточно провокационна. Но, принимая во внимание тот факт, что приготовление хмельных напитков имеет давние традиции в нашей стране и является неотъемлемой частью русской культуры, данный вопрос заслуживает внимания. Ключевое значение здесь имеет метод «повествования». Историко-культурный принцип, применяемый в музее, раскрывает сугубо исторические аспекты проблемы, не преследуя каких-либо рекламных целей. Музей является объектом посещения доминирующей части взрослых туристических групп.

Музей городского быта XIX века.

Инициатива создания этого музея принадлежала Э.М. Шереметьевой – бывшей главе Угличского муниципального района. Задумывался музей, как отмечает его учредитель и директор Э.В. Колотилова, как пространство, отличное от экспонирования «старых» вещей. Как видно из названия, главная тема музея - жизнь Углича XIX века. «На очень небольшом пространстве были размещены городская площадь, жилой дом угличанина, чайная» [Колотилова, 2006, с. 27]. Говоря музейным языком, в музее предприняли попытку реконструировать типичную для определенной эпохи обстановку. Доминирующую роль в таком ансамблевом комплексе играют предметы мебели и посуда XIX века. Именно они создают «ощущение эпохи». Сами создатели музея наиболее значимой называют коллекцию женского платья и шляп, воссозданных по каталогам и журналам мод XIX века. Наиболее ярко обстановку музея описали эксперты проекта «Управление наследием: независимый сектор» Ассоциации менеджеров культуры: «Мы располагаем горьким сожалением об отсутствии стремления музея к лаконичности, к минимализму. И глубоким наблюдением, что обилие экспонатов, их чрезмерность и беспорядочность в музее напоминают саму жизнь» [Музей городского быта XIX века].

О формах работы музея с посетителями узнать удалось крайне мало. Страниц в социальных сетях у музея нет, а на сайте учреждения [Музей городского быта в Угличе] опубликована информация о том, что музей проводит более двадцати вариантов экскурсий по экспозиции, десять видов мастер-классов (скрапбукинг и история костюма, броши из ткани, танцкласс и кулинарные представления), двадцать музейных спектаклей. Именно практика организации музейных спектаклей и небольших постановок отличает данный музей от всех остальных, делая его уникальным объектом туристического показа. Музей позиционирует себя как музей-театр, такая формулировка названия присутствует на рекламной продукции музея. Здесь проходят постановки по мотивам произведений А.П. Чехова и А.Н. Островского, «зарисовки» из жизни провинциального города, музыкальные вечера. Синтез музея и театра отражает специфику музейной деятельности на современном этапе, заключающуюся в активном развитии индустрии досуга. Л.М. Шляхтина [Шляхтина, Рекреационно-образовательная миссия…, 2013, с. 209-210] говорит о формировании рекреационно-образовательной функции музея, через реализацию которой решаются такие задачи как формирование ценностного отношения к предметной стороне действительности, развитие ассоциативного воображения, образного мышления, культурологического сознания, способности к самостоятельному суждению, творческой деятельности и самоанализу, внутреннее стремление к межкультурному диалогу посредством форм, средств и методов, позволяющих соединить познание и развлечение, наполнив последнее содержанием и смыслом. Применяя театрализованные формы работы в музее, главное, не допустить того, чтобы музей стал просто декорацией постановки. «Аттрактивность такого эмоционального, чувственного воздействия предполагает серьезное педагогическое осмысление и психологическую аранжировку подачи информации с позиции музеологии, дабы не затмить основу рекреационно-образовательной деятельности – музейный предмет» [Шляхтина Рекреационно-образовательная миссия…, 2013, с. 211].

Музей формирует образ Углича как купеческого города. Поскольку другие музеи к данной тематике не обращаются, Музей городского быта является неотъемлемой частью туристических маршрутов. На наш взгляд музей обладает значительным потенциалом для культурно-просветительской работы с местным сообществом, но на современном этапе, к сожалению, не реализуемом.

Дом-музей «Легенды Углича».

Музей появился в городе в 2010 году, а в 2017 году был закрыт. Понятие дом-музей обозначает либо мемориальный объект, связанный с исторической личностью или событием, либо пространство, в котором сохраняются или воссоздаются типичные интерьеры и обстановка [Словарь актуальных…, 2009, с. 51]. Исторически в доме, где располагался музей, в XIX веке размещалась гостиница и магазин одного из самых известных угличских купцов А.К. Постнова. Достаточно сложно определить тематику этого музея. Здесь говорили о легенде про петуха, о жизни в Угличе М.П. Чехова, о колбасных заводах А.К. Постнова, о дворянах Тучковых. Анимационная программа музея «В гостях у Апполинарии Захаровны» предполагала театрализованную экскурсию с игрой на пианино и музыкой из граммофона [Негосударственные музеи…, 2012, с. 129]. Можно сказать, что этот музей был аналогом Музея городского быта, но значительно меньшим по масштабу. Не удивительно, что, не выдержав конкуренции с более сильным соперником, музей был закрыт.

Музей кожевенного ремесла.

Это самый молодой музей Углича, открытый для посещения в 2019 году. Музей кожевенного ремесла – безусловно, коммерческий проект, но имеющий значительную культурно-историческую основу для развития. Кожевенное ремесло было распространено в городе, а купеческий род Кожевниковых был одним из самых известных в Угличе в конце XVIII-начале XIX века.

Музей рассказывает не только об истории развития кожевенного ремесла в Угличе и стране, но и освещает технологический процесс обработки кож, представляет образцы кож животных, кожаные изделия различных эпох.

Формы работы музея с посетителями пока ограничиваются экскурсионной программой и мастер-классом. Пока сложно делать выводы о том, насколько активно музей будет взаимодействовать с местным сообществом, популярность у туристов он уже приобрел.

В третью группу были отнесены тематические музеи, созданные вне городского культурно-исторического контекста: Музей мифов и суеверий русского народа, Музей-галерея кукол, Музей тюремного искусства «Запретная зона», Музей игральных карт, Дом-музей В.И. Калашникова, Музей народной игрушки и традиционного искусства.

Музей мифов и суеверий русского народа.

Этот музей появился в Угличе в 2001 году. Его создатели – супружеская пара из Петербурга, художники, люди, интересующиеся русским фольклором и мифологией. Следует отметить, что полное название данного учреждения творческая мастерская Дарьи Чужой «Музей мифов и суеверий русского народа» [Музей мифов]. Музеем это пространство никогда не было, это творческая мастерская, где реализуются задумки автора. Использование в названии слова музей вполне объяснимо: в творческую мастерскую вряд ли пойдет простой, не близкий к искусству человек (турист), а музей привлечет многих. У творческой мастерской есть страница в Вконтакте, где публикуют информацию об «экспонатах», рекламируют сувенирную продукцию, а также ютуб – канал с тематическими видео-экскурсиями и лекциями, что свидетельствует о стремлении привлечь внимание аудитории, наладить диалог с потенциальными посетителями. В данном случае мы видим трансформацию в массовом сознании имени собственного – названия студии «Музей мифов и суеверий» в имя нарицательное Музей мифов. В этой связи воспринимается учреждение потенциальными посетителями именно как музей.

Музей-галерея кукол. Музей тюремного искусства «Запретная зона». Музей игральных карт.

Эти тематические музеи, открытые в 2003, 2004 и 2019 годах соответственно, объединены в один блок, поскольку их учредителем является

один человек – угличский адвокат М.В. Лотков. Это сугубо коммерческие проекты, не имеющие исторической связи с Угличем.

В Галерее кукол изначально были представлены работы О. Павлычевой, с недавнего времени здесь размещаются авторские куклы угличского мастера В. Большаковой, а галерея называется Музей «Кукольные истории». Несмотря на наличие «экспонируемого материала», главное пространство музея занимает магазин игрушек, площадь торгового павильона в несколько раз больше площади выставочного зала. Выставка кукол является в данном случае вариантом рекламы магазина.

Появление Музея тюремного искусства объясняется, вероятно, отражением профессиональной принадлежностью его создателя, а такая специфическая, можно сказать эпатажная тематика – это способ привлечения внимания посетителей. Аналогичная ситуация обстоит и с Музеем игральных карт. Несмотря на специфику тематики указанных музеев, они являются значимыми объектами туристической карты Углича.

Дом-музей В.И. Калашникова.

Этот музей был открыт в 2009 году. Исходя из названия, складывается предположение, что это мемориальный музей, посвященный известному российскому конструктору. Однако содержание «музейных экспозиций» мало соотносится с названием. Согласно данным, опубликованным в октябре 2020 года на странице сайта «Афиша Ярославль. Явкурсе» в социальной сети Вконтакте, в доме открыты три выставочных зала: Музей стекла, где представлены старинные зеркала, витражи, лампы, фарфор и стеклянная посуда: рюмки и графины, штофы и стаканы; Кабинет Калашникова, восстановленный таким, каким он был при жизни конструктора, где можно увидеть старинную мебель и иконы, семейные фотографии и фрагменты рукописей; экспозиция, которая рассказывает о культуре чаепития, с самоварами, заварочными чайниками, фарфоровыми чайными сервизами [Дом-музей Калашникова]. Из описания становится понятно, что две из трех выставок с Калашниковым не связаны. Вызывает вопросы и

«восстановленный кабинет, каким он был». Единственным достоверным фактом, отражающим связь музея и семьи Калашниковых, является сам дом. Этот дом принадлежал родителям изобретателя, Василий Иванович здесь родился.

Музей находится вдалеке от основных туристических маршрутов, поэтому даже с туристами взаимодействует мало. В справочнике «Негосударственные музеи Ярославской области» [Негосударственные музеи, 212, с. 134], сказано, что музей возник на базе предметов искусства и вещей, собранных за время работы антикварного магазина. Учитывая тот факт, что на доме размещена огромная вывеска «Антиквариат», а о музее нигде не упоминается, можно предположить, что именно торговая деятельность является сегодня основной в работе данного учреждения. Слово «музей» в названии использовалось для привлечения покупателей.

Музей народной игрушки и традиционного искусства.

Музей, являющийся филиалом Музея традиционного искусства народов мира «ТрадАрт» [Музей традиционного искусства…], был открыт в Угличе в 2017 году. Основу обоих музеев составляют собрания глиняных игрушек московских коллекционеров А.В. Быкова и А.Н. Миронова. Поскольку «головной» музей не имеет постоянной экспозиции, выставка в Угличе является единственным вариантом представления коллекции публике. Можно сказать, что Музей народной игрушки – это пример традиционного частного музея, отражающего процесс целенаправленного собирания коллекции, и стремящегося более к публичности, чем к коммерческой выгоде. Нам кажется, что для Углича такая музейная тематика кажется далекой, искусственно культивируемой. Учреждение достаточно сложно встраивается в музейную сеть города.

Рассмотрев историю создания и деятельность негосударственных музеев Углича, мы полагаем возможным охарактеризовать их специфику следующим образом:

1) тематика частных музеев Углича связана либо с малоизвестным фактом истории города, либо стремлением к необычности и эпатажу. К традиционным в репрезентации государственного музея культурно-историческим аспектам частные музеи, обычно, не обращаются;
2) идея «Город в музее» выражена, как правило, в незначительной степени, поскольку данная проблематика в достаточной степени выражена в государственном музее;
3) частные музеи активно формируют туристическое пространство города;
4) главным объектом коммуникации для частных музеев является турист;
5) частные музеи имеют ярко выраженную коммерческую основу.

Нам представляется значимым, что открытие тематических музеев в малых городах – это проявление все нарастающей тенденция конструирования туристической достопримечательности – «элемента социального пространства (место, объект, явление), притягивающего устойчивый интерес туристов к месту своей номинации» [Чернега, Туристическая достопримечательность…, 2014, с. 49]. Возникнув на определенной территории, частный музей становится частью городской среды, активизируя процессы ее развития. Кроме того, инициатива авторов тематических музеев воплощает идею о «креативном городе».

Черты, выделенные нами в отношении тематических музеев Углича, в равной степени свойственны подобным учреждениям других малых городов, в том числе Переславля, где действует музей «Царство ряпушки», музей граммофонов и грампластинок, музей крестьянского дизайна «Конь в пальто» и другие, и Ростова: музей Царевны-лягушки, музей Ежа Петровича, музей «Лукова слобода» и «Щучий двор».

Процесс создания музейной сети Углича начался в конце XIX века с учреждения Музея древностей, продолжился в конце XX, когда появились первые тематические музеи и активно осуществляется в XXI веке. Несмотря на то, что музейные практики города следуют общегосударственным тенденциям развития музейного мира, здесь можно выделить некоторые

сугубо локальные черты. Общими для всех музеев Углича являются следующие тенденции.

Презентация исторических пластов, выделенных нами в параграфе 2.1. и рассматриваемых в качестве основы для создания образа города, осуществляется несколько ограниченно, многие значимые аспекты в жизни города остаются не раскрытыми в музее. В то же время существуют музеи и экспозиции, потенциал которых до конца не выявлен.

Работа музеев с культурной памятью и идентичностью осуществляется достаточно активно, но, зачастую, не находит отклика у местного сообщества. Степень вовлеченности местных жителей в практики музея остается низкой.

Культурно-просветительская деятельность осуществляется музеями города в разных форматах, но преобладают экскурсионные практики. Среди категорий музейных посетителей основную часть составляют туристы и местные школьники.

Заключение

В нашем исследовании была развернута и рассмотрена на уникальном материале мысль о том, что русская провинция представляет собой особый культурный феномен, который имеет богатую традицию научного исследования. При этом «логос» провинции, ее самосознание творит город» [Инюшкин, 2004, с. 23]. К категории «провинциальный город» относятся все города страны за исключением Москвы и Санкт-Петербурга. Это очень обширная и неоднородная по своему составу группа. Города отличаются по ряду признаков, среди которых наиболее востребованным является показатель численности населения. Согласно статистическим данным 2020 года [Статистика] в России существует 1110 провинциальных городов, из которых 793 – это малые города с численностью населения менее 50 тысяч человек. Эта специфика обосновывает необходимость исследования феномена малого провинциального города.

Нами установлено, что анализ дефиниции «город» с применением социологического, семиотического, искусствоведческого (архитектурно-эстетического) и культурологического методов может быть экстраполирован на категорию «малый провинциальный город», но указанные методы не раскрывают специфику феномена малого провинциального города. Малый провинциальный город предстает как постоянно развивающаяся сложно организованная система, специфика которой обусловлена историческими и социокультурными особенности его генезиса и эволюции. Наиболее научно значимым и перспективным методом изучения феномена малого провинциального города признан системный метод, рассматривающий малый провинциальный город как сложную динамически развивающуюся социокультурную систему. В качестве наиболее целостной концепции исследования малого города в рамках системного подхода обозначена концепция «провинциальный исторический город – культурный универсум»,

совмещающая содержательные характеристики города и методологические модели его изучения.

Нами было определено, что онтологически значимым методом изучения малого провинциального города в современной культуре является аксиологический метод. Значимость аксиологического подхода к пониманию феномена малого города связана с ценностью города как хранителя историко-культурного наследия и воплощается в присвоении городу статуса «исторический город/поселение». В исследовании нами особо подчеркнута формальность и непроработанность критериальной системы оценки наследия города. При этом феномен малого провинциального города обусловлен как позитивными, так и негативными коннотациями выявленных его характеристик, которые частично являются амбивалентными. Так, позитивными коннотациями отмечены такие его характеристики, как удаленность от крупных городов, способствующая сохранению локальной идентичности, богатое историческое наследие, а негативными коннотациями отмечена та же самая удаленность от крупных городов, которая приводит к низкому уровню развития инфраструктуры и сферы досуга.

Основываясь на системном и аксиологическом методах, мы выявили специфику провинциального музея, детерминированную особенностями социокультурной среды и взаимодействия музея и города.

Характеристики провинциального музея раскрыты на основе ретроспективного анализа развития данной категории музеев в отечественной культуре. Эта модель сформирована и детерминирована особенностями социокультурной среды и раскрывается в его ключевых функциях. Установлено, что тип провинциального музея возник во второй половине XIX века и обозначался термином «местный музей» или «музей местного края». С середины 1920-х годов для обозначения провинциальных музеев утвержден термин краеведческий музей, активно применяемый в музеологии и сегодня. Обе дефиниции постулируют тезис о связи провинциального музея с

конкретной территорией. Музей формирует образ конкретной территории (города), выполняя презентативную функцию.

Специфика музейных институций в период конца XX – XXI века раскрыта в исследовании в контексте культурно-исторических преобразований, произошедших в России в указанный период. В нашем исследовании выявлено и подчеркнуто, что для провинциального музея решающее значение приобретает проблематика культурной идентификации на основе обращения к историческому прошлому. Музей по традиции, которая отчетливо прочитывается малом провинциальном городе, выступает институтом культурной памяти, целью которого является формирование идентификационных основ локального социума (идентификационная функция).

Нами определено, что постоянной и непременной функцией провинциального музея является культурно-просветительская функция, которая реализуется в процессе взаимодействия с местным сообществом. Актуальность и востребованность музея детерминирована широким выбором форм работы и отсутствием иных культурно-просветительских учреждений. В проведенном нами исследовании выявлены аспекты взаимодействия музея и города, в ходе анализа которых доказана культурная, социальная и экономическая значимость музейной институции для малого города. Установлена взаимообусловленность музейных практик и процесса взаимодействия города и музея (коммуникативная функция).

На основе проведенного исследования сделан вывод о значимости музея как культурной институции для малого провинциального города и важности комплексного исследования музейных практик.

Проанализировав культурно-исторический и социокультурный контекст формирования Углича как малого провинциального города, мы обосновали культурно-историческую ценность малого провинциального города Углича. Для обозначения городов, подобных Угличу, – обладающих совокупностью признаков исторического города, но не имеющих официального статуса

«историческое поселение», – мы считаем возможным применять термин «исторический город» без утверждения официального (юридического) статуса. Мы выделили пласты в «стратиграфии Углича», способные создать уникальный образ Углича в пространстве музея.

В проведенном нами исследовании установлено, что практики музеев малого города целесообразно характеризовать на основе разделения музейных институций на государственные и негосударственные. Нами отмечено, что государственный музей (Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей) имеет большую в сравнении с негосударственными музеями связь с городом, что обусловлено его «возрастом», местом расположения (территория бывшего кремля – ядро города), связью с архитектурно-пространственной средой (архитектурный ансамбль Угличского кремля). В исследовании определено, что в своих практиках государственный музей наиболее полно раскрывает функции, характерные для провинциальных музеев. Презентативная функция реализуется музеем в экспозиционных практиках, а также воплощается в образности архитектурных объектов. Функция музея как института культурной памяти для формирования коллективной идентичности местного населения имманентно присутствует во всех направления деятельности. Практики коммуникации (экскурсии, лекции, праздники, медиаконтент, издательская деятельность) соотносятся с культурно-просветительской функцией провинциального музея.

Мы пришли к выводу, что музейные практики большинства негосударственных музеев отличает слабая связь с локальной спецификой, следствием чего становится утрата идентификационной и презентативной функций музейным учреждением. Для негосударственных музеев характерно активное развитие коммуникационных практик (мастер-классы, концерты, медиа), ориентированных на туристическую аудиторию; скромный музейно-образовательный потенциал. Программы в рамках культурно-образовательной деятельности негосударственных музеев носят тематический характер,

обусловленный содержанием музейных коллекций. Негосударственные музеи ориентированы на формирование туристической среды города. Несмотря на данную доминирующую тенденцию, ряд негосударственных музеев полностью соответствует специфике провинциального музея, а работа с местным сообществом организована лучше, чем в государственном музее.

Нами определено, что музейные практики малого провинциального города, отражая общегосударственные тенденции развития музейной сферы, обладают специфическими чертами, обусловленными особым значением музея в малом городе, закодированным в его ключевых функциях.

Библиографический список

1. «Вглядись в минувшее бесстрастно…»: Культурная жизнь Ярославского края 20 – 30-х гг. : документы и материалы / под ред. А.М. Селиванова. – Ярославль, 1995. – 392 с. – Текст : непосредственный.

2. ICOM объявляет об альтернативном определении музея, которое будет подлежать голосованию. 25 июля 2019. – Текст : электронный // Международный совет музеев ICOM: сайт. – URL: https://icom.museum/en/news/icom-announces-the-alternative-museum-definition-that-will-be-subject-to-a-vote/ (дата обращения : 20.10.2019).

3. Аверьянов, К. А. Купли Ивана Калиты / К. А. Аверьянов. – Москва : Энциклопедия российских деревень, 2001. – 240 с. – URL: https://vk.com/wall-56611080_31267 (дата обращения: 19.04.2021). – Текст : электронный.

4. Александрова, М. В. Образ российской провинции в травелогах иностранных путешественников XIX века (на материалах Ярославской губернии) / М. В. Александрова. – Текст : электронный // Мир русскоговорящих стран. – 2021. – № 1 (7). – С. 111-118. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=45793002 (дата обращения: 23.06.2021).

5. Алякина, К. В. Провинциальный музей как «культурное гнездо» : автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. культуролог.н. : 24.00.01 / К. В. Алякина ; Самарский государственный университет. – Самара, 2002. – 19 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_376970/ (дата обращения: 12.10.2021). – Текст : электронный.

6. Анимица, Е. Г., Медведева, И. А., Сухих, В. А. Малые и средние города: научно-теоретические аспекты исследований : [монография] / Е. Г. Анимица, И. А. Медведева, В. А. Сухих ; М-во образования Рос. Федерации. Ур. гос. экон. ун-т. – Екатеринбург ; Пермь, 2003. – 105 с. – Текст : непосредственный.

7. Антан, А. Ю., Казанцев, Д. А. Продвижение как элемент комплекса музейного маркетинга / А. Ю. Антан, Д. А. Казанцев. – Текст : электронный

// Сборник научных статей международной конференции «Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования (Барнаул. 20-24 октября 2015)». – С. 3010–3015. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24753391 (дата обращения: 20.10.2020).

8. Анхольт, С., Хильдрет, Д. Бренд Америка: мать всех брендов / С. Антхольт, Д. Хильдрет ; пер. с анг. А. Дадыкин. – М. : ООО «Издательство «Добрая книга», 2010. – 232 с. – URL: http://www.dkniga.ru/upload/iblock/866/866ceeaeb375fb43a46ee1e36c029c5f.pdf (дата обращения: 17.11.2021). – Текст: электронный.

9. Анциферов, Н. П. Пути изучения города как социального организма: опыт комплексного подхода / Н. П. Анциферов. – Л. : «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1926. – 151 с. – Текст : непосредственный.

10. Армеев, Р. А., Малинин, Е. А. Время по Угличу: очерки истории Угличского производственного объединения «Чайка» / Р. А. Армеев, Е. А. Малинин. – М. : Внешторгиздат, 1990. – 200 с. – Текст : непосредственный.

11. Архив Угличского музея (отдел фондов). О. 10. Д. 192. Л. 1–15.

12. Архив Угличского музея (отдел фондов). О. 11. Д. 228. Л. 1–15; Д. 227. Л. 1–5.

13. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с. – URL: https://bookree.org/reader?file=716805 (дата обращения: 20.04.2020). – Текст : электронный.

14. Астафьева, О. Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося / О. Н. Астафьева. – Текст : электронный // Вопросы социальной теории. – 2011. – Т. 5. – С. 223–241. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17271970 (дата обращения: 14.12.2019).

15. Астафьева, О. Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности / О. Н. Астафьева. – Текст : электронный // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. 4. – С. 255–281. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16217682 (дата обращения: 11.01.2020).

16. Астахов, О. Ю., Черняева, И. В. Художественная коммуникация в современном выставочном пространстве Сибири / О. Ю. Астахов, И. В. Черняев. – Текст: электронный // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 14. – № 6. – С. 757–766. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=46327236 (дата обращения: 5.12.2021).

17. Барабошина, Н. В. Хронотоп малого города: Бузулук – культурное пограничье : автореф. дис…канд. философских наук : 24.00.01 / Н. В. Барабошина ; ГБОУ ВПО «Самарский государственный медицинский университет». – Саранск, 2013. – 25 с. – URL: https://www.dissercat.com/content/khronotop-malogo-goroda-buzuluk-kulturnoe-pogranichе/read (дата обращения: 11.06.2021). – Текст : электронный.

18. Беззубова, О. В. Музей как новая форма коммеморации: культура и политика / О. В. Беззубова. – Текст : электронный // Мировые тренды и музейная практика в России : сборник статей международной научной конференции. – М., 2018. – С. 212–220. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41274593 (дата обращения: 1.09.2020).

19. Беляева, М. А. Музейные практики как инструмент региональной политики брендирования территории / М. А. Беляева. – Текст: электронный // Политики и культура: проблемы взаимодействия в современном мире : сборник статей. – Будапешт – Киров, 2019. – С. 357–386. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41267967 (дата обращения: 11.04.2021).

20. Бердяев, Н. А. Судьба России. – М. : Сов. Писатель, 1990. – 346 с. – Текст : непосредственный.

21. Бестужев-Лада, И., Озерная, М. Музей в системе культуры / И. Бестужев-Лада, М. Озерная. – Текст : непосредственный // Декоративное искусство СССР. – 1976. – № 9. – С. 6–10.

22. Благотворительный фонд Владимира Потанина : [официальный сайт]. – URL: https://www.fondpotanin.ru/ (дата обращения: 15.04.2021). – Текст : электронный.

23. Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко : [официальный сайт]. – URL: http://timchenkofoundation.org/konkursy-i-granty/vserossijskij-konkurs-kulturnaja-m/ (дата обращения: 15.04.2021). – Текст : электронный.

24. Большая советская энциклопедия. – URL: http://bse.sci-lib.com/article011905.html (дата обращения: 6.04.2021). – Текст : электронный.

25. Бонами, З. А. Музей в дискурсе аффекта / З. А. Бонами. – Текст : электронный // Политика аффекта: музей как пространство публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Склез, К. Сувериной. – М. : Новое литературное обозрение, 2019. – С. 53–83. – URL: https://culture.wikireading.ru/94992 (дата обращения: 3.04.2021).

26. Будко, А. А. Кризис современного музея: между универсальностью и уникальностью / А. А. Будко. – Текст : электронный // Музей. – 2009. – № 9. – С. 32–36. – URL: http://museumstudy.ru/wp-content/uploads/2015/12/budko_crisis.pdf (дата обращения: 2.04.2021).

27. Будко, А. А. Образ музея в XXI веке / А. А. Будко. – Текст : электронный // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2015. – Т. 212. – С. 11–18. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25296671 (дата обращения: 4.04.2021).

28. Бурлина, Е. Я. «Что ни город, то хронотоп». Пространственно-временная диагностика города / Е. Я. Бурлина. – Текст : электронный // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 9 (63). – С. 103–108. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30009565 (дата обращения: 14.09.2021).

29. В России больше нет и может уже не быть исторических поселений? / nathalie_zh. – Текст : электронный // Между прошлым и будущим… : Живой

журнал. – 17 июня 2014. – URL: https://nathalie-zh.livejournal.com/123462.html (дата обращения: 10.03.2021).

30. В Угличе открылся «Музей Авангардов». – Текст : электронный // Информационное агентство «Ярновости». – 17.09.2009. – URL: https://yarnovosti.com/news/news_22815/#:~:text=В%20Угличе%20открылся%20«Музей%20Авангардов».,нейтральное%20имя%20вместо%20прежнего%20«революционного» (дата обращения 12.05.2021).

31. Вебер, М. Город / М. Вебер : пер. с нем. М. Левина ; науч. ред. К. Левинсон. – М. : Strelka Press, 2017. – 252 с. – Текст : непосредственный.

32. Верещагина, Т. А. Теоретические основы обеспечения самодостаточности малых городов / Т. А. Верещагина. – Текст : электронный // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 10. – С. 33–40. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=9931039 (дата обращения: 10.06.2021).

33. Веселова, М. Н. Проблемы определения понятия и сущности исторического города / М. Н. Веселова. – Текст : электронный // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2009. – № 2. – С. 117–124. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12937199 (дата обращения: 15.03.2021).

34. Вздорнов, Г. И. Реставрация и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи / Г. И. Вздорнов. – М. : Индрик, 2006. – 412 с. – Текст : непосредственный.

35. Визгалов, Д. В. Брендинг города / Д. В. Визгалов. – М. : Институт экономики города, 2011. – 155 с. – URL: https://urbaneconomics.ru/sites/default/files/3467_import.pdf (дата обращения: 12.04.2021). – Текст : электронный.

36. Вирт, Л. Урбанизм как образ жизни / Л. Вирт. – Текст : непосредственный // Избранные работы по социологии : сборник переводов / РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии ; пер. с англ. В. Г. Николаев ; отв. ред. Л. В. Гирко. – М. : ИНИОН, 2005. – С. 93–118.

37. Вирт, Л. Человеческая экология / Л. Вирт. – Текст : непосредственный // Избранные работы по социологии : сборник переводов / РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии ; пер. с англ. В. Г. Николаев ; отв. ред. Л. В. Гирко. – М. : ИНИОН, 2005. – С. 39–50.

38. Воробьёва, О. Ю. Актуализация культурной памяти в деятельности провинциального музея / О. Ю. Воробьёва. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2021. – № 1 (118). – С. 195–201.

39. Воробьёва, О. Ю. Исторический город в современной культуре: культурологический дискурс и юридический статус / О. Ю. Воробьёва. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 4 (27). – С. 220–230.

40. Воробьёва, О. Ю. Культурная травма и её репрезентация в экспозиции Угличского музея (гибель царевича Димитрия) / О. Ю. Воробьёва. – Текст : непосредственный // Культура. Литература. Язык : материалы 74-ой международной научной конференции / под науч. ред. М. Ю. Егорова. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. – С. 39–43.

41. Воробьёва, О. Ю. Музей в современном массовом сознании (на примере города Углича) / О. Ю. Воробьёва. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 3 (108). – С. 198–203.

42. Воробьёва, О. Ю. Презентация музеев Углича в социальных сетях / О. Ю. Воробьёва. – Текст : непосредственный // Творческая личность – 2020: Культурфилософский анализ медийной эпохи : сборник статей. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. – С. 250–255.

43. Воробьёва, О. Ю. Экспозиции Угличского музея: от Музея древностей до собрания комплексного профиля / О. Ю. Воробьёва. – Текст : непосредственный // Культура. Литература. Язык : материалы 73-ей международной научной конференции / под науч. ред. М. Ю. Егорова. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. – С. 83–87.

44. Воронина, Н. И. Культурная политика в пространстве современной провинции / Н. И. Воронина. – Текст : электронный // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 192–199. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22751894 (дата обращения: 2.03.2020).

45. Воронина, Н. И. Толерантность процесса идентификации / Н. И. Воронина. – Текст : электронный // Гуманитарные науки и образование – 2010. – № 1 (1). – С. 28–31. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15568995 (дата обращения: 3.09.2019).

46. Воронина, Н. И. Этос «мы» и проблемы самоидентификации / Н. И. Воронина. – Текст : электронный // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2012. – № 2 (18). – С. 39–44. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18064563 (дата обращения: 3.09.2019).

47. Галла, А. Городская музеология: идеология примирения / А. Галла ; пер. на русс. яз. ЗАО «Издания ЮНЕСКО на русском языке». – Текст : непосредственный // Museum. – 1996. – № 1 (187). – С. 40–45.

48. Где прописан, где живешь? – Текст : непосредственный // Углече поле. – 2006. – № 3. – С. 12.

49. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в полное собрание законов с 1649 по 1900 год / сост. П. П. фон-Винклер. – [Репринт. воспроизведение изд. 1899 г.]. – М. : Планета, 1990. – 222 с. – URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01001578231#?page=240 (дата обращения: 28.04.2021). – Текст : электронный.

50. Глазычев, В. Л. Уездный город N / В. Л. Глазычев // Отечественные записках. – 2002. – № 6 (7). – URL: http://www.glazychev.ru/habitations&cities/2002_UezdGrad.htm (дата обращения: 12.10.2021). – Текст : электронный.

51. Голейзовский, Н. К. Дионисий и князь Андрей Угличский / Н. К. Голейзовский. – Текст : электронный // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2005. – № 4 (22). – С. 103–118. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=11717658& (дата обращения: 25.04.2021).

52. Горелова, И. Р., Межевикин, И. В. Образ крупного города в восприятии его жителей / И. Р. Горелова, И. В. Межевикин. – Текст : электронный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2016. – № 4 (13). – С. 15–18. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27669825 (дата обращения: 10.09.2020).

53. Города России. – URL: http://города-россия.рф (дата обращения: 8.04.2021). – Текст : электронный.

54. Городская среда. Технология развития: настольная книга / Акад. гор. Среды ; [подгот. В. Л. Глазычев и др.]. – М. : Ладья, 1995. – 239 с. – URL: http://www.glazychev.ru/books/gorodskaya_sreda/gorodskaya_sreda.htm (дата обращения: 12.10.2021). – Текст : электронный.

55. Горстка, А. Н. Святой царевич Димитрий Угличский / А. Н. Горстка. – М. : Северный паломник, 2003. – 96 с. – Текст : непосредственный.

56. Горстка, А. Н. Горяй / А. Н. Горстка. – Углич : Угличский музей ; Рыбинск : Рыбинский музей-заповедник, 2005. – 106 с. – Текст : непосредственный.

57. Горстка, А. Н. Из истории культурной жизни Углича времени Андрея Васильевича Большого / А. Н. Горстка. – Текст : непосредственный // Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья. – 1998. – Вып. 5. – С. 52–71.

58. Горстка, А. Н. Наследие Андрея Угличского и его судьба / А. Н. Горстка. – Текст : непосредственный // Углече поле. – 2016. – № 28. – С. 38–49.

59. Горстка, А. Н. Паисьево Евангелие – памятник палеографии и оформительского искусства последней четверти XV века / А. Н. Горстка. – Текст : непосредственный // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусссство. Археология : ежегодник. – Л. : Наука, 1986. – С. 343–349.

60. Государственное автономное учреждение культуры «Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей» :

[официальный сайт]. – URL: https://uglmus.ru/ (дата обращения: 6.05.2021). – Текст : электронный.

61. Государственное автономное учреждение культуры Ярославской области «Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей». – Текст : электронный // Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. – URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?museumIds=2515 (дата обращения: 8.05.2021).

62. Государственное учреждение культуры Ярославской области «Переславский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» : [официальный сайт]. – URL: http://museumpereslavl.ru/ru/index.html (дата обращения: 6.09.2021). – Текст : электронный.

63. Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль» : [официальный сайт]. – URL: https://www.rostmuseum.ru/ (дата обращения: 6.09.2021). – Текст : электронный.

64. Градостроительный кодекс РФ от 7 мая 1998 г. № 73-ФЗ. – URL: https://base.garant.ru/3999213/ (дата обращения: 23.10.2021). – Текст : электронный.

65. Гребенникова, Т. Г. Менеджмент и маркетинг в музейной деятельности : учеб. пособие / Т. Г. Гребенникова ; АлтГУ, Ист. фак., Каф. археологии, этнографии и музеологии. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2013. – 132 с. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24250497 (дата обращения: 21.10.2020). – Текст : электронный.

66. Гринько, И. А. Музей в создании образа города: анализ инструментария / И. А. Гринько. – Текст : электронный // Брендирование территорий: между маркетингом и фольклором : материалы международной научной конференции (Москва, 2–3 декабря 2016) / сост. М. В. Ахметов, М. И. Байдуж, Н. В. Петров. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – С. 20–23. – URL:

https://www.researchgate.net/publication/311495006_Grinko_IA_Muzej_v_sozdanii_obraza_goroda_analiz_instrumentaria_Brendirovanie_territorij_mezdu_marketingom_i_folklorom_Materialy_Mezdunarodnoj_naucnoj_konferencii_Moskva_2-3_dekabra_2016_g_Sost_MV_Ahme (дата обращения: 16.07.2021).

67. Гук, Д. Ю., Харитонова, Т. Ю., Богомазова, Т. Г. Музей в современном информационном пространстве. Потенциал социальных сетей / Д. Ю. Гук, Т. Ю. Харитова, Т. Г. Богомазова. – Текст: электронный // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 12(21). – С. 17–22. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25606432 (дата обращения: 1.12.2020).

68. Данильченко, И. В. Причины и процесс создания музеев-заповедников в СССР (на материалах Костромской и Ярославской областей) / И. В. Данильченко. – Текст: электронный // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 5. – С. 85–88. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22548287 (дата обращения: 6.11.2021).

69. Добрецова, С. А. Вятское как феномен массовой культуры в провинции / С. А. Добрецова. – Текст : электронный // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 3. – С. 351–358. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35192153 (дата обращения: 11.03.2019).

70. Добрецова, С. А. Особенности презентации частного музея в городском пространстве: «Музыка и время» / С. А. Добрецова. – Текст : электронный // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 2 (21). – С. 255–263. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=43084065 (дата обращения: 23.05.2021).

71. Дом-музей В. И. Калашникова. – Текст: электронный // Афиша Ярославль. Явкурсе : [страница в ВКонтакте]. – URL: https://vk.com/@yvkurse-dom-muzei-vi-kalashnikova (дата обращения: 12.05.2021).

72. Дроздова-Пичурина, Н. Н., Сапанжа, О. С. Диалектика пространственного дискурса музея и мегаполиса: к постановке проблемы / Н. Н. Дроздова-Пичурина, О. С. Сапанжа. – Текст : электронный // Музей.

Памятник. Наследие. – 2017. – № 1. – С. 87–93. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44378525 (дата обращения: 20.09.2021).

73. Дукельский, В. Ю. Город как преддверие музея / В. Ю. Дукельский. – Текст : электронный // Музей и регион / отв. ред. А. В. Лебедев ; сост. В. Ю. Дукельский. – М., 2011. – С. 269–292. – URL: http://future.museum.ru/lmp/books/archive/Musej_i_region.pdf (дата обращения: 15.04.2021).

74. Дукельский В.Ю. Музей в системе коммуникаций территориального образования / В. Ю. Дукельский. – Текст : электронный // Музейная коммуникация: модели, технологии, практики / отв. ред. В. Ю. Дукельский. – М., 2010. – С. 67–77. – URL: http://future.museum.ru/lmp/books/archive/Mus&Comm.pdf (дата обращения: 14.04.2021).

75. Дукельский, В. Ю., Чистяков, П. Г. И не стоит город без музея / В. Ю. Дукельский, П. Г. Чистяков. – Текст : электронный // Мир музея. – 2020. – № 6 (394). – С. 9–11.

76. Евреинов, К. Н. Прошлое Углича : исторический очерк / К. Н. Евреинов. – 2-е изд. – Углич : Угличский историко-художественный музей, 1997. – 41с. – Текст : непосредственный.

77. Еленев, М. Н. Историческая хроника 63-го пехотного Углицкого полка за 200 лет его существования 1708–1908 / Е. Н. Еленев. – Варшава : Типо-Литография и переплетная Б. А. Букаты, 1908. – 175 с. – URL: https://runivers.ru/lib/book6797/166388/ (дата обращения: 27.04.2021). – Текст: электронный.

78. Ермолин, Е. А. «А в Угличе играют дети в бабки и пахнет хлеб, оставленный в печи…» / Е. А. Ермолин. – Текст : непосредственный // Углече поле. – 2013. – № 18. – С. 20–27.

79. Ерохина, С. В. Роль интеллигенции в формировании культурной среды малого провинциального города на рубеже XIX–XX вв. (на примере г. Углича Ярославской губернии) / С. В. Ерохина. – Текст :

непосредственный // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 2. – С. 269–273.

80. Ерохина, Т. И. Некрасовский дискурс современного интернет-пространства / Т. И. Ерохина. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2020. – № 6 (117). – С. 153–162.

81. Ерохина, Т. И. Феномен памяти в массовой культуре: контрпамять и постпамять в отечественном кинематографе / Т. И. Ерохина. – Текст : электронный // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 5. – С. 269–274. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30549567 (дата обращения: 21.08.2020).

82. Ерохина, Т. И. Ярославский текст как семиотическая система / Т. И. Ерохина. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. Том 1 (Гуманитарные науки). – 2014. – № 4. – С. 249–255.

83. Ерохина, Т. И., Летина, Н. Н., Злотникова, Т. С. Сферы и уровни массовой культуры: российский дискурс / Т. И. Ерохина, Н. Н. Летина, Т. С. Злотникова. – Текст : электронный // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 5. – С. 255–264. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27339616 (дата обращения: 17.02.2019).

84. Желнина, З. Ю. Визуальный текст арктического города: методы анализа и варианты интерпретации / З. Ю. Желнина. – Текст : электронный // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 4 (72). – С. 87–93. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=42749661 (дата обращения: 14.11.2021).

85. Желнина, З. Ю. Мотивация и культурные стереотипы как факторы развития арктического туризма / З. Ю. Желнина. – Текст : электронный // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 2 (58). – С. 72–76. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36939182 (дата обращения: 14.11.2021).

86. Желнина, З. Ю. Туризм Мурманской области как драйвер развития территории / З. Ю. Желнина. – Текст : электронный // Общество: политика, эконоимка, право. – 2021. – № 9 (98). – С. 65–75. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=46669954 (дата обращения: 14.11.2021).

87. Заграевский, С. В. Культурно-историческая среда российских городов / С. В. Заграевский. – Текст : электронный // Территория и планирование. – 2011. – № 2 (32). – URL: http://terraplan.ru/arhiv/56-2-32-2011/975-658.html (дата обращения: 16.03.2021).

88. Закс, А. Б. Всероссийский музейный съезд / А. Б. Закс. – Текст : электронный // Научная библиотека Порталус. – 16 фев. 2018. – URL: https://portalus.ru/modules/russianculture/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1518789582&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 1.05.2021).

89. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель ; пер. с нем. – Текст : электронный // Логос. – 2002. – № 3. – URL: https://magazines.gorky.media/logos/2002/3/bolshie-goroda-i-duhovnaya-zhizn.html (дата обращения: 15.09.2021).

90. Зиновьева, Ю. В. Стратегии коммуникации музея: 20 лет постсоветской трансформации / Ю. В. Зиновьева. – Текст : электронный // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 3 (16). – С. 102–107. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20170551 (дата обращения: 14.04.2021).

91. Зиновьева, Ю. В., Мацкевич, Ю. Ю. Музей и его партнеры: взаимодействие с местным сообществом / Ю. В. Зиновьева, Ю. Ю. Мацкевич. – Текст : электронный // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2015. – Т. 212. – С. 83–92. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25296679 (дата обращения: 14.04.2021).

92. Злотникова, Т. С. Культурная память нации в массовом сознании современной России / Т. С. Злотникова. – Текст : электронный // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 3. – С. 325–328. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=26944445 (дата обращения: 17.04.2019).

93. Злотникова, Т. С. Провинциальный дискурс русской культуры / Т. С. Злотникова. – Текст : электронный // Философские науки. – 2019. – Т. 62. – № 11. – С. 14–26. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=41584727 (дата обращения: 1.03.2021).

94. Злотникова, Т. С., Киященко, Л. П., Летина, Н. Н., Ерохина, Т. И. Особенности массовой культуры российской провинции / Т. С. Злотникова, Л. П. Киященко, Н. Н. Летина, Т. И. Ерохина. – Текст : электронный // Социологические исследования. – 2016. – № 5 (385). – С. 110–114. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=26125619 (дата обращения: 5.04.2019).

95. Злотникова, Т. С., Летина, Н. Н. Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах / Т. С. Злотникова, Н. Н. Летина. – Текст : электронный // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 1. – № 2. – С. 238–243. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20386741 (дата обращения: 11.10.2019).

96. Зубаревич, Н. В. Социальная дифференциация регионов и городов / Н. В. Зубаревич. – Текст : электронный // Pro et Contra. – 2012. – Т. 16. – № 4–5. – С. 135–152. – URL: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_56_135-152.pdf (дата обращения: 10. 11.2021).

97. Иван Михайлович Гревс и петербургское краеведение : сборник ко 150-летию со дня рождения / сост. Б. С. Каганович, А. В. Кобак. – СПб. : Издательство «Европейский дом», 2010. – 116 с. – Текст : непосредственный.

98. Инюшкин, Н. М. Провинциальная культура: взгляд изнутри : монография / Н. М. Инюшкин. – Пенза, 2004. – 439 с. – URL: http://ec-dejavu.ru/p/Provinces.html (дата обращения: 3.06.2021). – Текст : электронный.

99. Ипатьевская летопись. – Текст : электронный.// Полное собрание русских летописей. – Т. 2. – Санкт-Петербург, 1908. – URL: https://runivers.ru/bookreader/book479785/#page/53/mode/1up (дата обращения: 17.04.2021).

100. Исторический город в аспекте национальной ментальности: научный ситком : сборник научных трудов / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Н. А. Дидковской. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – 173 с. – Текст : непосредственный.

101. Исторический город русской провинции – культурный универсум: научный ситком. Часть 2 : сборник научных трудов / науч. ред. Т. С. Злотникова, Н. А. Дидковская. – Ярославль, 2009. – 223 с. – Текст : непосредственный.

102. Исторический город русской провинции как культурный универсум : учебное пособие / науч. ред. Т. С. Злотникова, М. В. Новиков, Н. А. Дидковская, Т. И. Ерохина. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – 536 с. – Текст : непосредственный.

103. Каган, М. С. Москва – Петербург – провинция: «двустоличность» России — ее историческая судьба и уникальный шанс / М. С. Каган. – Текст : электронный // Российская провинция. – 1993. – № 1. – С. 16–27. – URL: https://studme.org/168618/filosofiya/moskva_peterburg_provintsiya_dvustolichnost_rossii_istoricheskaya_sudba_unikalnyy_shans_1993 (дата обращения: 10.05.2021).

104. Каган, М. С. Град Петров в истории русской культуры : учебное пособие для вузов / М. С. Каган. – 2-е изд., пер. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 515 с. – URL: https://urait.ru/viewer/grad-petrov-v-istorii-russkoy-kultury-454790#page/13 (дата обращения: 6.04.2021). – Текст : электронный.

105. Камерон, Д. Музей: храм или форум? / Д. Камерон ; пер. с англ. М. Гндовский // Музейное дело: музей – культура – общество : сборник научных трудов, 1992. – Вып. 2. – С. 259–275.

106. Карелина, Н. В. Комплекс музейного маркетинга: теоретический аспект / Н. В. Карелина. – Текст : электронный // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. – 2012. – № 2 (131). – С. 58–68. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23637679 (дата обращения: 20.10.2020).

107. Карпенкова, Т. В. Кардинальные изменения в мире, вызванные распадом СССР / Т. В. Карепенкова. – Текст : электронный // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 4. –

С. 124–135. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21533308 (дата обращения: 6.04.2020).

108. Карпова, Е. С. Мифологическая парадигма старинных русских городов: образ Углича в истории / Е. С. Карпова. – Текст : электронный // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 2. – Т. I. – С. 244–248. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20386742 (дата обращения: 20.04.2021).

109. Каулен, М. Е. Средовой музей в пространстве города / М. Е. Каулен. – Текст : электронный // Молодежь и социум. – 2012. – № 5. – С. 9–18. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18216011 (дата обращения: 20.09.2021).

110. Кимеева, Т. И., Абрамова, П. В., Пронина, С. А. Теоретические аспекты фондово-исследовательской деятельности этнографических музеев под открытым небом в Сибири / Т. И. Кимеева, П. В. Абрамова, С. А. Пронина. – Текст : электронный // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2020. – Т. 26. – № 2 (197). – С. 121–129. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/85812/1/iurp-2020-197-13.pdf (дата обращения: 5.12.2021).

111. Кимеева, Т. И. Методика атрибуции музейных предметов и возможности внутримузейной трансляции ее результатов / Т. И. Кимеева. – Текст : электронный // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 48. – С. 134–142. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=39198398 (дата обращения: 1.12.2021).

112. Кимеева, Т. И. Музейные коллекции в контексте современных культурологических исследований / Т. И. Кимеева. – Текст : электронный // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 3 (32). – С. 95–98. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=29952765 (дата обращения: 1.12.2021).

113. Кириков, Б. М. Углич / Б. М. Кириков. – Л. : Художник РСФСР, 1982. – 212 с. – Текст : непосредственный.

114. Кириллова, Н. Б., Ляпустина, П. А. Виртуализация культуры как фактор формирования нового музейного пространства / Н. Б. Кириллова, П. А. Ляпустина. – Текст : электронный // Вестник культуры и искусств. – 2020. – № 3 (63). – С. 51–60. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44048467 (дата обращения: 17.10 2019).

115. Киссель, Ф. Х. История города Углича: издание второе, репринтное и дополненное / Ф. Х. Киссель ; отв. ред. В. И. Ерохин. – Углич : Угличский историко-художественный музей, 1994. – 419 с. – Текст : непосредственный.

116. Кистенева, С. В. «Против зеркала хрустального…» (Угличские портреты XVIII–XIX веков) / С. В. Кистенева. – Текст : непосредственный // Углече поле. – 2016. – № 28. – С. 86–101.

117. Кистенева, С. В. Углич: город, завороженный прошлым / С. В. Кистенева. – Текст : непосредственный // Углече поле. – 2017. – № 30. – С. 18–35.

118. Коды массовой культуры: российский дискурс / науч. ред. Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. – 240 с. – Текст : непосредственный.

119. Колганова, В. А. Угличский музей (исторический очерк) / В. А. Колганова. – Текст : непосредственный // Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья. – Вып. 3. – Углич, 1993. – С. 7–24.

120. Колотилова, Э. Примерить шляпку, послушать романс, отведать блинов…в музее / Э. Колотилова. – Текст : непосредственный // Углече поле. – 2006. – № 3. – С. 27–28.

121. Комарова, И. И. Справочник научных обществ России / И. И. Комарова. – URL: http://www.snor.ru/?an=sc_215_1 (дата обращения: 1.05.2021). – Текст : электронный.

122. Кондаков, И. В. Русская культура: Краткий очерк истории и теории : учебное пособие / И. В. Кондаков. – М. : Книжный дом «Университет» (КДУ), 1998. – 360 с. – URL: https://fr.b-ok.cc/book/3116787/d1cc9c (дата обращения: 3.06.2020). – Текст : электронный.

123. Концепция развития музейной деятельности в Российской Федерации на период до 2020 года : принята в 2013. – URL: https://docplayer.ru/25886776-Koncepciya-razvitiya-muzeynoy-deyatelnosti-v-rossiyskoy-federacii-na-period-do-2020-goda.html (дата обращения: 10.04.2021). – Текст : электронный.

124. Короткова, М. В. «Новое краеведение» как современное направление развития музейной педагогики XXI века / М. В. Короткова. – Текст : электронный // Наука и школа. – 2018. – № 1. – С. 100–103. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novoe-kraevedenie-kak-sovremennoe-napravlenie-razvitiya-muzeynoy-pedagogiki-hhi-veka/viewer (дата обращения: 5.04.2021).

125. Корытина, М. А. Культурная глобализация: феномен, сущность, противоречия процесса / М. А. Корытина. – Текст : электронный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: философия, психология, педагогика. – 2016. – № 4. – Т. 16. – С. 381–387. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28357918& (дата обращения: 4.06.2020).

126. Критский, П. А. Наш край. Опыт родиноведения / П. А. Критский. – Ярославль : Типолитография Губернской Земской Управы, 1907. – 309с. – Текст : непосредственный.

127. Крогиус, В. Р. Исторические города России как феномен ее культурного наследия / В. Р. Крогиус. – М. : Прогресс-Традиция, 2009. – 312 с. – Текст : непосредственный.

128. Кулагин Алексей Викторович, организатор и руководитель Музея истории Углича, краевед (02.02.1961 г.р.) : историческая справка // Интернет портал архивной службы Ярославской области. – URL: https://af.yar-archives.ru/archive5/funds/10000070542 (дата обращения: 10.05.2021). – Текст : электронный.

129. Культурный универсум в предметном поле культурологии, истории, философии, искусствоведения, филологии: научный ситком Часть 1 : сборник научных трудов / науч. ред. Т. С. Злотникова, Н. А. Дидковская. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. – 152 с. – Текст : непосредственный.

130. Культурология: Энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. и автор проекта С. Я. Левит. – М., 2007. – Текст : непосредственный.

131. Культурология : учебник для бакалавров / под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана . – М. : Издательство Юрайт, 2012. – 566 с. – Текст : непосредственный.

132. Куницына, Ю. Б. Две Псалтири из Углича / Ю. Б. Куницына. – Текст : непосредственный // Книжная культура Ярославского края – 2012 : сборник статей и материалов / Ярославская областная универсальная научная библиотека имени Н. А. Некрасова ; под ред. Н. В. Амбросимовой. – Ярославль : Издательство бюро «ВНД», 2013. – С. 27–32.

133. Ладыгина, Т. А. Музейные коммуникации: продвижение историко-культурного наследия малого города / Т. А. Ладыгина. – Текст : электронный // Коммуникология. – 2018. – Т. 6. – № 5. – С. 155–162. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36446690 (дата обращения: 11.04.2021).

134. Ленгвенс, Л. Ф. Построили в Угличе ГЭС и шлюз… / Л. Ф. Ленгвенс. – Текст : непосредственный // Углече поле. – 2014. – № 1(21). – С. 80–91.

135. Летина, Н. Н. Культурные коды русской провинции / Н. Н. Летина. – Текст : электронный // Человек. Культура. Образование. – 2020. – № 4 (38). – С. 124–139. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44613634 (дата обращения: 5.04.2021).

136. Летина, Н. Н. Русский интернет-дискурс современной массовой культуры / Н. Н. Летина. – Текст : электронный // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 6. – С. 360–365. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30798423 (дата обращения: 18.11.2018).

137. Линч, К. Образ города / К. Линч ; пер. с англ. В. Л. Глазычев ; сост. А. В. Иконников ; под ред. А. В. Иконникова. – М. : Стойиздат, 1982. – 328 с. – Текст : непосредственный.

138. Лиуконен, Е. А. Архитектурные памятники Углича : путеводитель-справочник / Е. А. Лиуконен. – Углич : ООО «Издательский дом «Углич», 2011. – 118 с. – Текст : непосредственный.

139. Лиуконен, Е. А. История завода, отраженная в музейных предметах / Е. А. Лиуконен // Угличский историко-архитектурный и художественный музей : [официальный сайт]. – URL: https://uglmus.ru/publics/urmz/ (дата обращения: 28.04.2021). – Текст : электронный.

140. Лиуконен, Е. А. План Ярославского наместничества городу Угличу / Е. А. Лиуконен. – Текст : непосредственный // Углече поле. – 2016. – № 28. – С. 16–31.

141. Лихачев, Д. С. Краеведение как наука и как деятельность / Д. С. Лихачев. – Текст : электронный // Русская культура: сборник. – М. : Искусство, 2000. – С. 159–175. – URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/D.S._Lihachev_Russkaya_kultura.pdf (дата обращения: 5.04.2021).

142. Личак, Н. А. Сохранение памятников искусства и старины 1920–1930-х годов: концептуальный подход / Н. А. Личак. – Текст : электронный // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XVI Международной научной конференции : в 2 ч. – 2017. – С. 85–89. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30479656 (дата обращения: 5.12.2020).

143. Лобанова, В. Музей как фактор развития территории / В. Лобанова. – Текст : электронный // Музей и регион / отв. ред. А. В. Лебедев ; сост. В. Ю. Дукельский. – М., 2011. – С. 105–157. – URL: http://future.museum.ru/lmp/books/archive/Musej_i_region.pdf (дата обращения: 14.04.2021).

144. Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении / Ю. М. Лотман. – Текст : электронный // Избранные статьи : в 3-х т. – Т. 1. – Таллинн : Александра, 1992. – С. 200–202. – URL: http://philology.ru/literature1/lotman-92f.htm (дата обращения: 10.04.2020).

145. Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман. – Текст : электронный // История и типология русской культуры. – СПб : «Искусство – СПБ», 2002. – С. 208–222. – URL:

https://imwerden.de/pdf/lotman_istoriya_i_tipologiya_rus_cultury.pdf (дата обращения: 3.04.2021).

146. Лысова, Н. Ю. Город как пространство культурно-исторической памяти / Н. Ю. Лысова. – Текст : электронный // Регионология. – 2011. – № 2 (75). – С. 284–285. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16447607 (дата обращения: 7.04.2021).

147. Лысова, Н. Ю. Малый исторический город: культурные параметры и актуальные проблемы / Н. Ю. Лысова. – Текст : электронный // Регионология. 2008. – № 2. – С. 357–359. – URL: https://regionsar.ru/ru/node/125 (дата обращения: 8.04.2021).

148. Лэндри, Ч. Креативный город / Ч. Лэндри ; пер. с англ. – М. : Издательский дом «Классика-XXI», 2018. – 400 с. – Текст : непосредственный.

149. Малыгина, И. В. Идентичность в пространстве пост-культуры / И. В. Малыгина. – Текст : электронный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2019. – № 13 (829). – С. 173–185. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41586555 (дата обращения: 18.05.2021).

150. Малыгина, И. В. Региональное измерение российской идентичности: между культурой и экономикой / И. В. Малыгина. – Текст : электронный // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 42. – С. 110–117. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35431725 (дата обращения: 18.05.2021).

151. Малыгина, И. В. Российская идентичность в контексте «разломов» глобального и локального / И. В. Малыгина. – Текст : электронный // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 1. – № 1. – С. 242–246. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20386686 (дата обращения: 18.05.2021).

152. Малыгина, И. В. Феномен «Memoria» в современном дискурсе идентичности / И. В. Малыгина – Текст : электронный // Наука без границ:

синергия теорий, методов и практик : материалы Международной научной конференции / отв. ред. О. К. Ирисханова. – М., 2020. – С. 442–445. – Текст: электронный. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44103390 (дата обращения: 18.05.2021).

153. Мамфорд, Л. Культура городов / Л. Мамфорд. – Текст : электронный // Проект Фонда содействию сохранения культурного наследия «Русский Авангард». – Презентации книг классиков урбанистики. – 5 августа 2011. – URL: https://www.slideshare.net/Myfriz/1938-8781505 (дата обращения: 8.09.2021).

154. Мастеница, Е. Н. Современный музей в ракурсе корпоративной культуры / Е. Н. Мастеница. – Текст : электронный // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2012. – № 3 (12). – С. 113–123. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-muzey-v-rakurse-korporativnoy-kultury/viewer (дата обращения: 15.05.2021).

155. Мастеница, Е. Н. Город как пространство памяти: музеологический аспект / Е. Н. Мастеница. – Текст : электронный // Историко-культурное наследие как потенциал развития туристско-рекреационной сферы : материалы Международной научно-практической конференции / Казанский государственный университет культуры и искусств ; сост.: Р. М. Валеев, В. Р. Алиакберова, Д. Ф. Файзуллина ; науч. ред. Р. Р. Юсупов, Р. М. Валеев. – 2014. – С. 6–15. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27584901 (дата обращения: 8.04.2021).

156. Мастеница, Е. Н. Музей в начале третьего тысячелетия: ведущие тенденции развития / Е.Н. Мастеница. – Текст : электронный // Общество. Среда. Развитие. – 2020. – № 3. – С. 46–54. – URL: https://www.terrahumana.ru/arhiv/20_03/20_03_08.pdf (дата обращения: 4.04.2021).

157. Мастеница, Е. Н. Социальные функции музея в глобальном мире / Е. Н. Мастеница. – Текст : электронный // Труды Санкт-Петербургского

государственного института культуры. – 2015. – Т. 210. – С. 229–236. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25721635 (дата обращения: 2.06.2020).

158. Мельникова, С. В., Поршнева, О. С. Образ города и его функционирование в культурно-историческом контексте: к постановке проблемы (на примере Екатеринбурга) / С. В. Мельникова, О. С. Поршнева. – Текст : электронный // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2016. – Т. 11. – № 4 (158). – С. 166–172. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43838/1/iuro-2016-158-16.pdf (дата обращения: 16.04.2021).

159. Методическая разработка по экспозициям галереи «Под Благодатным Покровом» / сост. Е.С. Карпова ; Угличский музей. – 2019. – На правах рукописи. – Текст : непосредственный.

160. Методические рекомендации оценки историко-культурной ценности поселения. Применение критериев историко-культурной ценности поселения в оценке недвижимости, расположенной в границах исторического поселения / Э. А. Шевченко, А. А. Никифоров, А. В. Лукашев [и др.] ; под редакцией Э. А. Шевченко. – Санкт-Петербург : Зодчий, 2014. – 264 c. – URL: http://www.iprbookshop.ru/35180.html (дата обращения: 22.03.2021). – Текст : электронный.

161. Мещеряков, Т. В. Бренд как коммуникативный материал / Т. В. Мещеряков, И. Ю. Окольнишникова, Г. Ю. Никифорова. – Текст : электронный // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 1 (37). – С. 149–153. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=17068440& (дата обращения: 12.04.2021).

162. Мещеряков, Т. В. Бренд, в котором я живу…: Бренд территории как символический капитал / Т. В. Мещеряков. – Текст : электронный // Креативная экономика. – 2008. – № 8(20). – С. 61–69. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11394913 (дата обращения: 12.04.2021).

163. Минин, А. Концепция 4P – E. Jerome McCarthy / А. Минин. – Текст : электронный // Маркетинг для практиков. – 2015. – Ноябрь. – URL: https://marketing-course.ru/koncep-4p-mccarthy/ (дата обращения: 22.10.2020).

164. Михайловский, Е. В. Углич / Е. В. Михайловский. – Текст : электронный // Сокровища русского зодчества / под общ. ред. ак. В. А. Веснина. – М. : Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1948. – 56 с.

165. Могилянский, Н. М. Областной или местный музей как тип культурного учреждения / Н. М. Могилянский. – Текст : электронный // Живая старина. – 1916. – Вып. 4. – С. 303–326. – URL: https://www.booksite.ru/jiv/1916_4.pdf (дата обращения: 27.10.2020).

166. Могутова, Л. С. Исторический город: социокультурная характеристика и тенденции развития : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Л. С. Могутова. – М., 1998. – 25 с. – URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01000207551#?page=1 (дата обращения: 10.04.2021). – Текст : электронный.

167. Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах : коллективная монография / М-во образования и науки РФ, Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, Науч.-образоват. центр «Культуроцентричность науч.-образоват. Деятельности» ; [под науч. ред.: Т. С. Злотниковой и др.]. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013. – 292 с. – Текст : непосредственный.

168. Музей авангардного и наивного искусства «Авангард. Углич». – Текст : электронный // Туристский информационный центр «Углич» : [официальный сайт]. – URL: https://визитуглич.рф/info/museums/musey_avangard/ (дата обращения: 12.05.2021).

169. Музей в городе – город в музее : сборник материалов III научно-практической конференции, 7–8 декабря 2018, Музей Москвы. – М. : Музейное объединение «Музей Москвы», 2018. – 48 с. – URL: https://mosmuseum.ru/wp/wp-content/uploads/conference/2018.pdf (дата обращения: 4.11.2021). – Текст : электронный.

170. Музей городского быта XIX века. – Текст : электронный // Фестиваль музейных путешествий «Музейный ретрит» : [официальный сайт]. – URL: https://independentmuseums.ru/festival/museums/urban-life-19th-century/ (дата обращения: 11.05.2021).

171. Музей городского быта XIX века. – Текст : электронный // Фестиваль музейных путешествий «Музейный ретрит» : [официальный сайт]. – URL: https://independentmuseums.ru/festival/museums/urban-life-19th-century/ (дата обращения: 11.05.2021).

172. Музей городского быта в Угличе : [официальный сайт]. – URL: https://uglich-museum.ru/ (дата обращения: 11.05.2021). – Текст : электронный.

173. Музей истории города Углича : [официальный сайт]. – URL: http://historyofuglitch.narod.ru/Excursions.html (дата обращения: 10.05.2021). – Текст : электронный.

174. Музей кожевенного ремесла г. Углич : [официальный сайт]. – URL: http://kozhremeslomuzeum.muzylevstyle.ru/ (дата обращения: 7.11.2021). – Текст : электронный.

175. Музей мифов и суеверий русского народа : [официальный сайт]. – URL: http://sueverija.narod.ru/ (дата обращения: 11.05.2021). – Текст: электронный.

176. Музей традиционного искусства народов мира «ТрадАрт» : [официальный сайт]. – URL: https://tradartmuseum.ru/ (дата обращения: 12.05.2021). – Текст : электронный.

177. Музеи. Маркетинг. Менеджмент : практ. пособие / [редкол.: С. Кози, С. Фокс (брит. сторона) ; В. Дукельский, Н. Никишин (рос. сторона)]. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 222 с. – URL: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/374/66374/38447?p_page=3 (дата обращения: 22.10.2020). – Текст : электронный.

178. Музейное дело России / под ред. М. Е. Каулен, И. М. Коссовой, А. А. Сундиевой. – М. : Издательство «ВК», 2003. – 614 с. – Текст : непосредственный.

179. Мухин, К. Музей древностей / К. Мухин. – Углич, 1915. – 64 с. – Текст : непосредственный.

180. Национальный проект «Культура» : принят в 2018 г. // Министерство культуры РФ : [официальный сайт]. – URL: https://culture.gov.ru/about/national-project/about-project/ (дата обращения: 11.04.2021). – Текст : электронный.

181. Негосударственные музеи Ярославской области : информационный справочник / Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник ; сост. Н. А. Заболотская, Л. Я. Смирнова. – 2-е изд., доп. – Ярославль, 2012. – 157 с. – Текст : непосредственный.

182. Некоммерческое партнерство «Российская ассоциация реставраторов» : [официальный сайт]. – URL: http://rosrest.com/istoricheskie-poselenija (дата обращения: 22.03.2021). – Текст : электронный.

183. Никишин, Н. А. Музейные средства: знаки и символы / Н. А. Никишин. – Текст : непосредственный. // На пути к музею XXI века: музейная экспозиция : сборник научных трудов. – М., 1997. – 368 с. – С. 23–32.

184. Никонова, А. А. Роль музея в формировании культурной идентичности / А. А. Никонова. – Текст : электронный // Вопросы музеологии. – 2010. – № 2. – С. 119–123. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-muzeya-v-formirovanii-kulturnoy-identichnosti/viewer (дата обращения: 20.05.2020).

185. Нора, П. Всемирное торжество памяти / П. Нора. – Текст : электронный // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html (дата обращения: 27.08.2020).

186. О методических рекомендациях по критериям исторических поселений 27 ноября 2019. – Текст : электронный // Министерство культуры Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: https://culture.gov.ru/documents/o-metodicheskikh-rekomendatsiyakh-po-kriteriyam-istoricheskikh-poseleniy/ (дата обращения: 23.03.2021).

187. Овчинникова, Н. «Русь рукотворная» на Угличской земле 6.06.2017 / Н. Овчинникова. – Текст : электронный // Угличское благочиние :

[официальный сайт]. – URL: http://uglich.blagochin.ru/2017/06/06/rus-rukotvornaya-na-uglichskoj-zemle/ (дата обращения: 6.05.2021).

188. Основы музееведения : учебное пособие / отв. ред. Э. А. Шулепова. – М. : Единориал УРСС, 2005. – 504 с. – Текст : непосредственный.

189. Осокин, Р. Князь Андрей Большой: 560 лет со дня рождения / Р. Осокин. – Текст : непосредственный // Углече поле. – 2006. – № 3. – С. 5.

190. Парк, Р. Э. Город. Предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде / Р. Э. Парк. – Текст : непосредственный // Избранные очерки : сборник переводов / РАН ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отдел. Социологии и соц. Психологии ; сост. и пер. с англ. В. Г. Николаев ; отв. ред. Е. В. Ефременко. – М., 2011. – С. 19–56.

191. Парк, Р. Э. Город как социальная лаборатория / Р. Э. Парк ; пер. с анг. С. П. Баньковская. – Текст : электронный // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2. – № 3. – URL: http://les-urbanistes.blogspot.com/2008/10/blog-post.html (дата обращения: 10.09.2021).

192. Пермиловская, А. Б. Культурный ландшафт русского севера как объект наследия в аспекте региональной политики / А. Ю. Пермиловская. – Текст : электронный // Власть. – 2011. – № 3. – С. 84–86. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-landshaft-russkogo-severa-kak-obekt-naslediya-v-aspekte-regionalnoy-politiki/viewer (дата обращения: 14.11.2021).

193. Пермиловская, А. Б. Проблема сохранения культурных ландшафтов сельских исторических поселений русского севера / А. Ю. Пермиловская. – Текст : электронный // Регионология. – 2011. – № 2 (75). – С. 313–324. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=16447627 (дата обращения: 14.11.2021).

194. Пермиловская, А. Б. Русский Север – специфический код культурной памяти / А. Ю. Пермиловская. – Текст : электронный // Культура и искусство. – 2016. – № 2. – С. 155–163. – DOI: 10.7256/2222-1956.2016.2.18345. – URL: https://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=36733 (дата обращения: 14.11.2021).

195. Перова, Е. Для спорта и дружбы нет границ / Е. Перова. – Текст : электронный // Угличская газета. – 2004. – Июль. – URL: http://www.uglich.ru/rayon/sotrud/pobratim/YgID10/netgranic/ (дата обращения: 12.05.2021).

196. Петрунина, Л. Я. От традиционного музея к социальному институту / Л. Я. Петрунина. – Текст : электронный // Вопросы музеологии. – 2020. – Т. 11. – Вып. 1. – С. 133–140. – URL: https://museology.spbu.ru/article/view/10987 (дата обращения: 7.11.2021).

197. Пиксанов, Н. П. Областные культурные гнезда / Н. К. Пиксанов. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. – 148 с. – Текст : непосредственный.

198. Положение о проведении фестиваля-праздника «Золотое детство» / Угличский музей. – 2019. – На правах рукописи. – Текст : непосредственный.

199. Поляков, Т. П. Город в музее: проблемы экспозиционной интерпретации / Т. П. Поляков. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2013. – № 4(14). – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/235.html&j_id=17 (дата обращения: 15.04.2021).

200. Поляков, Т. П. Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия. – М. : Вече ; Институт наследия, 2019. – 592 с. – Текст : непосредственный.

201. Полякова, О. Б. «С усердием и верою…» / О. Б. Полякова. – Текст : непосредственный // Углече поле. – 2013. – № 18. – С. 136–145.

202. Постановление Администрации Ярославской области от 21.12.2004 № 217 «Об Угличском государственном историко-архитектурном и художественном музее». – Текст : электронный // Государственная эталонная база данных правовых актов Ярославской области. – URL: https://npa.yarregion.ru/xpages/SearchAnonym.aspx?k=угличский%20музей%20(kodeksIsLastRedaction:%22true%22) (дата обращения: 1.05.2021).

203. Постановление коллегии Министерства культуры РСФСР и Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам строительства от 16 февраля 1990 г. № 12 (162) «Об утверждении нового

списка исторических населенных мест РСФСР». – URL: http://www.alppp.ru/law/konstitucionnyj-stroj/territorija/17/postanovlenie-kollegii-minkultury-rsfsr-ot-19-02-1990--12-kollegii-gosstroja-rsfsr-ot-28-0.pdf (дата обращения: 17.03.2021). –Текст : электронный.

204. Постановление Правительства РФ от 26 ноября 2001 года № 815 «О Федеральной целевой программе «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002–2010 годы)». – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: http://docs.cntd.ru/document/901807199 (дата обращения: 17.03.2021).

205. Постановлению Совета Министров РСФСР от 29 июня 1957 года № 781 «Об улучшении дела охраны и реставрации памятников культуры в РСФСР». – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/885205983 (дата обращения: 6.11.2021).

206. Приказ Министерства культуры РФ и Министерства регионального развития РФ от 29 июля 2010 г. № 418/339 «Об утверждении перечня исторических поселений». – Текст : электронный // Документы системы «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/199389/ (дата обращения: 17.03.2021).

207. Проект «Музейная гостиная». – Текст : электронный // Угличский государственный историко-архитектурноый и художественный музей : [официальный сайт]. – URL: https://uglmus.ru/visitors/gostinaya/ (дата обращения: 6.05.2021).

208. Проекты в рамках концепции «Углич – центр детства и семьи» // Газета «Угличанин» : [официальный сайт]. – 23.09.2015. – URL: http://uglichanin-smi.ru/socium/1112-proekty-v-ramkah-koncepcii-uglich-centr-detstva-i-semy.html (дата обращения: 4.05.2021).

209. Равикович, Д. А. Музеи местного края во второй половине XIX – начале XX века / Д. А. Равикович. – Текст : непосредственный // Очерки истории музейного дела в России. – Вып. II. – М. : Советская Россия, 1960. – 380 с. – С. 145–224.

210. Размустова, Т. О. Местный музей: эволюция взглядов и динамика моделей / Т. О. Размустова. – Текст : непосредственный // Российская провинция XVIII – XX веков. Реалии культурной жизни : материалы III Всероссийской научной конференции (Пенза, 25–29 июня 1995). – Кн. 2.– Пенза, 1996. – С. 140–145.

211. Размустова, Т. О. Музеи и эволюция российского краеведения / Т. О. Размустова. – Текст : электронный // Экология культуры : информ. бюл. – Архангельск, 2004. – № 3. – С. 45–52. – URL: https://culture29.ru/upload/medialibrary/b49/b49d99d45daf37b845c35b64a1cd5fa5.pdf (дата обращения: 16.11.2021).

212. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2020 : стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 456 с. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/RZLCLxM7/Region-Goroda-2020.pdf (дата обращения: 3.11.2021). – Текст : электронный.

213. Рекомендации ИКОМ России по разработке определения понятия «музей» 2018 г. – Текст : электронный // ИКОМ России : [официальный сайт]. – URL: http://icom-russia.com/upload/documents/Рекомендации%20ИКОМ%20России%20по%20изменению%20определения%20понятия%20Музей_фин.pdf (дата обращения: 8.04.2019).

214. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр ; пер. с франц. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. – (Французская философия XX века). – 728 с. – Текст : непосредственный.

215. Родился завод в юбилей городской: 70 лет Угличмаш. – М. : ИПК Русская книга, 2007. – 199 с. – Текст : непосредственный.

216. Романов, Н. И. Местные музеи и как их устраивать / Н. И. Романов. – М. : Типография И. Желудковой, 1919. – 123 с. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_009134077?page=7&rotate=0&theme=white (дата обращения: 27.10.2020). – Текст : электронный.

217. Романчук, А. В. Музейный туризм : учебно-методическое пособие. – Санкт-Петербург, 2010. – 46 с. – Текст : непосредственный.

218. Российская музейная энциклопедия : словарь терминов. – 2002. – URL: http://museum.ru/rme/dictionary.asp?65 (дата обращения: 7.05.2021). – Текст : электронный.

219. Российская музейная энциклопедия : в 2 т. / Рос. ин-т культурологии МК РФ и РАН ; редкол.: В. Л. Янин (пред.) [и др.]. – М. : Прогресс ; «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. – Текст : непосредственный.

220. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2021). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ (дата обращения 16.11.2021). – Текст : электронный.

221. Российская Федерация. Законы. ФЗ № 179-ФЗ от 12.11.2012 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации” и Градостроительный кодекс Российской Федерации». – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201211130012?index=1&rangeSize=1 (дата обращения: 18.03.2021). – Текст : электронный.

222. Ростовцев, Е. А., Сосницкий, Д. А. Направления исследований исторической памяти в России / Е. А. Ростовцев, Д. А. Сосницкий. – Текст : электронный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. – 2014. – № 2. – С. 106–126. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21615148 (дата обращения: 10.05.2020).

223. Русакова, О. Ф., Русаков, В. М. Город как пространство исторической памяти / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. – Текст : электронный // Дискурс-пи. 2017. – № 1 (26). – С. 22–35. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30009017 (дата обращения: 8.04.2021).

224. Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры / Т. С. Злотникова [и др.]. – Текст : электронный // Вопросы

философии. – 2014. – № 11. – С. 126–136. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22576867 (дата обращения: 7.04.2021).

225. Русские города – рассадники искусства: Собрание иллюстрированных монографий. Ростов Великий. Углич. – Вып. I / И.Э. Грабарь. – М. : Издание И. Кнебель, 1913. – 200 с. – Текст : непосредственный.

226. Сагнак, И. В. Царевич, Россия, Углич / И. В. Сагнак. – Текст : непосредственный // Углече поле. – 2006. – № 2. – С. 6–11.

227. Саймон, Н. Партиципаторный музей / Н. Саймон ; пер. с англ. А. Глебовской. – М. : АД МАРГИНЕМ Пресс, 2017. – 439 с. – Текст : непосредственный.

228. Сапанжа, О. С. Историография музеологии, музееведения, музеографии: к вопросу разделения понятий / О. С. Сапанжа. – Текст : электронный // Вопросы музеологии. – 2013. – № 2 (8). – С. 197–205. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=21226962 (дата обращения: 18.06.2021).

229. Сапанжа, О. С. Основы музейной коммуникации : учебное пособие / О. С. Сапанжа. – СПб., 2007. – 143 с. – URL: https://vk.com/doc13922276_382202977?hash=fdbf5277e921900498&dl=b1a9ac18f303008083 (дата обращения: 14.04.2021). – Текст : электронный.

230. Сафронова, Ю. А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие / Ю. А. Сафронова. – Текст : электронный // Методологические вопросы изучения политики памяти : сборник научных трудов / отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. – М.–СПб : Нестор История, 2018. – С. 14–26. – URL: http://inion.ru/site/assets/files/3626/metodologicheskie_voprosy_izucheniia_politiki_pamiati.pdf (дата обращения: 16.05.2020).

231. Святославский, А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов / А.В. Святославский. – М. : Древлехранилище, 2013. – 592 с. – URL: https://www.academia.edu/9997791/История_России_в_зеркале_памяти_механизмы_формирования_исторических_образов_Часть_I_Russian_History_as_Mi

rrorred_in_Collective_Memory_Part_I (дата обращения: 3.05.2021). – Текст : электронный.

232. Севан, О. Г. Культурный и сельский туризм сегодня и завтра / О. Г. Севан. – Текст : непосредственный // Обсерватория культуры. – 2005. – № 4. – С. 28–35.

233. Секушина, И. А. Теоретические подходы к классификации малых и средних городов России / И. А. Секушина. – Текст : электронный // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2019. – № 2. – С. 84–93. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-klassifikatsii-malyh-i-srednih-gorodov-rossii (дата обращения: 19.09.2021).

234. Сиротина, Т. А. Музейная среда исторического города: ярославский архитектурный опыт : дисс…. канд. Культурологии : 24.00.01 / Т. А. Сиротина. – Ярославль, 2016. – 202 с. – URL: http://yspu.org/images/a/a7/Сиротина_Диссертация-текст.pdf (дата обращения: 16.07.2021). – Текст : электронный.

235. Словарь актуальных музейных терминов. – Текст : непосредственный // Музей. – 2009. – № 5. – С. 47–68.

236. Соболева, Е. С., Эпштейн, М. З. Музейный брендинг: процесс и инструментарий / Е. С. Соболева, М. З. Эпштейн. – Текст : электронный // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2015. – Т. 212. – С. 93–101. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25296680 (дата обращения: 13.04.2021).

237. Сокровища древнего Углича: декоративно-прикладное искусство музейного собрания / авт.-сост. А. Н. Горстка, Н. В. Чванова. – [Б. м.] : Гранд Холдинг, 2009. – 125 с. – Текст : непосредственный.

238. Соловьев, Л. Ф. Краткая история города Углича / Л. Ф. Соловьев ; отв. ред. В. И. Ерохин. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Научный мир, 2012. – 146 с. – Текст : непосредственный.

239. Социально-экономическое развитие малых городов России / Г. Ю. Ветров, Д. В. Визгалов, Е. Ю. Елагина [и др.]. – М. : Фонд «Институт экономики города», 2002. – 102 с. – Текст : непосредственный.

240. Стародубцева, М. Н., Чистякова, М. Г. Партиципаторный музей в контексте искусства соучастия / М. Н. Стародубцева, М. Г. Чистякова. – Текст : электронный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 12 (434). – С. 105–110. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/partitsipatornyy-muzey-v-kontekste-iskusstva-souchastiya (дата обращения: 3.04.2021).

241. Старшова, А. П. Визуальная доминанта и бренд древнего города / А. П. Старшова. – Текст : электронный // Брендинг как коммуникативная технология XXI века : материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – 2017. – С. 111–114. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=28409667 (дата обращения: 13.07.2021).

242. Старшова, А. П. Особенности «чтения» текста города: скульптура в Ярославле / А. П. Старшова. – Текст : электронный // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 5. – С. 367–371. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=27339633 (дата обращения: 12.07.2021).

243. Статистика: городское и сельское население России. – URL: https://manezh-saratov.ru/rossiya/naselennye-punkty-rf.html (дата обращения: 20.06.2021). – Текст : электронный.

244. Стратегия развития деятельности музеев в РФ на период до 2030 года : принята в 2018 г. – Текст : электронный // Союз музеев России : [официальный сайт]. – URL: http://www.souzmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=22197:strategiya-razvitiya-deyatelnosti-muzeev-v-rossijskoj-federatsii-na-period-do-2030-goda&catid=10589&Itemid=176 (дата обращения: 5.11.2021).

245. Стратегия развития туризма в Ярославской области 2017–2025. – Текст : электронный // Портал органов власти Ярославской области. – URL:

https://www.yarregion.ru/depts/Tourism/docsDocuments/стратегия%20туризма%20Яо.pdf (дата обращения: 11.04.2021).

246. Сундиева, А. А. Музеи России на рубеже XIX–XX веков / А. А. Сундиева. – Текст : электронный // Вестник Санкт-Петербургского института культуры. – 2018. – № 4 (37). – С. 119–122. – URL : https://elibrary.ru/item.asp?id=36609874 (дата обращения: 14.04.2021).

247. Сундиева, А. А. О базовых понятиях музейной науки / А. А. Сундиева // Музей. – 2009. – № 5. – С. 4–9.

248. Сундиева, А. А. Триста лет музейной практике в России: опыт осмысления / А. А. Сундиева. – Текст : электронный // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2015. – № 24. – С. 25–28. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=24902474 (дата обращения: 10.04.2021).

249. Терещенко, Л. В Постмодернизм в российской культуре: специфика и особенности проявления : автореферат дис. … кандидата культурологии : 24.00.01 / Л. В. Терещенко. – Краснодар, 2004. – 24 с. – URL: http://cheloveknauka.com/postmodernizm-v-rossiyskoy-kulture (дата обращения: 15.02.2021). – Текст : электронный.

250. Типовое положение о музее, работающем на общественных началах : утв. Министерством культуры СССР 12 апреля 1978 года. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=21597#8XErdsS4zezNlwE11 (дата обращения: 17.11.2021). – Текст : электронный.

251. Толковый словарь Ожегова. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=5547 (дата обращения: 6.04.2021). – Текст : электронный.

252. Томсинский, С. В. Завершение исследований на территории Угличского кремля / С. В. Томсинский. – Текст : электронный // Государственный Эрмитаж. Археологические экспедиции за 2004 г. – СПб., 2005. – С. 14–21. – URL: http://www.russiancity.ru/hbooks/h039f.htm (дата обращения: 18.04.2021).

253. Томсинский, С. В. От корней и под корнями / С. В. Томсинский. – Текст : непосредственный // Углече поле. – 2016. – № 28. – С. 32–37.

254. Томсинский, С. В. Раскопки в Угличском кремле в 2002 году / С. В. Томсинский. – Текст : электронный // Государственный Эрмитаж. Отчетная археологическая сессия за 2002 г. – СПб., 2003. – С. 10–14. – URL: http://www.russiancity.ru/hbooks/h039d.htm (дата обращения: 18.04.2021).

255. Томсинский, С. В. Скандинавские находки из угличского кремля и легенда об основании Углича / С. В. Томсинский. – Текст : электронный // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 1999. – № 5. – С. 169–178. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/skandinavskie-nahodki-iz-uglichskogo-kremlya-i-legenda-ob-osnovanii-uglicha (дата обращения: 18.04.2021).

256. Томсинский, С. В. Углече Поле в IX–XIII веках / С. В. Томсинский ; Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. – 319 с. – Текст : непосредственный.

257. Третьякова, Т. А. Жизненное пространство дворянской усадьбы Угличско-Мышкинского Верхневолжья в первой половине XIX века : автореферат…дисс. кан. истор. наук : 24.00.01. – Ярославль, 2008. – 23 с. – URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004135663.pdf (дата обращения: 1.04.2020). – Текст : электронный.

258. Тульчинский, Г. Л. Брендинг как социальное партнерство и консолидация городского социума / Г. Л. Тульчинский. – Текст : электронный // Экономика. Налоги. Право. – 2013. – № 6. – С. 76–80. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21114281 (дата обращения: 4.04.2020).

259. Тульчинский, Г. Л. Историческая память, наследие, образование / Г. Л. Тульчинский. – Текст : электронный // Наследие. – 2018. – № 1 (12). – С. 8–15. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36066853 (дата обращения: 4.04.2020).

260. Тульчинский, Г. Л. Соотношение исторической и культурной памяти: практики забвения / Г. Л. Тульчинский. – Текст : электронный // Социально-политические науки. – 2016. – № 4. – С. 10–13. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27641809 (дата обращения: 4.04.2020).

261. Туманов, В. Е. Общественные музеи: современное состояние и перспективы развития / В. Е. Туманов. – Текст : электронный // Музейное дело: музей – культура – общество : сборник научных трудов. – М., 1992. – С. 147–166.

262. Тюкина, Л. А., Личак, Н. А. Историческая память как механизм регулирования воспоминаний общества / Л. А. Тюкина, Н. А. Личак. – Текст : электронный // Карабихские научные чтения. «Эпоха Н. А. Некрасова и Н. А. Некрасов в эпохах: XIX-XX-XXI вв. “Вечное”, “забытое”, “устаревшее” и “современное” в наследии поэта и культуре его времени» : материалы научно-практической конференции. – 2019. – С. 104–109. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42598761 (дата обращения: 5.12.2020).

263. Углече поле. –2020. – № 32.

264. Углич в XX веке : материалы для экскурсоводов / сост. Т. В. Ерохина. – Углич, 2010. –15 с. – На правах рукописи. – Текст : непосредственный.

265. Углич: Материалы для истории города 17–18 столетий. – М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1887. – 358 с. – URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01003652326#?page=175 (дата обращения: 27.04.2021). – Текст : электронный.

266. Угличскому заводу минеральной воды 45 лет. – Текст : электронный // Угличский информационно-новостной портал. – 24.10.2020. – URL: https://uglich-online.ru/articles/soobshchestvo/item/34284-uglichskomu-zavodu-mineralnoj-vody-45-let.html (дата обращения: 28.04.2021).

267. Управление наследием: независимый сектор. – Текст : электронный // Ассоциация менеджеров культуры : [официальный сайт]. – URL: https://amcult.ru/upravlenie-naslediem-nezavisimyj-sektor (дата обращения: 25.09.2021).

268. Устав Международного совета музеев (ИКОМ) : принят 5.09.1989 г. – Текст : электронный // ИКОМ России : [официальный сайт]. – URL: http://icom-russia.com/data/ustavnye-dokumenty/ (дата обращения: 6.04.2019).

269. УФ ГАЯО. Р-94. О.5. Д. 203а. Л. 5.

270. УФ ГАЯО. Р-94. О. 5. Д. 253. Л. 1.

271. УФ ГАЯО. Р-94. О. 5. Д. 238. Л. 2.

272. УФ ГАЯО. Р-94. О. 1. Д. 37. Л. 1–2.

273. УФ ГАЯО. Р-94. О. 2. Д. 1. Л. 3.

274. УФ ГАЯО. Р-94. О. 3. Д. 6. Л. 39–46.

275. Федоров, Н. Ф. Музей, его смысл и назначение / Н. Ф. Федоров. – Текст : электронный // Литература и жизнь : [сайт]. – URL: http://dugward.ru/library/fedorov/fedorov_muzey.html#muz (дата обращения: 13.05.2020).

276. Филиппов, Ю., Гассий, В. Развитие местных сообществ / Ю. Филиппов, В. Гассий. – Текст : электронный // Муницип. власть. – 2004. – № 11–12. – С. 64–72. – URL: http://www.library.ru/1/kb/books/adm_reform/local_comm.php (дата обращения: 13.04.2021).

277. Философская энциклопедия / под ред. В. С. Степина. – М. : Мысль, 2001. – URL: https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/8560-УНИВЕРСУМ (дата обращения: 7.04.2021). – Текст : электронный.

278. Флиер, А. Я. О новой культурной полите России / А. Я. Флиер. – Текст : электронный // Общественные науки и современность. – 1994. – № 5. – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/769/894/1217/002_Flier.pdf (дата обращения: 21.03.2021).

279. Флоренский, П. Храмовое действо как синтез искусств / П. Флоренский. – Текст : электронный // Флоренский П. Сочинения : в 4-х т. – Т. 2. – М. : Мысль, 1996. – С. 370–383. – URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_russkaja/florenskij_p_a_sochinenija_v_4_tomakh_t_2/15-1-0-2574 (дата обращения: 4.05.2021).

280. Франция-память / Санкт-Петербургский гос. ун-т ; [Пьер Нора и др. ; пер. с фр. Д. Хапаевой]. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. – 328 с. – Текст : непосредственный.

281. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М. : Новое издательство, 2007. – 348 с. – URL:

https://www.academia.edu/29735881 (дата обращения: 1.04.2020). – Текст : электронный.

282. Хебдич, М. Музеи о городах / М. Хебдич ; пер. на русс. яз. ЗАО «Издания ЮНЕСКО на русском языке». – Текст : электронный // Museum. – 1996. – № 1 (187). – С. 7–11.

283. Царе – Угличский летописец / [подгот. текста, послесл. и коммент. И. В. Сагнак]. – Углич : Издание Угличского родословно-краеведческого о-ва им. Ф. Х. Кисселя, 2013. – 607 с. – Текст : непосредственный.

284. Ценностно-ориентированный подход реализации культурной политики как основа развития регионального кластера искусств / Н. В. Костюк, В. И. Марков, Т. А. Волкова [и др.]. – Текст : электронный // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2020. – № 51. – С. 14–21. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44256826& (дата обращения: 1.12.2021).

285. Частные и народные музеи России : [сайт]. – URL: https://privatemuseums.ru/ (дата обращения: 7.11.2021). – Текст: электронный.

286. Черкаева, О. Е. Музей одной темы: генезис и функции / О. Е. Черкаева. – Текст : электронный // Молодежь и социум. – 2012. – № 5. – С. 27–32. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18216014 (дата обращения: 2.04.2021).

287. Чернега, А. А. Социальное конструирование туристических достопримечательностей как фактор развития малых городов России : автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата социологических наук : 22.00.04 / А. А. Чернега. – Санкт-Петербург, 2016. – 24 с. – URL: https://disser.spbu.ru/files/disser2/877/aftoreferat/JH0PPps8wV.pdf (дата обращения: 5.11.2021). – Текст : электронный.

288. Чернега, А. А. Трансформация социальной структуры малого города в условиях развития туризма / А. А. Чернега. – Текст : электронный // Туризм на сельских территориях: опыт, проблемы, перспективы : сборник трудов V Международной научно-практической конференции, 24 мая 2016. – 2016. –

С. 127–131. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=26430812 (дата обращения: 13.04.2021).

289. Чернега, А. А. Туристическая достопримечательность как социальный ресурс / А. А. Чернега. – Текст : электронный // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. 17. – № 3. – С. 48–61. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=22400395 (дата обращения: 5.11.2021).

290. Шанина, О. Н. «Знакомьтесь, Ярославль»: из истории развития внутреннего туризма в 1970-е годы (на примере Ярославской области) / О. Н. Шанина. – Текст : электронный // Государственный архив Ярославской области : [официальный сайт]. – 20.09.2019. – URL: https://www.yararchive.ru/publications/details/528/#ref_note3 (дата обращения: 30.04.2021).

291. Шевченко, Э. А. Об исторических поселениях, недвижимых объектах наследия и градостроительных проблемах охраны наследия / Э. А. Шевченко – СПб. : Зодчий, 2018. – 368 с. – Текст : непосредственный.

292. Шекова, Е. Л. Особенности маркетинга в сфере культуры (на примере музеев) / Е. Л. Шекова. – Текст : электронный // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. – 2016. – № 2. – С. 71–86. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26395666 (дата обращения: 20.10.2020).

293. Шкаратан, О. И., Инясевский, С. А. Классификация отраслей экономики как инструмент анализа тенденций ее трансформации : препринт WP1/2007/04. – М. : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. – 20 с. – Текст : непосредственный.

294. Шляхтина, Л. М. Основы музейного дела: теория и практика : учебное пособие / Л. М. Шляхтина. – 2-е изд.стер. – М. : Высшая школа, 2009. – 183 с. – Текст : непосредственный.

295. Шляхтина, Л. М. Рекреационно-образовательная миссия современного музея: образование или развлечение? / Л. М. Шляхтина. – Текст : электронный // Вопросы музеологии. – 2013. – № 2 (8). – С. 206–212. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21226963 (дата обращения: 6.05.2021).

296. Шляхтина, Л. М. Современный музей: идеи и реалии / Л. М. Шляхтина. – Текст : электронный // Вопросы музеологии. – 2011. – № 2. – С. 14–19. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-muzey-idei-i-realii (дата обращения: 6.05.2021).

297. Шпилько, С. П. Нужно ли музею партнерство с турбизнесом? / С. П. Шпилько. – Текст : электронный // Мир музея. – 2007. – № 7. – С. 8–11.

298. Шуб, М. Л. Актуализация феномена прошлого в контексте современной социокультурной ситуации / М. Л. Шуб. – Текст : электронный // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 1 (33). – С. 61–67. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-fenomena-proshlogo-v-kontekste-sovremennoy-sotsiokulturnoy-situatsii (дата обращения: 25.08.2020).

299. Шуб, М. Л. Функции культурной памяти / М. Л. Шуб. – Текст : электронный // Вестник культуры и искусств. – 2016. – № 4 (48). – С. 71–76. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=27670638& (дата обращения: 19.10.2020).

300. Щегольков, Ю. Ю., Метелкина, П. В. Развитие туризма в малых городах России / Ю. Ю. Щегольков, П. В. Метелкина. – Текст : электронный // Мир новой экономики. – 2017. – № 11 (1). – С. 86–91. – URL: https://wne.fa.ru/jour/article/view/118/119 (дата обращения: 10.04.2021).

301. Щегольков, Ю. Ю., Пронина, А., Метелкина, П. Последний шанс… или может ли туризм спасти малые исторические города России? Опыт участников проекта «Настоящая Россия» в исследовании туристского потенциала городов ЦФО / Ю. Ю. Щегольков, А. Пронина, П. Метелкина. – Текст : электронный // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2017. – Т. 11. – № 2. – С. 125–130. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=29334623 (дата обращения: 1.11.2021).

302. Энциклопедия «Культурология XX век». – СПб. : Университетская книга; ООО «Алетейа», 1998. – URL: https://kultorolog.slovaronline.com/319-MASSOVAYA_KULTURA (дата обращения: 15.01.2021). – Текст : электронный.

303. Юренева, Т. Ю. Музееведение : учебник для высшей школы. – 2-е изд. – М. : Академический Проект, 2004. – 560 с. – Текст : непосредственный.

304. Якубова, Т. Н., Крюкова, А. П. Региональный брендинг как инструмент развития региона / Т. Н. Якубова, А. П. Крюкова. – Текст : электронный // Молодой ученый. – 2014. – № 21 (80). – С. 485–488. – URL: https://moluch.ru/archive/80/14255/ (дата обращения: 12.04.2021).

305. Ярославские усадьбы: Каталог с картой расположения усадеб / В. В. Стерлина и др. – М. : Институт Наследия, 2016. – 208 с. – Текст : непосредственный.

Приложение

Список музейных учреждений малого провинциального города Углича

№	Название музея	Тип музея (государственный/ негосударственный)	Время основания	Место положения	Профиль (специализация музейной коллекции)
1.	Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей	Государственный	1892	Территория Кремля, Успенская площадь.	Историко-архитектурный и художественный
2.	Музей часового завода «Чайка»	Негосударственный, ведомственный	1975	г. Углич, Рыбинское шоссе, 20-а	Исторический
3.	Музей истории Углича	Негосударственный	1989	г. Углич, ул. Бахарева, 27	Историко-краеведческий
4.	Музей истории русской водки	Негосударственный	1998	г. Углич, ул. Ростовская 1/1	Историко-краеведческий
5.	Творческая мастерская Дарьи Чужой «Музей мифов и суеверий русского народа»	Негосударственный	2001	г. Углич, ул. 9-го января, 40-1	Фольклорные персонажи из сказок и преданий
6.	Музей-галерея кукол	Негосударственный	2003 - 2021	г. Углич, ул. О. Берггольц, 1/2	Авторские куклы и игрушки мастеров О. Павлычевой, В. Большаковой
7.	Музей городского быта	Негосударственный	2004	г. Углич, Успенская пл., 5	Историко-бытовой
8.	Музей тюремного искусства	Негосударственный	2004	Г. Углич, О. Берггольц,	Экспозиция «Запретная зона»

				1/2	
9.	Учебно-производственный информационный центр - Музей гидроэнергетики.	Негосударственный, ведомственный	Основан в 2005, открыт для посетителей в 2007.	г. Углич, ул. Спасская, д. 33	Историко-Краеведческий
10.	Музей «Дом Калашниковых»	Негосударственный	2009	г. Углич, ул. Первомайская, 13/12	Краеведческий
11.	Дом-музей «Легенды Углича»	Негосударственный	2010 - 2017	г. Углич, ул. Спасская, 2,	Историко-краеведческий
12.	Музей народной игрушки и традиционного искусства	Негосударственный	2017	г. Углич, Гражданская, д. 3/5	Экспозиция игрушек народов мира
13.	Музей необычных велосипедов «Самокат»	Негосударственный	2017	г. Углич, ул. О. Берггольц, 3,	Исторический
14.	Музей игральных карт	Негосударственный	2019	г. Углич, ул. О. Берггольц, 1/2	Коллекция игральных карт
15.	Музей авангардного и наивного искусства «Авангард. Углич».	Негосударственный	2019	г. Углич, ул. Ростовская, 1-3	Музей современного искусства (художественный)
16.	Музей кожевенного ремесла	Негосударственный	2019	г. Углич, ул. Островского, 4	Историко-краеведческий